

154

2154

brach, brach
1854

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Ф. М. Достоевскаго.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Критическія статьи.

Дневникъ писателя
за 1873 г.

(Изъ журнала „Гражданин“).

Политическія статьи.

Безплатное приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1895.

162069

Дозволено цензурою. СПБ. 28 марта 1895 г.

VII.

„Смятенный видъ“ *).

Я кое-что прочелъ изъ текущей литературы и чувствую, что *Гражданинъ* обязанъ упомянуть о ней на своихъ страницахъ. Но—какой я критикъ? Я дѣйствительно хотѣлъ было писать критическую статью, но, кажется, я могу сказать кое-что лишь „по поводу“. Всего я прочелъ: „Запечатлѣннаго Ангела“ г. Лѣскова, поэму Некрасова и статью г. Щедрина. Прочелъ я тоже статьи гг. Скабичевскаго и Н. М. въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Обѣ эти статьи въ нѣкоторомъ смыслѣ были для меня какъ бы новымъ откровеніемъ; когда-нибудь непременно надо поговорить о нихъ. А теперь начну съ начала, т. е. въ томъ порядкѣ, какъ читалъ, именно съ „Запечатлѣннаго Ангела“.

Это разсказъ г. Лѣскова въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Извѣстно, что сочиненіе это многимъ понравилось здѣсь въ Петербургѣ и что очень многіе его прочли. Дѣйствительно, оно того стоитъ: и характерно, и занимательно! Это повѣсть, разсказанная однимъ бывшимъ раскольниковъ на станціи въ рождественскую ночь о томъ, какъ всѣ они, раскольники, человѣкъ сто пятьдесятъ, цѣлою артелью перешли въ православіе, вслѣдствіе чуда. Эта артель работниковъ строила мостъ въ одномъ большомъ русскомъ городѣ и года три жила въ отдѣльныхъ баракахъ на берегу рѣки. Была у нихъ своя часовня, а въ ней множество древнихъ образовъ, освященныхъ еще до времени патріарха Никона. Очень занимательно разсказано, какъ одному господину, не совершенно маловажному чиновнику, захотѣлось сорвать съ артели взятку,

*) № 8 „Гражданинъ“ 1873 г.

тысячъ въ пятнадцать. Наѣхавъ вдругъ въ часовню со властью, онъ потребовалъ по сту рублей съ иконы выкупа. Дать не могли. Тогда онъ арестовалъ образа. Въ нихъ просверлили дырѣя, нанизали ихъ на желѣзныя спицы, какъ бублики, и унесли куда-то въ подвалъ. Но тутъ была икона Ангела, древняя и особо уважаемая, считаемая артелью за чудотворную. Чтобы поразить, отмстить и оскорбить, чиновникъ, раздраженный упорствомъ неплатящихъ раскольниковъ, взялъ сургучъ и, въ виду всего собранія, накапалъ его на ликъ образа и приложилъ казенную печать. Мѣстный архіерей, увидавъ запечатлѣнный ликъ святыни, изрекъ: „Смятенный видъ“, и распорядился поставить поруганную икону въ соборѣ на окно. Г. Лѣсковъ увѣряетъ, что слова архіерея и распоряженіе отнести поруганную икону въ соборъ, а не въ подвалъ, будто бы очень понравились раскольникамъ.

Затѣмъ началась запутанная и занимательная исторія о томъ, какъ былъ выкраденъ этотъ „Ангель“ изъ собора. Съ раскольниками связался англичанинъ, баринъ и, кажется, подрядчикъ по строящемуся мосту, полюбилъ ихъ и, такъ какъ съ нимъ они были откровенны,—то взялся имъ помогать. Особенно выдаются въ разсказѣ бесѣды раскольниковъ съ англичаниномъ объ иконной живописи. Это мѣсто серьезно хорошо, лучше во всемъ разсказѣ. Все кончается тѣмъ, что за всенощной икону, наконецъ, выкрали изъ собора, Ангела распечатлѣли, подмѣнили иконою повою, еще не освященною, которую взялась „запечатлѣть“, на подобіе первой, жена англичанина. И вотъ, въ критическую минуту случилось чудо: отъ новой запечатлѣнной иконы видѣли свѣтъ (правда, видѣлъ одинъ только человѣкъ), а икона, когда ее принесли, оказалась незапечатлѣнною, т. е. безъ сургуча на ликѣ. Это такъ поразило принесшаго ее раскольника, что онъ тутъ же отправился въ соборъ къ архіерею и во всемъ ему покаялся, при чемъ владыко простилъ и изрекъ:

„Это тебѣ должно быть внушительно теперь, гдѣ вѣра дѣйствительнѣе: вы, говорить, плутовствомъ съ своего Ангела печать свели, а нашъ самъ съ себя снялъ и тебя сюда привелъ“.

Чудо такъ поразило раскольниковъ, что они всею артелью, сто пятьдесятъ или около, человѣкъ, перешли въ православіе.

Но тутъ авторъ не удержался и кончилъ повѣсть до-

вольно неловко. (Къ этимъ неловкостямъ г. Лѣсковъ способенъ; вспомнимъ только конецъ діакона Ахиллы въ его „Соборянахъ“). Онъ, кажется, испугался, что его обвинять въ наклонности къ предразсудкамъ и поспѣшили разъяснить чудо. Самъ же разсказчикъ, т. е. мужичокъ, бывший раскольникъ, „весело“ у него сознается, что на другой день послѣ ихъ обращенія въ православіе доискались, почему распечатлѣлся Ангелъ. Англичанка не осмѣлилась закапать ликъ, хотя и не освященной иконы, а сдѣлала печать на бумажкѣ и подвела ее подъ края оклада. Въ дорогѣ бумажка, конечно, соскользнула, и Ангелъ распечатлѣлся. Такимъ образомъ, отчасти и непонятно, почему раскольники остались въ православіи, несмотря на разъясненіе чуда? Конечно, отъ умиленія и отъ ласки простившаго ихъ архіерея? Но взявъ въ соображеніе твердость и чистоту ихъ прежнихъ вѣрованій, взявъ въ соображеніе посрамленіе ихъ святыни и надруганіе надъ святынею ихъ собственныхъ чувствъ, взявъ въ соображеніе, наконецъ, вообще характеръ нашего раскола, врядъ ли можно объяснить обращеніе раскольниковъ однимъ умиленіемъ, да и къ чему, къ кому? Въ благодарность за одно только *прошеніе архіерея*? Вѣдь понимали же они—даже лучше другихъ—что именно, на самомъ дѣлѣ, должна бы означать власть архіерея въ церкви, а потому и не могли бы умилиться чувствомъ къ той церкви, гдѣ архіерей, послѣ такого неслыханнаго, всенародно-безстыднаго и самоуправнаго святотатства, которое позволилъ себѣ взяточникъ-чиновникъ, касающагося какъ раскольниковъ, такъ равно и *всѣхъ православныхъ*, ограничивается лишь тѣмъ, что говоритъ съ воздыханіемъ: „Смятенный видъ!“ и не въ силахъ остановить даже второстепеннаго чиновника отъ такихъ звѣрскихъ и ругательныхъ для религіи дѣйствій.

И вообще въ этомъ смыслѣ повѣсть г. Лѣскова оставила во мнѣ впечатлѣніе болѣзненное и нѣкоторое недоувѣріе къ правдѣ описаннаго. Она, конечно, отлично разсказава и заслуживаетъ многихъ похвалъ, но вопросъ: неужели это все правда? Неужели это все у насъ могло произойти? То-то и есть, что разсказъ, говорятъ, основанъ на дѣйствительномъ фактѣ. Вообразимъ только такой случай: положимъ, гдѣ-нибудь, теперь, въ какой-нибудь православной церкви, находится древняя чудотворная икона, повсемѣстно чтимая всѣмъ Православіемъ. Пред-

ставимъ, что какая-нибудь артель раскольниковъ цѣлымъ скопомъ выкрадываетъ эту икону изъ собора, собственно, чтобы имѣть эту древнюю святыню у себя, въ своей молельной. Все это, конечно, могло бы случиться. Представимъ, что лѣтъ черезъ десять, какой-нибудь чиновникъ находитъ эту икону, торгуется съ раскольниками, чтобы добыть знатную взятку; они такой суммы дать не въ силахъ, и вотъ онъ беретъ сургучъ и капаетъ его на ликъ святыни съ приложеніемъ казенной печати. Неужели отъ того только, что икона побывала нѣкоторое время въ рукахъ раскольниковъ, она потеряла свою святыню? Вѣдь и икона „Ангела“, о которой рассказываетъ г. Лѣсковъ, была древле освященною православною иконою, чтимую до раскола всѣмъ православіемъ? И неужели при семъ мѣстный архіерей не могъ и не имѣлъ бы права поднять хоть палецъ въ защиту святыни, а лишь съ вздыханіемъ проговорилъ: „Смятенный видъ“. Мои тревожные вопросы могутъ показаться нашимъ образованнымъ людямъ мелкими и предразсудочными; но я того убѣжденія, что оскорбленіе народнаго чувства во всемъ, что для него есть святого—есть страшное насиліе и чрезвычайная безчеловѣчность. Неужели раскольникамъ не пришла въ голову мысль: „Что же, какъ бы сей православный владыко защитилъ церковь, если бы обидчикомъ было еще болѣе важное лицо?“ Могли ли они съ почтеніемъ отнестись къ той церкви, въ которой высшая духовная власть, какъ описано въ повѣсти, такъ мало имѣетъ власти? Ибо, чѣмъ же объяснить поступокъ архіерея, какъ не малою властью его? Неужели равнодушіемъ и лѣнностью, и неслыханнымъ предположеніемъ, что онъ, забывъ обязанность своего сана, обратился въ чиновника отъ правительства? Вѣдь если ужъ такая нелѣпость зайдетъ въ головы духовныхъ чадъ его, то ужъ это всего хуже: православныя дѣти его постепенно теряютъ всякую энергію въ дѣлѣ вѣры, умиленіе и преданность къ церкви, а расколъ будетъ смотрѣть на православную Церковь съ презрѣніемъ. Вѣдь, значить же что-нибудь пастырь? Вѣдь понимаютъ же это раскольники?

Итакъ, вотъ какія мысли приходятъ въ голову послѣ чтенія прекраснаго разсказа г. Лѣскова; такъ что мы, повторяемъ, наклонны считать этотъ разсказъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, почти неправдоподобнымъ. Между тѣмъ, въ одномъ изъ недавнихъ *ММ. Голоса*, прочелъ я слѣдующее извѣстіе:

„Одинъ изъ деревенскихъ свидѣльниковъ Орловской губерніи пишетъ въ газету *Современность*: „Занимаясь обученіемъ дѣтей своихъ прихожанъ грамотѣ почти съ самаго уничтоженія крѣпостного права, я оставилъ эту обязанность только тогда, когда наше д—ское земство приняло на себя вознагражденіе и пожелало имѣть свободныхъ отъ другихъ занятій наставниковъ. Но, въ началѣ нынѣшняго 1872—73 учебнаго года, оказался недостатокъ народныхъ учителей въ нашемъ уѣздѣ. Я, не желая закрытія училища въ своемъ селѣ, рѣшилъ изъяснить свое желаніе занять должность наставника и обратился въ училищный совѣтъ съ прошеніемъ объ утвержденіи меня въ этой должности. Совѣтъ отвѣтилъ мнѣ, что „я тогда буду утвержденъ въ должности наставника, когда на то изъяснитъ свое согласіе общество“. Общество пожелало и составило о томъ приговоръ. Обращаюсь въ волостное правленіе для засвидѣтельствованія приговора, какъ требовалъ того училищный совѣтъ. Волостное правленіе, имѣя во главѣ невѣжественнаго писаря, М. С., и во всемъ послушнаго ему старшину, не восхотѣло засвидѣтельствовать приговора, ссылаясь на то, что мнѣ учить некогда, но въ душѣ руководясь другими побужденіями. Я обращаюсь къ мировому посреднику. Посредникъ П. высказалъ мнѣ въ глаза слѣдующія достопримѣчательныя слова: „Правительство вообще не расположено къ тому, чтобы народное образованіе было въ рукахъ духовенства“. Почему бы такъ?—спрашиваю я. „Потому, отвѣчаетъ посредникъ,—что духовенство проводитъ суетьбу“.

Какъ вамъ правится, господа, это сообщеніе? Вѣдь оно, конечно, въ косвенномъ смыслѣ, почти восстанавливаетъ правдоподобность разсказа г. Лѣскова, въ которой мы такъ усомнились и упорно продолжаемъ сомнѣваться. Тутъ важно не то, что случился такой посредникъ: что за нужда, что какой-нибудь глупецъ скажетъ съ вѣтру глупое слово? И какое намъ дѣло до его убѣжденій? Тутъ важно то, что это такъ откровенно и со властью высказано; съ такою сознательною властью, съ такою безбоязненною безцеремонностью. Онъ высказываетъ свое премудрое убѣжденіе уже прямо и не обинуясь *въ глаза* и, кромѣ того, имѣетъ дерзость навязывать такіа убѣжденія правительству и говорить *отъ лица* правительства.

Ну, осмѣлился бы это сказать не то что какой-то посредникъ, а въ десять разъ вышее его по власти лицо

какому-нибудь хоть, напимѣрь, остзейскому пастору? Господи, какой бы этотъ пасторъ затѣялъ крикъ и какой бы въ самомъ дѣлѣ поднялся крикъ! У насъ священникъ смиренно обличаетъ дерзкаго путемъ гласности. Но приходитъ мысль: если бы это лицо было повыше посредника (что вѣдь очень можетъ быть, потому что у насъ все можетъ случиться), то вѣдь, можетъ быть, пастыръ добрый и не сталъ бы совсѣмъ обличать его, зная, что изъ этого выйдетъ одинъ лишь „смятенный видъ“ и ничего болѣе. Да и нельзя-же требовать отъ него энергіи первыхъ вѣковъ христіанства, хотя бы и желалось того. Мы вообще склонны обвинять наше духовенство въ равнодушіи къ святому дѣлу; но какъ же и быть ему при иныхъ обстоятельствахъ? А, между тѣмъ, помощь духовенства народу никогда еще не была такъ настоятельно необходима. Мы переживаемъ самую смутную, самую неудобную, самую переходную и самую роковую минуту, можетъ быть, изъ всей исторіи русскаго народа.

Очень странное явленіе случилось недавно въ одномъ углу Россіи — нѣмецкое протестантство въ средѣ православія, новая секта штундистовъ. *Гражданинъ* о ней общалъ своевременно. Явленіе почти уродливое, но въ немъ какъ бы слышится нѣчто пророческое.

Въ Херсонской губерніи какой-то пасторъ Боневетбергъ пожалѣлъ отъ добраго сердца тамошній русскій народъ, видя его непросвѣщеннымъ и духовно-оставленнымъ, и сталъ проповѣдывать ему христіанскую вѣру, но держась православія и самъ уговаривая его отъ православія не отступать. Но случилось иначе: проповѣдь имѣла полный успѣхъ, но новые христіане тотчасъ же начали тѣмъ, что отстали отъ православія, поставили себѣ это первымъ и непремѣннымъ условіемъ, отвернулись отъ обрядовъ, иконъ, стали собираться по-лютерански и пѣть псалмы по книжкѣ; иные выучились даже нѣмецкому языку. Секта распространяется съ фанатическою быстротой, переходитъ въ другіе уѣзды и губерніи. Сектанты измѣнили образъ жизни, не пьянствуютъ. Они такъ, напимѣрь, разсуждаютъ:

— У нихъ (то-есть у нѣмецкихъ, лютеранскихъ штундистовъ), — у нихъ потому хорошо, и потому они такъ честно и благообразно живутъ, что пѣть постовъ...

Логика мизерная, но какой-то есть смыслъ, какъ хотите, особенно, если смотрѣть на постъ, какъ на одинъ

лишь обрядъ. А откудава бѣдный человѣкъ могъ бы узнать спасительную, глубокую цѣль поста? Да онъ и всю свою прежнюю вѣру зналъ какъ одинъ лишь обрядъ.

Значить, противъ обряда и протестовалъ.

Это, положимъ, понятно. Но почему онъ такъ вдругъ схватился протестовать. Гдѣ причина, его подвигнувшая?

Причина, можетъ быть, очень общая—та, что возсіялъ ему свѣтъ новой жизни съ 19 февраля. Онъ могъ споткнуться и упасть съ первыхъ шаговъ на новомъ пути; но очнуться надо было непременно, а очнувшись, онъ вдругъ увидалъ, какъ онъ „жалокъ и бѣденъ, и слѣпъ, и нищъ, и нагъ“. Главное,—правды захотѣлось, правды во что бы ни стало, даже жертвуя всѣмъ, что было до сихъ поръ ему свято. Потому что никакимъ развратомъ, никакимъ давленіемъ и никакимъ униженіемъ не истребишь, не замретишь и не искоренишь въ сердцѣ народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего. Онъ можетъ страшно упасть; но въ моменты самага полнаго своего безобразія онъ всегда будетъ помнить, что онъ всего только безобразникъ и болѣе ничего; но что есть гдѣ-то высшая правда, и что эта правда выше всего.

Вотъ явленіе. Явленіе это, можетъ быть, пока единичное, съ краю, но врядъ ли случайное. Оно можетъ затихнуть и зачерствѣть въ самомъ началѣ и опять-таки преобразиться въ какую-нибудь обрядность, подобно большинству русскихъ сектъ, особенно если ихъ не трогать. Но, какъ хотите, въ явленіи этомъ, повторяю, можетъ все-таки заключаться какъ бы нѣчто пророческое. Въ настоящее время, когда все будущее такъ загадочно, позволительно иногда даже вѣрить въ пророчества.

Ну, что если нѣчто подобное развернется уже по всей Руси? Не это самое, не штундисты (тѣмъ болѣе, что, говорятъ, уже приняты надлежащія мѣры), а только нѣчто подобное? Что если весь народъ вдругъ скажетъ себѣ, дойдя до краевъ своего безобразія и разглядѣвъ свою нищету: „Не хочу безобразія, не хочу пить вина, а хочу правды и страха Божьяго, а главное — правды, правды прежде всего“.

Что возжаждетъ онъ правды—въ томъ, конечно, явленіе отрадное. А между тѣмъ вмѣсто правды можетъ выйти чрезвычайная ложь, какъ и у штундистовъ.

Ну, какой въ самомъ дѣлѣ нашъ народъ протестантъ и какой онъ нѣмецъ? И къ чему ему учиться по-нѣмецки,

чтобы пѣть псалмы? И не заключается ли все, все, чего ищетъ онъ, — въ православіи? Не въ немъ ли одномъ и правда, и спасеніе народа русскаго, а въ будущихъ вѣкахъ и для всего человѣчества? Не въ православіи ли одномъ сохранился божественный ликъ Христа во всей чистотѣ? И, можетъ быть, главнѣйшее предъизбранное назначеніе народа русскаго въ судьбахъ всего человѣчества и состоитъ лишь въ томъ, чтобъ сохранить у себя этотъ божественный образъ Христа во всей чистотѣ, а когда придетъ время, — явить этотъ образъ міру, потерявшему пути свои!

Да, но покамѣстъ это все сбудется, пасторъ-то вотъ всталъ пораньше, съ первыми птицами, да и пришелъ къ народу, чтобы сказать ему правду—православную правду, онъ былъ очень совѣстливъ. Но народъ пошелъ за нимъ, а не за православіемъ,—не изъ благодарности только, а за то, что отъ него первую правду увидѣлъ. Ну, и вышло, что „у него потому хорошо, что постовъ нѣтъ“. Заключение очень понятное, коли замѣшалась личность.

Ну, а кстати: что же наши священники? Что объ нихъ-то слышно?

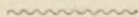
А наши священники тоже, говорятъ, просыпаются. Духовное наше сословіе, говорятъ, давно уже начало обнаруживать признаки жизни. Съ умиленіемъ читаемъ мы назиданія владыкъ по церквамъ своимъ о проповѣдничествѣ и благообразномъ житіи. Наши пастыри, по всѣмъ извѣстіямъ, рѣшительно принимаются за сочиненіе проповѣдей и готовятся произнести ихъ.

Поспѣютъ ли только во-время? Поспѣютъ ли проснуться съ первыми птицами? Пасторъ все-таки птица иная, залетная, да и гарантированъ иначе. Ну, да и служба совсѣмъ другая, начальство и проч. Такъ-то такъ, да вѣдь не чиновникъ же въ самомъ дѣлѣ и нашъ священникъ! И не проповѣдникъ ли онъ единой великой Истины, имѣющей обновить весь міръ?

Пасторъ успѣлъ раньше него, это все правда; но что же и дѣлать однако было священнику, въ случаѣ, папримѣръ, хоть штундистовъ? Мы вотъ все склонны обвинять нашихъ священниковъ, а вникнемъ однако: неужели ограничиться лишь доносомъ начальству? О, конечно, нѣтъ, добрыхъ пастырей у насъ много, — можетъ быть, болѣе даже, чѣмъ мы можемъ надѣяться, или сами того заслуживаемъ. Но все-таки, что же онъ сталъ бы тутъ пропо-

вѣдывать?—(приходитъ мнѣ иногда въ голову, какъ свѣтскому человѣку, съ дѣломъ незнакомому)—о преимуществѣ православія передъ лютеранствомъ? Но вѣдь мужики люди темные: ничего не поймутъ и, пожалуй, не убѣдятся. Доброе поведеніе и добрые нравы, говоря вообще и не слишкомъ пускаясь въ подробности? Но какіе же тутъ „добрые нравы“, когда народъ пьянъ съ утра до вечера. Воздержаніе отъ вина въ такомъ случаѣ, чтобы истребить зло въ самомъ корнѣ? Безъ сомнѣнія, такъ, хотя тоже не слишкомъ пускаясь въ подробности, ибо... ибо все-таки надо имѣть въ соображеніи величіе Россіи, какъ великой державы, которое такъ дорого стѣитъ... Ну, а вѣдь ужъ это въ нѣкоторомъ родѣ почти то же, что и „смятенный видъ-сь“. Остается, стало быть, проповѣдывать, чтобы народъ пилъ *немножко только поменьше...*

Ну, а пастору какое дѣло до величія Россіи, какъ великой европейской державы? И не боится онъ никакого „смятеннаго вида“, и служба у него совсѣмъ другая. А потому дѣло и осталось за нимъ.

VIII.

Полписьма „одного лица“ *).

Ниже я помѣщаю письмо, или, лучше сказать, полписьма „одного лица“ въ редакцію *Гражданина*; все письмо напечатать было никакъ невозможно. Это все то же „лицо“, вотъ тотъ самый, который уже отличился разъ въ *Гражданинѣ* насчетъ „могилокъ“. Признаюсь, печатаю единственно, чтобы отъ него отвязаться. Редакція буквально задавлена его статьями. Во-первыхъ, это „лицо“ рѣшительно выступаетъ моимъ защитникомъ противъ литературныхъ „враговъ“ моихъ. Онъ написалъ уже за меня и въ пользу мою три „антикритики“, двѣ „замѣтки“, три „случайныя замѣтки“, одно „по поводу“ и, наконецъ, „наставленіе какъ вести себя“. Въ этомъ послѣднемъ полемическомъ сочиненіи своемъ, онъ, подъ видомъ наставленія „врагамъ“ моимъ, нападаетъ уже на меня самого и нападаетъ въ такомъ даже тонѣ, что я ничего подобнаго, по энергіи и ярости, не встрѣчалъ даже и у „враговъ“ моихъ. Онъ хочетъ, чтобы я это все напечаталъ! Я рѣшительно заявилъ ему, что, во-первыхъ, „враговъ моихъ“ никакихъ не имѣю, и что все это только такъ и призраки; во-вторыхъ, что и время уже прошло, ибо весь этотъ гамъ журналистовъ, раздавшійся съ появленія перваго № *Гражданина* сего 1873 года съ такою неслыханною литературною яростью, безпардонностью и простодушіемъ приемовъ атаки, теперь недѣли двѣ, даже три тому назадъ, вдругъ и неизвѣстно почему прекратился, точи такъ же, какъ неизвѣстно почему и начался. Наконецъ, что если бы я и вздумалъ кому отвѣчать, то сумѣлъ бы это сдѣлать самъ, безъ его помощи.

*) № 10 „Гражданина“ 1873 г.

Онъ разсердился, и, поссорясь со мною, вышелъ. Я даже былъ радъ тому. Это человекъ болѣзненный... Онъ въ напечатанной у насъ еще прежде статьѣ уже сообщилъ, отчасти, нѣкоторыя черты изъ своей біографіи: человекъ огорченный и ежедневно себя „огорчающій“. Но, главное, меня пугаетъ эта непомѣрная сила „гражданской энергіи“ сего сотрудника. Представьте, онъ съ первыхъ словъ заявилъ мнѣ, что не требуетъ ни малѣйшаго гонорарія, а пишетъ единственно изъ „гражданскаго долга“. Даже признался мнѣ, съ гордою, но вредящею себѣ откровенностью, что писалъ вовсе не для того, чтобы защищать меня, а единственно, чтобы провести при семъ случаѣ свои мысли, такъ какъ ихъ ни въ одной редакціи не принимаютъ. Онъ просто-за-просто питалъ сладкую надежду отмежевать себѣ, хоть задаромъ, постоянный уголокъ въ нашемъ журналѣ, чтобы имѣть возможность постоянно излагать свои мысли. Какія же это мысли? Пишетъ онъ обо всемъ, отзываясь на все съ горечью, съ яростью, съ ядомъ и со „слезой умиленія“. „Девяносто процентовъ на ядъ и одинъ процентъ на слезу умиленія!“ — объявляетъ онъ самъ въ одной своей рукописи. Начнется новый журналъ или новая газета, и онъ ужъ немедленно тутъ: поучаетъ и даетъ наставленія. Это совершенная правда, что въ одну газету онъ отослалъ до сорока писемъ съ наставленіями, т.-е. какъ издавать, какъ вести себя, объ чемъ писать и на что обращать вниманіе. Въ нашей редакціи накопилось его писемъ, въ два съ половиною мѣсяца, до двадцати осьми штукъ. Пишетъ онъ всегда за своею полною подписью, такъ что его вездѣ уже знаютъ, и мало того, что тратитъ послѣднія копейки на франкировку, но еще въ письма же вкладываетъ свѣжія марки, предполагая, что добьется своего и затѣетъ гражданскую переписку съ редакціями. Всего болѣе удивляетъ меня, что я никакъ не могъ, даже изъ двадцати восьми его писемъ, открыть, какого онъ направленія и чего собственно такъ добивается? Это какой-то сумбуръ... Рядомъ съ грубостью приемовъ, съ цинизмомъ краснаго носа и „огорченнаго запаха“, изстуженнаго слога и разорванныхъ сапоговъ, мелькаетъ какая-то скрытая жажда нѣжности, чего-то идеальнаго, вѣра въ красоту, Sehnsucht по чему-то утраченному, и все это выходитъ какъ-то до крайности въ немъ отвратительно. И вообще онъ мнѣ надоѣлъ. Правда, онъ грубитъ открыто и денегъ за это

не требуетъ, стало-быть, отчасти лицо благородное; но Богъ съ нимъ и съ его благородствомъ! Не далѣе какъ три дня послѣ нашей ссоры, онъ явился опять съ „послѣднею уже попыткой“, и принесъ вотъ это „Письмо одного лица“. Нечего дѣлать, я взялъ и долженъ теперь напечатать.

Первую половину письма рѣшительно нельзя напечатать. Это—однѣ только личности и ругательства чуть не всѣмъ петербургскимъ и московскимъ изданіямъ, выходящія изъ всякой мѣрки. Ни одно изъ упрекаемыхъ имъ изданій не возвышалось до такого цинизма въ ругательствахъ. И главное, самъ-то онъ ихъ ругаетъ единственно за цинизмъ и за дурной тонъ ихъ полемики. Я просто отрѣзалъ ножницами всю первую часть письма и возвратилъ ему. Заключительную же часть печатаю лишь потому, что тутъ, такъ сказать, тема общая: это нѣкое увѣщаніе какому-то воображаемому фельетонисту,—увѣщаніе даже пригодное для фельетонистовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, до того оно общее. Слогъ возвышенный, при чемъ сила слога равняется лишь наивности изложенныхъ мыслей. Обращаясь съ увѣщаніемъ къ фельетонисту, онъ говоритъ ему *ты*, какъ въ одахъ стараго времени. Онъ ни за что не хотѣлъ, чтобы я началъ съ точки, и стоялъ на томъ, чтобы печатаніе полуписьма его началось съ полупфразы, именно такъ, какъ отрѣзалось ножницами: „пусть, дескать, увидятъ какъ меня исказили!“ Онъ же отстоялъ и заглавіе: я хотѣлъ все-таки написать: „Письмо одного лица“; онъ непремѣнно потребовалъ, чтобы озаглавлено было: „Полписьма одного лица“.

Итакъ, вотъ эти полписьма...

„Полписьма одного лица“.

...и неужели въ словѣ „свинья“ заключается столь магическій и заманчивый смыслъ, что ты тотчасъ же и несомнѣнно принимаешь его на свой счетъ? Я давно ужъ сталъ замѣчать, что въ русской литературѣ это слово постоянно имѣетъ нѣкоторый особенный и даже какъ бы мистическій смыслъ. Даже дѣдушка Крыловъ, понимая это, употреблялъ съ особою любовью „свинью“ въ своихъ апологахъ. Читающій литераторъ, даже въ уединеніи и про себя, встрѣтившись съ словомъ симъ, немедленно вздрагиваетъ и тотчасъ же начинаетъ задумываться: „Не я ли это? Не про меня ли написано?“ Согласенъ, что

слово энергическое, но зачѣмъ же подразумѣвать непременно себя и даже себя одного? Есть и другіе, кромѣ тебя. Ужъ не имѣешь ли тайныхъ причинъ къ сему? Ибо, чѣмъ иначе могу объяснить твою мнительность? *).

Второе, что замѣчу тебѣ, о другъ мой фельетонистъ, это то, что ты неводерженъ въ планировкѣ своихъ фельетоновъ. Ты напихиваешь въ столбцы свои столько генераловъ, акціонеровъ, князей, въ тебѣ и въ острыхъ словахъ твоихъ имѣющихъ нужду, что поневолѣ заключаю, читая, что за обиліемъ многихъ не имѣешь ни одного. Здѣсь ты присутствуешь на значительномъ засѣданіи совѣта и изрекаешь бонмо, свысока и небрежно, но тѣмъ бросаешь лучъ свѣта, и совѣтъ немедленно и торопливо перемѣняется къ лучшему. Тамъ въ глаза осмѣялъ одного богатаго князя, за что онъ немедленно зоветъ тебя на обѣдъ, но ты проходишь мимо и гордо, но либерально, отъ обѣда отказываешься. Тамъ заѣзжему милорду, въ интимномъ разговорѣ, въ салонѣ, въ шутку открываешь всю тайную подкладку Россіи: онъ въ страхѣ и въ восхищеніи, тутъ же телеграфируетъ въ Лондонъ и на другой же день министерство Викторіи падаетъ. Тамъ, на Невскомъ, на прогулкѣ отъ двухъ до четырехъ, ты разрѣшаешь государственную задачу тремъ отставнымъ, но бѣгущимъ за тобою министрамъ; встрѣчаешь проигравшаго гвардейскаго ротмистра и бросаешь ему двѣсти рублей взаймы; съ нимъ ѣдешь къ Фифинѣ для благороднаго (будто бы?) негодованія... Однимъ словомъ, ты тутъ, ты тамъ, ты вездѣ; ты разсыпанъ въ обществѣ, тебя рвутъ нарасхватъ, глотаешь трюфели, ѣшь конфекты, разѣзжаешь на извозчикахъ, въ дружбѣ съ половыми у Палкина, — словомъ, безъ тебя ничего. Столь высокая обстановка твоя является, наконецъ, подозрительною. Тихій читатель про-

*) Это несомнѣнно преувеличено, но отчасти и вѣрно. Тутъ намекъ собственно на то, что въ первомъ № *Гражданина* я имѣлъ несчастье привести одну древнѣйшую индійскую басню о дуэли льва и свиньи, при чемъ ловко отклонилъ даже самую возможность предположенія, что слово левъ нескромно отношу на свой счетъ. И что же? Дѣйствительно, многіе выказали чрезвычайную и поспѣшную мнительность. Даже было нѣчто въ родѣ феномена: въ редакцію пришло письмо одного подписчика изъ одной далекой окраины Россіи; подписчикъ дерзко и азартно укоряетъ редакцію за то, что подъ словомъ свиньи она, будто бы, несомнѣнно подразумѣваетъ своихъ подписчиковъ — предположеніе до того нелѣпое, что даже иные и петербургскіе фельетонисты не рѣшились имъ воспользоваться въ своихъ обвиненіяхъ... а это уже мѣра всему.

Ред.

винции сочтеть тебя, можетъ-быть, и вправду за обойденнаго наградою или, по крайней мѣрѣ, за отставнаго министра, желающаго вновь путемъ свободной, но оппозиционной печати возвратить свою должность. Но опытный житель обѣихъ столицъ знаетъ иное: ибо знаетъ онъ, что ты не болѣе, какъ нанятой борзописецъ у антрепренера-издателя; ты нанятъ и обязанъ его защищать. Онъ же (но никто другой) натравливаетъ тебя на кого ему вздумается.

И такъ, весь этотъ гнѣвъ и азартъ въ тебѣ, весь этотъ лай твой,—все это лишь наемное и натравленное чужою рукою. И добро бы ты самъ за себя стоялъ! Напротивъ, чему всего болѣе удивляюсь въ тебѣ—это тому, что ты, наконецъ, горячишься дѣйствительно, принимаешь къ сердцу какъ будто въ самомъ дѣлѣ свое, ругаешься съ фельетонистомъ-соперникомъ какъ бы изъ какой-то любимой идеи, изъ-за дорогого тебѣ убѣжденія. Между тѣмъ, знаешь самъ, что своихъ идей не имѣешь, а убѣжденій и подавно. Или, можетъ быть, вслѣдствіе многолѣтней горячки и упоенія смраднымъ успѣхомъ своимъ, ты возмечталъ, наконецъ, что у тебя есть идея, что и ты способенъ имѣть убѣжденіе? Если такъ, то какъ же разсчитываешь послѣ сего на мое уваженіе?

Нѣкогда ты былъ честнымъ и благообразнымъ юношей... О, вспомни у Пушкина, если не ошибаюсь, съ персидскаго: почтенный старецъ говоритъ рвущемуся сразиться юношѣ:

Я боюсь, среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда.

Увы, ты все это и давно уже навсегда утратилъ! Смотри самъ, какъ ты споришь съ фельетоннымъ врагомъ твоимъ, и пойми, до чего вы, наконецъ, доругались! Ибо вовсе вы уже не такъ подлы, какъ другъ друга рисуете. Вспомни, что въ дѣтскомъ возрастѣ дѣти дерутся болѣе потому, что не научились еще разумно излагать свои мысли. Ты же, сѣдое дитя, за неимѣніемъ мыслей, braniшься всѣми словами разомъ,—худой пріемъ! Именно за неимѣніемъ убѣжденій и настоящей учености ты стараешься болѣе вникнуть въ частную жизнь своего соперника; съ жадностью узнаешь проступки его, искажаешь ихъ и предаешь ихъ благодѣтельной гласности. Не жа-

лѣшь жены и дѣтей его. Предполагая другъ друга умершими, пишете каждый и обоюдно одинъ другому, въ видѣ пашьвиля, по надгробному слову. Скажи же, кто повѣритъ тебѣ, наконецъ? Читая фельетонъ твой, обрызганный слюной и чернилами, я невольно склоненъ подумать, что ты не правъ, что въ фельетонѣ твоёмъ особый и секретный смыслъ, что вы вѣрно гдѣ-нибудь подрались на дачѣ и не можете позабыть сего. Невольно заключаю въ пользу твоего соперника и эффектъ твой манкированъ. А къ тому ли стремился ты?

И какаѣ дѣтская неумѣлость въ тебѣ! Обругавъ соперника, ты заключаешь свой фельетонъ словами: „Вижу васъ, господинъ NN, какъ вы, прочитавъ эти строки, бѣгаете виѣ себя по комнатѣ, рвете ваши волосы, кричите на вбѣжавшую въ испугъ жену свою, гоните прочь дѣтей и, скрежеща зубами, колотите въ стѣну кулакомъ отъ безсильнаго бѣшенства“...

Другъ мой, простодушный, но изступленный страдалецъ своего фиктивного, напускного въ пользу антрепренера бѣшенства, о другъ мой фельетонистъ! Скажи: прочитавъ въ твоёмъ фельетонѣ подобныя строки будто бы о твоёмъ соперникѣ, неужели я не догадаюсь, что это ты, ты самъ, а не соперникъ твой, бѣгаешь по своей комнатѣ, рвешь свои волосы, бьешь вбѣжавшаго въ испугъ лакея, если онъ есть у тебя и съ 19 февраля еще не утратилъ первобытной невинности; съ визгомъ и скрежетомъ кидаясь ты на стѣну и отбиваешь въ кровь кулаки свои! Ибо кто повѣритъ, что можно послать такія строки сопернику, не отбивъ въ кровь своихъ собственныхъ кулаковъ предварительно? Такимъ образомъ, самъ выдаешь себя.

Очнись же и приобрѣти стыдъ. Приобрѣтя стыдъ, приобѣтешь и умѣнье писать фельетоны,—вотъ выгода.

Представляю тебѣ аллегорію. Ты вдругъ публикуешь въ афишкѣ, что на будущей недѣлѣ въ четвергъ или въ пятницу (словомъ, представь себѣ день, въ который пишешь свои фельетоны) въ театрѣ Берга или въ особо устроенномъ для того помѣщеніи, будешь показывать себя нагишомъ и даже въ совершенной подробности. Вѣрю, что найдутся любители; такія зрѣлища особенно привлекаютъ современное общество. Вѣрю, что съѣдутся и даже во множествѣ, но для того ли, чтобы уважать тебя? А если такъ, то въ чемъ же твое торжество?

Теперь разсуди, если можешь: не то ли самое изображают твои фельетоны? Не выходишь ли каждую неделю, въ такой-то именно день нагишомъ и со всѣми подробностями передъ публикою? И для чего, для кого ты стараешься?

Тутъ смѣшнѣе всего, что вся публика знаетъ весь секретъ войны вашей, знаетъ и знать не хочетъ, проходить мимо васъ равнодушно; вы же рветесь изъ себя и думаете, что всѣ берутъ въ васъ участіе. Человѣкъ простодушный! Публикѣ слишкомъ извѣстно, что антрепренеръ столичной газеты, когда, по примѣру его, основалась другая газета, въ испугѣ сказала себѣ, схватясь за карманъ: „Эта новооснованная негодница можетъ лишить меня двухъ или двухъ съ половиною тысячъ подписчиковъ. Найму же кудлашку и натравлю на соперницу“. Кудлашка—вѣдь это ты!

Антрепренеръ тобою доволенъ; онъ гладитъ свои бакенбарды и, послѣ завтрака, съ улыбкою думаетъ: „Какъ я, однакоже, натравилъ его!“

Помнишь ли ты Антропку въ Тургеневѣ? Сія вещь любимаго писателя публики—поистинѣ гениальная. Антропка есть провинціальный мальчишка или, вѣрнѣе, братъ другого провинціального мальчишки, и уже Антропки (а первый, положимъ, Нефедъ), скрывшагося изъ избы въ темную лѣтнюю ночь, по поводу сдѣланной шалости. Строгий отецъ послалъ старшаго мальчика привести нашалившаго братишку домой. И вотъ надъ обрывомъ оврага раздаются раздирательные вопли:

— Антропка! Антропка!

Долго не откликается виноватый шалунъ, но, наконецъ, „какъ бы съ того свѣта“ раздается дрожащій и робкій голосенокъ его съ другой стороны оврага:

— Чиво-о?

— А тебя тятенька выси-ичъ хочи-ить! съ злобною и торопливою радостью подхватываетъ старшій братишка.

Голосъ „съ того свѣта“, разумѣется, затихаетъ. Но вотъ съ надрывомъ и съ безсильнымъ, самоскребущимъ озлобленіемъ все еще слышатся въ темную ночь безконечные, но безсильные вопли:

— Антропка-а! Антропка-а-а!

Сей гениальный возгласъ къ Антропкѣ и—что главное—безсильный, но злобный надрывъ его можетъ повториться не только среди провинціальныхъ мальчишекъ, но и между

взрослыми, дошедшими до почтенныхъ сѣдинъ, членами современнаго, но взволнованнаго реформами общества. И не напоминаетъ ли тебѣ хотя бы что-либо сихъ Антропокъ въ столицѣ? Ибо между сими двумя антрепренерами столичныхъ изданій не замѣчаешь ли нѣчто антропочное? Ты и соперникъ твой — не высланы ли вы оба своими хозяевами для отысканія Антропокъ? Антропки — не тѣ ли это изъ предполагаемыхъ вами новыхъ подписчиковъ, которые могли бы повѣрить вашей невинности? Вы знаете оба, что вся ваша ярость, весь надрывъ и страданія ваши останутся втуне, что не отзовется Антропка, что не отобьете вы другъ у друга ни одного подписчика, что у каждаго будетъ довольно и безъ того; но вы уже такъ вѣлись въ игру сію и такъ нравится вамъ этотъ скребущій сердца ваши до крови фельетонный безсильный надрывъ, что вы уже не можете удержаться! И вотъ, еженедѣльно и въ извѣстные дни, среди темной ночи объявшею нашу литературу, съ надрывомъ и съ яростью раздается: Антропка-а! Антропка-а! И мы это слушаемъ.

Позволю себѣ и еще аллегорію.

Представь, что тебя пригласили въ порядочное общество; ибо предполагаю, что ѣздишь и ты въ порядочные круги общества. Ты прибылъ на званую вечеринку къ статскому даже совѣтнику, въ день его именинъ. Гости уже заранѣе предувѣдомлены хозяиномъ о твоёмъ остроуміи. Ты входишь съ приличіемъ, одѣтъ хорошо, расшаркиваешься съ хозяйкою и говоришь ей любезности. Съ удовольствіемъ ощущаешь, что на тебя смотрять, и готовишься отличиться. И вдругъ, о ужасъ! замѣчаешь въ углу залы литературнаго твоего соперника, прибывшаго раньше тебя и котораго даже и знакомымъ въ семь мѣствъ не предполагалъ до послѣдней минуты. Ты измѣнился въ лицѣ; но хозяинъ, относя сіе къ минутному твоему нездоровью, сѣвшитъ, по наивности, познакомить тебя съ литературнымъ врагомъ твоимъ. Вы мычите и тотчасъ же повертываетесь другъ къ другу спинами. Хозяинъ въ смущеніи, но ободряется, полагая, что это лишь новый литературный пріемъ, неизвѣстный ему за дѣлами службы. Между тѣмъ спѣшатъ карты, и хозяйка приглашаетъ тебя въ ералашъ, съ свойственною ею любезностью. Чтобъ избавиться отъ соперника, ты берешь карту съ радостью; новый ужасъ: оказывается, что вы за однимъ столомъ! Отказаться ужъ нельзя, ибо причиною тому обѣ развязныи

и любезныя свѣтскія дамы, ваши партнерки. Обѣ садятся спѣша, а кругомъ ихъ нѣсколько родственницъ и знакомыхъ, и всѣ жаждутъ слушать двухъ литераторовъ, всѣ смотрять на ваши рты, всѣ ловятъ ваше первое слово, не спуская съ васъ глазъ своихъ. Соперникъ твой обращается къ дамѣ съ спокойствіемъ и говоритъ ей: „Кажется, сдача за вами, сударыня“. Всѣ улыбаются, всѣ переглядываются, остроумное слово получаетъ успѣхъ и сердце твое сжимается завистью. Но слѣдуетъ сдача. Открываешь свои карты: тройки, двойки, шестерки и самая старшая — валетъ. Ты скрежещешь зубами, а соперникъ твой улыбается. Къ нему пришли карты и онъ съ гордостью объявляетъ коронку. Взоръ твой тускнѣетъ. Схватываешь бронзовый вѣскій фамильный подсвѣчникъ, которымъ гордится хозяинъ, хранящійся весь годъ у хозяйки въ шкафу и выставлемый на видъ лишь единственно во дни ангеловъ — схватываешь и стремительно пускаешь его въ лобъ своему сопернику. Крикъ и недоумѣніе! Всѣ вскакиваютъ, но вы уже бросились и съ пѣной ярости вцѣпились другъ другу въ волосы *). Ибо, судя по твоему нетерпѣнію въ литературѣ и неумѣнію сдержатъ себя, имѣю право заключить и о нетерпѣніи твоёмъ въ частныхъ обществахъ. Партнерка твоя, молодая дама, ожидавшая отъ тебя столько остроумія, съ крикомъ спасается подъ крыло своего супруга, значительнаго инженеръ-подполковника. Тотъ, указывая на васъ обоихъ, крутящихся за волосы, говоритъ ей: „Я предварялъ тебя, миленькая, чего можно ожидать отъ современной беллетристики“. Но васъ уже стащили вонъ съ лѣстницы и вышинули на улицу. Именинникъ-хозяинъ, чувствуя вину свою передъ созваннымъ обществомъ, проситъ у всѣхъ извиненія, рекомендуя забыть о русской литературѣ и продолжать ералашъ. Ты же лишилъ себя свѣтскаго вечера, пріятныхъ, хотя и невинныхъ минутъ съ петербургскою дамой и ужина. Но вамъ обоимъ не до того: вы схватываете по легковому извозчику и несетесь по зловоннымъ петербургскимъ улицамъ каждый въ квартиру свою, чтобы тотчасъ же сѣсть за фельетонъ. Ты погоняешь извозчика, мимоходомъ завидуя его невинности, но уже обдумываешь статью свою. Ты прилетѣлъ, схватываешь перо свое и рассказываешь

*) Редація находить эту картину немного преувеличенною.

точь-въ-точь и въ малѣйшей подробности все, что случилось съ тобой у совѣтника!

Ты обличаешь именинника, ты обличаешь жену его, угощеніе ихъ, возстаешь противъ обычая именинъ, противъ инженеръ-подполковника, противъ дамы, своей партнерки, и, наконецъ-то, добираешься до соперника. О, тутъ уже все до послѣдней подробности, по извѣстной нынѣшней общей манерѣ вашей выставлять подпоготную. Ты рассказываешь, какъ онъ билъ тебя и какъ ты его билъ, общаешь, что будешь бить, и какъ онъ общался бить. Ты хочешь приложить къ статьѣ своей начку вырванныхъ у него волосъ. Но вотъ уже утро... Ты бѣгаешь по комнатѣ и ждешь редакціоннаго часа. Являешься къ редактору и вдругъ тотъ, со спокойнымъ видомъ, объявляетъ тебѣ, что еще наканунѣ примирился съ антрепренеромъ-соперникомъ, прекратившимъ изданіе и сдавшимъ ему подписчиковъ, самъ же запилъ съ нимъ миръ у Дюссота бутылкой шампанскаго. Затѣмъ благодарить тебя за услуги и объявляетъ, что ты ему больше не нуженъ. Скажи, каково положеніе твое!

Всего болѣе не люблю я послѣднихъ дней масленицы, когда черныи народъ допивается до послѣдней степени своего безобразія. Остудѣлыя рожи пьяницъ, въ рваныхъ халатахъ и сюртучишкахъ, толпятся у кабаковъ. Вотъ двое остановились на улицѣ: одинъ увѣряетъ, что онъ генераль, а другой ему: врешь. Тотъ бѣсится и ругается, а этотъ: врешь! Тотъ еще нуще, а этотъ все то же: вр-решь! И такъ далѣе до двухсотъ даже разъ! Оба именно находятъ красоту въ бессильномъ и въ безконечномъ повтореніи одного и того же слова, такъ сказать, погрязая въ услажденіи бесиліемъ своего униженія.

Читая фельетоны твои, невольно воображаю себѣ слишкомъ уже долго продолжавшуюся въ литературѣ нашей, какую-то безконечную, пьяную, безтолковую масленицу. Ибо не то же ли и у васъ, какъ и у этихъ двухъ остановившихся у перекрестка безтолковыхъ пьяныхъ халатниковъ? Не увѣряетъ ли твой соперникъ въ каждомъ фельетонѣ своемъ, что онъ генераль, и не отвѣчаешь ли ты ему какъ халатникъ на перекресткѣ: „Вр-решь!“ И все это такое безконечное число разъ, безъ малѣйшаго даже предчувствія, какъ все это, наконецъ, надоѣло. Воображаю васъ именно какъ на масленицѣ, обезумѣвшихъ и упившихся, въ послѣдній (прощенный!) день; воображаю,

какъ вы валяетесь каждый передъ окнами своей редак-
ціи и, копошась въ грязномъ, столичномъ, буромъ снѣгу,
кричите изо всей мочи, другъ на друга, сильными голосами:

— Карауль! кар-рауль! кар-рауль!

Но молчу и поспѣшаю мимо...

Молчаливый наблюдатель.

НВ. „Молчаливый наблюдатель“—это псевдонимъ „Од-
ного лица“; я забылъ о томъ предупредить.

IX.

По поводу выставки *).

Я заходилъ на выставку. На вѣнскую всемирную выставку отправляется довольно много картинъ нашихъ русскихъ художниковъ. Это уже не въ первый разъ, и русскихъ современныхъ художниковъ начинаютъ знать въ Европѣ. Но все-таки приходитъ на мысль: возможно ли тамъ понять нашихъ художниковъ и съ какой точки зрѣнія ихъ тамъ будутъ цѣнить? По-моему, переведите комедію г. Островскаго, — ну „Свои люди сочтемся“, или даже любую, и переведите по возможности лучше, на нѣмецкій или французскій языкъ, и поставьте гдѣ-нибудь на европейской сценѣ, — и я право не знаю, что выйдетъ. Что-нибудь, конечно, поймутъ, и, кто знаетъ, можетъ-быть, даже найдутъ нѣкоторое удовольствіе, но, по крайней мѣрѣ, три четверти комедіи останутся совершенно недоступны европейскому пониманію. Я помню, въ моей молодости, какъ ужасно заинтересовало меня извѣстіе, что г. Віардо (мужъ знаменитой пѣвицы, пѣвшей у насъ тогда въ итальянской оперѣ) французъ, незнающій ничего по-русски, переводитъ нашего Гоголя подъ руководствомъ г. Тургенева. У Віардо, конечно, была художественно-критическая способность и сверхъ того чуткость въ пониманіи поэзіи чужихъ національностей, что онъ и доказалъ превосходнымъ своимъ переводомъ „Донъ-Кихота“ на французскій языкъ. Господинъ же Тургеневъ понималъ Гоголя, конечно, до тоикости; какъ всѣ тогда, полагаю, любилъ его до восторга и сверхъ того самъ былъ поэтъ, хотя тогда почти не начиналъ еще своего поэтического поприща. (NB. Онъ написалъ только нѣсколько стиховъ,

*) № 13 „Гражданинъ“ 1873 г.

забылъ какихъ, и сверхъ того повѣсть „Три портрета“ — произведеніе уже значительное). Такимъ образомъ могло бы что-нибудь и выйти. Замѣчу, что г. Тургеневъ, должно-быть, превосходно знаетъ французскій языкъ. И что же? Вышла изъ этого перевода такая странность, что я хоть и предчувствовала заранѣе, что Гоголя нельзя передать по-французски, все-таки никакъ не ожидалъ такого исхода. Этотъ переводъ можно достать и теперь — посмотрите что это такое. Гоголь исчезъ буквально. Весь юморъ, все комическое, всѣ отдѣльныя детали и главные моменты развязокъ, отъ которыхъ и теперь, вспоминая ихъ иногда нечаянно, наединѣ (и часто въ самые нелитературные моменты жизни) заляешься вдругъ самымъ неудержимымъ смѣхомъ про себя, — все это пропало, какъ не бывало вовсе. Я не понимаю, что могли заключать тогда французы о Гоголѣ, судя по этому переводу; впрочемъ, кажется, ничего не заключили. „Пиковая дама“, „Капитанская дочка“, которыя были тоже переведены тогда по-французски, безъ сомнѣнія, тоже исчезли на половину, хотя въ нихъ гораздо болѣе можно было понять, чѣмъ въ Гоголѣ. Словомъ, все характерное, все наше національное по преимуществу (а, стало-быть все истинно-художественное), по моему мнѣнію, для Европы незнаваемо. Переведите повѣсть „Рудинъ“ Тургенева (я потому говорю о г. Тургеневѣ, что онъ наиболѣе переведенъ изъ русскихъ писателей, а о повѣсти „Рудинъ“ потому, что она наиболѣе изъ всѣхъ произведеній г. Тургенева подходит къ чему-то нѣмецкому) — на какой хотите европейскій языкъ — и даже ея не поймутъ. Главная суть дѣла останется совсѣмъ даже не подозрѣваемою. „Записки же охотника“ точно такъ же не поймутъ, какъ и Пушкина, какъ и Гоголя. Такъ что всѣмъ нашимъ крупнымъ талантамъ, мнѣ кажется, суждено надолго, можетъ-быть, остаться для Европы совсѣмъ неизвѣстными: и даже такъ, что чѣмъ крупнѣе и своеобразнѣе талантъ, тѣмъ онъ будетъ и незнаваемѣе. Между тѣмъ мы на русскомъ языкѣ понимаемъ Диккенса, я увѣренъ, почти такъ же, какъ и англичане, даже, можетъ-быть, со всѣми оттѣнками; даже, можетъ-быть, любимъ его не меньше его соотечественниковъ. А, однако, какъ типиченъ, своеобразенъ и националенъ Диккенсъ? Что же изъ этого заключить? Есть ли такое пониманіе чужихъ национальностей особый даръ русскихъ предъ европейцами? Даръ особенный, мо-

жетъ-быть, и есть, и если есть этотъ даръ (равно какъ и даръ говорить на чужихъ языкахъ, дѣйствительно сильнѣйшій чѣмъ у всѣхъ европейцевъ), то даръ этотъ чрезвычайно значителенъ и сулитъ много въ будущемъ, на многое русскихъ предназначаетъ, — хотя и не знаю: исполнѣ ли это хорошій даръ, или есть тутъ что-нибудь и дурное... Вѣриѣ же (скажутъ многіе), что европейцы мало знаютъ Россію и русскую жизнь, потому что не имѣли до сихъ поръ еще и нужды ее узнавать въ слишкомъ большой подробности. Правда, дѣйствительно въ Европѣ до сихъ поръ не было никакой особенной надобности слишкомъ подробно насъ узнавать. Но все-таки кажется несомнѣннымъ, что европейцу, какой бы онъ ни былъ національности, всегда легче выучиться другому европейскому языку и проникнуть въ душу всякой другой европейской національности, чѣмъ научиться русскому языку и понять нашу русскую суть. Даже нарочно изучавшіе насъ европейцы, для какихъ-нибудь цѣлей (а таковыя были), и положившіе на это большой трудъ, несомнѣнно уѣзжали отъ насъ, хотя и много изучивъ, но все-таки до конца не понимая иныхъ фактовъ и даже, можно сказать, — долго еще не будутъ понимать, въ современныхъ и ближайшихъ поколѣніяхъ, по крайней мѣрѣ. Все это намекаетъ на долгую еще, можетъ быть, и печальную нашу уединенность въ европейской семьѣ народовъ; на долго еще въ будущемъ ошибки европейцевъ въ сужденіяхъ о Россіи; на ихъ видимую склонность судить насъ всегда къ худшему и, можетъ быть, объясняетъ и ту постоянную, всеобщую, основанную на какомъ-то сильнѣйшемъ непосредственномъ и гадливомъ ощущеніи, враждебность къ намъ Европы; отвращеніе ея отъ насъ какъ отъ чего-то противнаго, отчасти даже нѣкоторый суевѣрный страхъ ея передъ нами и—вѣчный, извѣстный, давнишній приговоръ ея о насъ: что мы вовсе не европейцы... Мы, разумѣется, обижаемся и изо всѣхъ силъ таращимся доказать, что мы европейцы...

Я, конечно, не говорю, что въ Европѣ не поймутъ нашихъ, на примѣръ, пейзажистовъ: виды Крыма, Кавказа, даже нашихъ степей будутъ, конечно, и тамъ любопытны. Но зато нашъ русскій, по преимуществу національный пейзажъ, то-есть сѣверной и средней полосы нашей Европейской Россіи, я думаю, тоже не произведетъ въ Вѣнѣ большого эффекта. „Эта скучная природа“, вся характер-

ность которой состоитъ, такъ сказать, въ ея безхарактерности, намъ мила однако и дорога. Ну, а нѣмцамъ что до чувствъ нашихъ? Вотъ, на примѣръ, эти двѣ березки въ пейзажѣ г. Куинджи („Видъ на Валаамъ“): на первомъ планѣ болото и болотная поросль, на заднемъ — лѣсъ; оттуда — туча не туча, по мгла, сырость; сыростью васъ какъ будто проникаетъ всего, вы почти ее чувствуете, и на срединѣ, между лѣсомъ и вами, двѣ бѣлыя березки, яркія, твердыя — самая сильная точка въ картинѣ. Ну, что тутъ особеннаго? Что тутъ характернаго, а между тѣмъ, какъ это хорошо!.. Можетъ быть, я ошибаюсь, но нѣмцу это не можетъ такъ понравиться.

Про историческій родъ и говорить нечего: въ чисто-историческомъ родѣ мы давно уже не блистаемъ, а, стало быть, и Европу не удивимъ; даже батальнымъ родомъ не очень удивимъ; даже переселеніе черкесовъ (огромная пестрая картина, можетъ быть, съ большими достоинствами — не могу судить) не произведетъ, по-моему, за границею слишкомъ сильнаго впечатлѣнія. Но жанръ, нашъ жанръ — въ немъ-то что поймутъ? А вѣдь у насъ онъ, вотъ уже столько лѣтъ, почти исключительно царствуетъ; и если есть намъ чѣмъ-нибудь погордиться и что-нибудь показать, то, ужъ конечно, изъ нашего жанра. Вотъ, на примѣръ, небольшая картинка (Маковского), „Любители соловьиного пѣнія“, кажется, не знаю какъ она названа. Посмотрите: комнатка у мѣщанина, аль у какого-то отставнаго солдата, торговца пѣвчими птицами, и должно быть тоже и птицелова. Видно нѣсколько птичьихъ клѣтокъ; скамейки, столъ, на столѣ самоваръ, а за самоваромъ сидятъ гости, два купца или лавочника, любители соловьиного пѣнія. Соловей виситъ у окна въ клѣткѣ и должно быть свиститъ, заливается, щелкаетъ, а гости слушаютъ. Оба они, видимо, люди серьезные, тугіе лавочники и барышники, уже въ лѣтахъ, можетъ быть, и безобразники въ домашнемъ быту (какъ-то уже это принято, что все это „темное царство“ непременно составлено изъ безобразниковъ и должно безобразничать въ домашнемъ быту), а между тѣмъ оба они видимо уже раскисли отъ наслажденія, — самаго невиннаго, почти трогательнаго. Тутъ происходитъ что-то трогательное до глупости. Сидящій у окна немного потупилъ голову, одну руку приподнялъ и держитъ на вѣсу, вслушивается, таетъ, въ лицѣ блаженная улыбка; онъ дослушиваетъ

трель... Онъ хочетъ что-то ухватить, боится что-то потерять. Другой сидитъ за столомъ, за чаемъ, къ намъ почти спиной, но вы знаете, что онъ „страдаетъ“ не менѣе своего товарища. Передъ ними хозяйивъ, зазвавшій ихъ слушать и конечно имъ же продать соловья. Это довольно сухощавый и высокій паренъ лѣтъ сорока слишкомъ въ домашнемъ, довольно безцеремонномъ костюмѣ (да и что тутъ теперь церемониться); онъ что-то говоритъ купцамъ, и вы чувствуете, что онъ со властью говоритъ. Передъ этими лавочниками онъ, по социальному положенію своему, т. е. по карману, конечно, личность ничтожная; но теперь у него соловей, и хорошій соловей, а потому онъ смотритъ гордо (какъ будто это онъ самъ поетъ), обращается къ купцамъ даже съ какимъ-то нахальствомъ, съ строгостію (нельзя же съ)... Любопытно, что лавочники непремѣнно сидятъ и думаютъ, что это такъ и должно быть, чтобы онъ ихъ тутъ немножко подраспекъ, потому что „ужъ очень хорошъ у него соловей!“ Чай кончится и начнется торгъ... Ну, что, спрашивается, пойметъ въ этой картинѣ нѣмецъ, или вѣнскій жидъ (Вѣна, какъ и Одесса, говорятъ, вся въ жидяхъ)? Можетъ, кто и растолкуетъ въ чемъ дѣло и они узнаютъ, что у русскаго купца средней руки двѣ страсти — рысакъ и соловей, и что потому это ужасно смѣшно; но что же изъ этого выйдетъ? Это знаніе какое-то отвлеченное и нѣмцу очень трудно будетъ представить, почему это такъ смѣшно. Мы же смотримъ на картинку и улыбаемся; вспоминаемъ про нее потомъ и намъ опять почему-то смѣшно и пріятно. Право, и пусть смѣются надо мной, но вотъ въ этихъ маленькихъ картинкахъ, по-моему, есть даже любовь къ человѣчеству, не только къ русскому въ особенности, но даже и вообще. Я вѣдь эту картинку только для примѣра поставилъ. Но вѣдь что всего досаднѣе — это то, что мы-то подобную картинку у нѣмцевъ, изъ ихъ нѣмецкаго быта, поймемъ точно такъ же, какъ и они сами, и даже восхищаться будемъ, какъ они сами, почти ихъ же, нѣмецкими чувствами, а они вотъ у насъ совсѣмъ ничего не поймутъ. Впрочемъ, можетъ быть, для насъ это въ нѣкоторомъ смыслѣ и выйднѣе.

Ну, вотъ въ эстонской или лифляндской каютѣ игра въ карты,—это, конечно, понятно, особенно фигура мальчика, участвующаго въ игрѣ; въ карты всѣ играютъ и гадаютъ, такъ что и „Десятка пикъ“ (такъ названа одна

картина) будетъ совершенно понятна; но не думаю, чтобы поняли, напримѣръ, Перова „Охотниковъ“. Я нарочно назначаю одну изъ понятнѣйшихъ картинъ нашего національнаго жанра. Картина давно уже всеѣмъ извѣстна: „Охотники на привалѣ“; одинъ горячо и зазнамо вретъ, другой слушаетъ и изъ всеѣхъ силъ вѣрить, а третій ничему не вѣрить, прилежъ тутъ же и смѣется... Что за прелесть! Конечно, растолковать—такъ поймутъ и нѣмцы, но вѣдь не поймутъ они, какъ мы, что это русскій вралъ и что вретъ онъ по-русски. Мы вѣдь почти слышимъ и знаемъ, объ чемъ онъ говоритъ, знаемъ весь оборотъ его вранья, его слогъ, его чувства. Я увѣренъ, что если бы г. Перовъ (и онъ навѣрно бы смогъ это сдѣлать) изобразилъ французскихъ или нѣмецкихъ охотниковъ (конечно, по другому и въ другихъ лицахъ), то мы, русскіе, поняли бы и нѣмецкое и французское вранье, со всеѣми тонкостями, со всеѣми національными отличіями, и слогъ и тему вранья, угадали бы все только смотря на картину. Ну, а нѣмецъ, какъ ни напрягайся, а нашего русскаго вранья не пойметъ. Конечно, не большой ему въ томъ убытокъ, да и намъ, опять-таки, можетъ быть, это и выгодно; но зато и картину не вполнѣ пойметъ, а, стало быть, и не оцѣнитъ какъ слѣдуетъ; ну, а ужъ это жаль, потому что мы ѣдемъ чтобъ насъ похвалили.

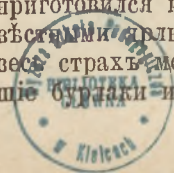
Не знаю, какъ отнесутся въ Вѣнѣ къ „Псаломщикамъ“ Маковского. По-моему, это уже не жанръ, а картина историческая. Я пошутилъ, конечно, но присмотритесь однако: больше ничего какъ пѣвчіе, въ нѣкоторомъ родѣ официальный хоръ исполняющій за обѣдней концертъ. Все это господа въ официальныхъ костюмахъ, съ гладко-гладко выбритыми подбородками. Вглядитесь, напримѣръ, въ этого господина съ бакенбардами; ясно, что онъ, такъ сказать, переряженъ въ этотъ, совершенно не гармонирующій съ нимъ костюмъ и носить его лишь по службѣ. Правда, и все пѣвчіе надѣваютъ такіе костюмы лишь по службѣ и искони такъ велось, съ патріархальныхъ временъ, но тутъ эта переряженность какъ-то особенно въ глаза бросается. Вы такого благообразнаго чиновника привыкли видѣть лишь въ вицмундирѣ и въ департаментѣ; это скромный и солидный, прилично обстриженный человекъ средняго круга. Онъ тянетъ что-то въ родѣ извѣстнаго „уязвленъ!“ но и „уязвленъ“ обращается, глядя на него, во что-то официальное. Ничего даже нѣтъ

смѣшнѣе, какъ предположить, чтобъ этотъ вполне благонамѣренный и успокоенный службою человекъ могъ быть „узвѣленъ“! Не смотрѣть на нихъ, отвернуться и только слушать и выйдетъ что-нибудь прелестное; ну, а посмотрѣть на эти фигуры и вамъ кажется, что псаломъ поется только такъ... что тутъ что-то вовсе другое...

Я ужасно боюсь „направленія“, если оно овладѣваетъ молодымъ художникомъ, особенно при началѣ его поприща; и какъ вы думаете, чего именно тутъ боюсь: а вотъ именно того, что цѣль-то направленія не достигнется. Повѣритъ ли одинъ милый критикъ, котораго я недавно читалъ, но котораго называть теперь не хочу, — повѣритъ ли опъ, что всякое художественное произведение, безъ предвзятаго направленія, исполненное единственно изъ художнической потребности и даже на сюжетъ совсѣмъ посторонній, совсѣмъ и не намекающій на что-нибудь „направительное“, — повѣритъ ли этотъ критикъ, что такое произведение окажется гораздо полезнѣе для *его же црлей*, чѣмъ, напримѣръ, всѣ пѣсни о рубашкѣ (не Гуда, а нашихъ писателей), хотя бы съ виду и походило на то, что называютъ „удовлетвореніемъ празднаго любопытства“? Если даже люди ученые, повидимому, еще не догадались объ этомъ, то, что же можетъ происходить иногда въ сердцахъ и въ умахъ нашихъ молодыхъ писателей и художниковъ? Какая бурда понятій и предвзятыхъ ощущеній? Въ угоду общественному давленію, молодой поэтъ давитъ въ себѣ натуральную потребность излиться въ собственныхъ образахъ, боится, что осудятъ за „праздное любопытство“, давитъ, стираетъ образы, которые сами просятся изъ души его, оставляетъ ихъ безъ развитія и вниманія и вытягиваетъ изъ себя, съ болѣзненными судорогами, тему, удовлетворяющую общему, мундирному, либеральному и соціальному мнѣнію. Какая, однако, ужасно простая и наивная ошибка, какая грубая ошибка! Одна изъ самыхъ грубѣйшихъ ошибокъ состоитъ въ томъ, что обличеніе порока (или то, что либерализмомъ принято считать за порокъ) и возбужденіе къ ненависти и мести считается за единственный и возможный путь къ достиженію цѣли! Впрочемъ, даже и на этомъ узкомъ пути можно было бы вывернуться сильному дарованію и не заглохнуть въ началѣ поприща; стоило бы вспоминать лишь почаще о золотомъ правилѣ, что высказанное слово — серебряное, а невысказанное — золотое. Есть очень и очень

значительные таланты, которые такъ много обѣщали, но которыхъ до того зашло направленіе, что рѣшительно одѣло ихъ въ какой-то мундиръ. Я читалъ двѣ послѣднія поэмы Некрасова — рѣшительно этотъ почтенный поэтъ нашъ ходитъ въ мундиръ. А вѣдь даже и въ этихъ поэмахъ есть нѣсколько хорошаго и намекаетъ на прежній талантъ г. Некрасова. Но что дѣлать: мундирный сюжетъ, мундирность пріема, мундирность мысли, слога, натуральности... да, мундирность даже самой натуральности. Знаете ли, на примѣръ, маститый поэтъ нашъ, что никакая женщина, даже преисполненная первѣйшими гражданскими чувствами, пріавшая, чтобы свидѣться съ несчастнымъ мужемъ, столько трудовъ, проѣхавшая шесть тысячъ верстъ въ телѣгѣ и „узнавшая прелесть телѣги“, слетѣвшая, какъ вы сами увѣряете, „съ высокой вершины Алтая“ (что, впрочемъ, совсѣмъ уже невозможно) — знаете ли вы, поэтъ, что эта женщина ни за что не поцѣлуетъ сначала цѣней любимаго человѣка, а поцѣлуетъ непременно сначала его самого, а потомъ уже его цѣпи, если ужъ такъ сильно и внезапно пробудится въ ней великодушный порывъ гражданского чувства, и такъ сдѣлаетъ всякая женщина рѣшительно. Конечно, замѣчаніе мое пустяшное, да и не стоило бы приводить, потому что и поэма-то такъ только написана, ну, на примѣръ, чтобы къ первому января отвязаться... Впрочемъ, г. Некрасовъ все-таки уже громкое литературное имя, почти законченное, и имѣетъ за собою много прекрасныхъ стиховъ. Это поэтъ страданія и почти заслужилъ это имя. Ну, а повенскихъ все-таки жалъ: не у всякаго такой сильный талантъ, чтобы не подчиниться мундирной мысли въ началѣ поприща, а стало-быть, и уберечь себя отъ литературной чахотки и смерти. Что дѣлать: мундиръ-то вѣдь такъ красивъ, съ такимъ шитьемъ, блеснить... Да и какъ выгоденъ! то-есть теперь особенно выгоденъ.

Чуть только я прочелъ въ газетахъ о бурлакахъ г. Рѣпина, то тотчасъ же испугался. Даже самый сюжетъ ужасенъ: у насъ какъ-то принято, что бурлаки всего болѣе способны изображать извѣстную социальную мысль о неплатномъ долгѣ вышихъ классовъ народу. Я такъ и приготовился ихъ всѣхъ встрѣтить въ мундирахъ, съ извѣстными прылками на лбу. И что же? Къ радости моей, весь страхъ мой оказался напраснымъ: бурлаки — настояшніе бурлаки и болѣе ничего. Ни одинъ изъ нихъ не кри-

читать съ картины зрителю: „Посмотри, какъ я несчастенъ и до какой степени ты задолжалъ народу!“ И ужъ это одно можно поставить въ величайшую заслугу художнику. Славныя, знакомыя фигуры: два передовые бурлака почти смѣются, по крайней мѣрѣ, вовсе не плачутъ и ужъ отнюдь не думаютъ о социальномъ своемъ положеніи. Солдатику хитритъ и фальшивитъ, хочетъ набить трубочку. Мальчишка серьезничаетъ, кричитъ, даже ссорится—удивительная фигура, почти лучшая въ картинѣ и равна по замыслу съ самымъ заднимъ бурлакомъ, понуреннымъ мужиченкой, плетущимся особо, котораго даже и лица не видно. Невозможно и представить себѣ, чтобы мысль о политико-экономическихъ и социальныхъ долгахъ высшихъ классовъ народу могла хоть когда-нибудь проникнуть въ эту бѣдную, понуренную голову этого забитаго вѣковѣчнымъ горемъ мужиченки... и — и знаете ли вы, милый критикъ, что вотъ эта-то смиренная невинность мысли этого мужиченки и достигаетъ пѣли несравненно болѣе, чѣмъ вы думаете — именно вашей направительной, либеральной пѣли! Вѣдь иной зритель уйдетъ съ парывомъ въ сердцѣ и любовью (съ какою любовью!) къ этому мужиченкѣ, или къ этому мальчишкѣ, или къ этому плуту-подлецу солдатику! Вѣдь нельзя не полюбить ихъ, этихъ беззащитныхъ, нельзя уйти, ихъ не любя. Нельзя не подумать, что долженъ, дѣйствительно долженъ народу... Вѣдь эта бурлацкая „партія“ будетъ снится потомъ во снѣ, черезъ пятнадцать лѣтъ вспомнится! А не были бы они такъ натуральны, невинны и просты — не производили бы такого впечатлѣнія и не составили бы такой картины. Теперь вѣдь это почти картина! Да и отвратительны всѣ мундирные воротники, какъ ни расшивай ихъ золотомъ! Впрочемъ, что тутъ разглагольствовать; да и картину рассказывать нечего; картины слишкомъ трудно передать словами. Просто скажу: фигуры Гоголевскія. Слово это большое, но я и не говорю, что г. Рѣпинъ — есть Гоголь въ своемъ родѣ искусства. Нашъ жанръ еще до Гоголя и до Диккенса не доросъ.

Нѣкоторую утрировку можно замѣтить, Впрочемъ, и у г. Рѣпина: это именно въ костюмахъ, и то только въ двухъ фигурахъ. Такія лохмотья даже и быть не могутъ. Эта рубашка, на примѣръ, нечаянно попала въ корыто, въ которой рубили сѣчкой котлеты. Безъ сомнѣнія, бурлаки костюмами не блистаютъ. Всѣмъ извѣстно, откуда этотъ

народъ: дома, въ концѣ зимы, какъ не разъ извѣщали, по крайней мѣрѣ,—корой питаются и идутъ по веснѣ къ хозяину тянуть барку, по крайней мѣрѣ, иные — изъ-за одной только каши, почти безъ всякаго уговора. Примѣры бывали, что съ первыхъ дней такъ и умереть у каши бурлакъ, павалившись на нее съ голодухи, задушится, „лопнетъ“. Лѣкаря взрѣзывали, говорятъ, этихъ людей и находили одну только кашу до самаго горла. Вотъ это какіе иногда субъекты. Но все же несказанное слово—золотое, тѣмъ болѣе, что такую рубашку и надѣть нельзя, если разъ только снять: не влѣзеть. Впрочемъ, въ сравненіи съ достоинствомъ и независимостью замысла картины, эта крошечная утрировка костюмовъ ничтожна.

Жаль, что я ничего не знаю о г. Рѣпинѣ. Любопытно узнать, молодой это человѣкъ или нѣтъ? Какъ бы я желалъ, чтобъ это былъ очень еще молодой и только что еще начинающій художникъ. Нѣсколько строкъ выше я поспѣшилъ оговориться, что все-таки это не Гоголь. Да, г. Рѣпинъ, до Гоголя еще ужасно какъ высоко; не возгордитесь заслуженнымъ успѣхомъ. Нашъ жанръ на хорошей дорогѣ и таланты есть, но чего-то недостаетъ ему, чтобъ раздвинуться или расширяться. Вѣдь и Диккенсъ—жанръ, не болѣе; но Диккенсъ создалъ „Пиквика“, „Оливера Твиста“ и „Дѣдушку и внучку“ въ романѣ „Лавка древностей“; нѣтъ, нашему жанру до этого далеко; онъ еще стоитъ на „Охотникахъ и Соловьяхъ“. „Соловьевъ и Охотниковъ“ у Диккенса множество на второстепенныхъ мѣстахъ. Я даже думаю, что нашему жанру, въ настоящую минуту нашего искусства, сколько могу судить по нѣкоторымъ признакамъ, „Пиквикъ“ и „Внучка“ покажутся даже чѣмъ-то идеальнымъ, а сколько я замѣтилъ по разговорамъ съ иными изъ нашихъ крупнѣйшихъ художниковъ — идеальнаго они боятся въ родѣ нечистой силы. Боязнь благородная, безъ сомнѣнія, но предразсудочная и несправедливая. Надо побольше смѣлости нашимъ художникамъ, побольше самостоятельности мысли и, можетъ-быть, побольше образованія. Вотъ почему, я думаю, страдаетъ и нашъ историческій родъ, который какъ-то затихъ. Повидимому, современные наши художники даже боятся историческаго рода живописи и ударились въ жанръ, какъ въ единый истинный и законный исходъ всякаго дарованія. Мнѣ кажется, что художникъ какъ будто предчувствуетъ, что (по понятіямъ его) при-

дется ему непремѣнно „идеальничать“ въ историческомъ родѣ, а, стало-быть, лгать. „Надо изображать дѣйствительность какъ она есть“, говорятъ они, тогда какъ такой дѣйствительности совсѣмъ нѣтъ, да и никогда на землѣ не бывало, потому что сущность вещей человѣку недоступна, а воспринимаетъ онъ природу такъ, какъ отражается она въ его идеѣ, пройдя черезъ его чувства; стало-быть, надо дать побольше ходу идеѣ и не бояться идеальнаго. Портретистъ усаживаетъ, напримѣръ, субъекта, чтобы снять съ него портретъ, готовится, вглядывается. Почему онъ это дѣлаетъ? А потому, что онъ знаетъ на практикѣ, что человѣкъ не всегда на себя похожъ, а потому и отыскиваетъ „главную идею его физиономіи“, тотъ моментъ, когда субъектъ наиболѣе на себя похожъ. Въ умѣннѣи пріискаетъ и захватить этотъ моментъ и состоитъ даръ портретиста. А, стало-быть, что же дѣлаетъ тутъ художникъ, какъ не довѣряется скорѣе своей идеѣ (идеалу), чѣмъ предстоящей дѣйствительности? Идеаль вѣдь тоже дѣйствительность, такая же законная, какъ и текущая дѣйствительность. У насъ какъ будто многіе не знаютъ того. Вотъ, напримѣръ, „Гимпъ Пиагорейцевъ“ Бронникова: иной художникъ-жанристъ (и даже изъ самыхъ талантливыхъ) удивится даже, какъ возможно современному художнику хвататься за такія темы. А между тѣмъ, такія темы (почти фантастическія) такъ же дѣйствительны и такъ же необходимы искусству и человѣку, какъ и текущая дѣйствительность.

Что такое въ сущности жанръ? Жанръ есть искусство изображенія современной, текущей дѣйствительности, которую перечувствовалъ художникъ самъ лично и видѣлъ собственными глазами, въ противоположность исторической, напримѣръ, дѣйствительности, которую нельзя видѣть собственными глазами и которая изображается не въ текущемъ, а уже въ законченномъ видѣ. (Сдѣлаю *Nota bene*: мы говоримъ: „видѣлъ собственными глазами“. Вѣдь Диккенсъ никогда не видѣлъ Пиквика собственными глазами, а замѣтилъ его только въ многообразіи наблюдаемой имъ дѣйствительности, создалъ лицо и представилъ его какъ результатъ своихъ наблюденій. Такимъ образомъ, это лицо такъ же точно реально, какъ и дѣйствительно существующее, хотя Диккенсъ и взялъ только идеаль дѣйствительности). Между тѣмъ, у насъ именно происходитъ смѣшеніе понятій о дѣйствительности. Исто-

рическая дѣйствительность, напримѣръ, въ искусствѣ, конечно, не та, что текущая (жанръ)—именно тѣмъ, что она законченная, а не текущая. Спросите какого угодно психолога и онъ объяснитъ вамъ, что если воображать прошедшее событіе и особливо давно прошедшее, завершённое, историческое (а жить и не воображать о прошломъ нельзя), то событіе *непрерывно* представится въ законченномъ его видѣ, то-есть съ прибавкою всего послѣдующаго его развитія, еще и не происходившаго въ тотъ именно историческій моментъ, въ которомъ художникъ старается вообразить лицо или событіе. А потому сущность историческаго событія и не можетъ быть представлена у художника точь-въ-точь такъ, какъ оно, можетъ быть, совершалось въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, художника объемлетъ какъ бы суетвѣрный страхъ того, что ему, можетъ быть, поневолѣ придется „идеализировать“, что по его понятіямъ значитъ лгать. Чтобъ избѣгнуть мнимой ошибки, онъ придумываетъ (случаи бывали) смѣшать объ дѣйствительности—историческую и текущую; отъ этой неестественной смѣси происходитъ ложь нуще вслѣдъ. По моему взгляду, эта пагубная ошибка замѣчается въ нѣкоторыхъ картинахъ г. Ге. Изъ своей „Тайной Вечери“, напримѣръ, надѣлавшей когда-то столько шуму, онъ сдѣлалъ совершенный жанръ. Всмотритесь внимательно: это обыкновенная ссора весьма обыкновенныхъ людей. Вотъ сидитъ Христосъ, но развѣ это Христосъ? Это, можетъ быть, и очень добрый молодой человекъ, очень огорченный ссорой съ Иудой, который тутъ же стоитъ и одѣвается, чтобы идти доносить, но не тотъ Христосъ, котораго мы знаемъ. Къ Учителю бросились Его друзья утѣшать Его; но, спрашивается: гдѣ же и при чемъ тутъ послѣдовавшіе восемнадцать вѣковъ христіанства? Какъ можно, чтобъ изъ этой обыкновенной ссоры такихъ обыкновенныхъ людей, какъ у г. Ге, собравшихся поужинать, произошло нѣчто столь колоссальное.

Тутъ совсѣмъ ничего не объяснено, тутъ нѣтъ исторической правды; тутъ даже и правды жанра нѣтъ, тутъ все фальшивое.

Съ какой бы вы ни захотѣли судить точки зрѣнія, событіе это не могло такъ произойти: тутъ же все происходитъ совсѣмъ несоразмѣрно и непропорціонально будущему. Тиціанъ, по крайней мѣрѣ, придалъ бы этому Учителю хоть то лицо, съ которымъ изобразилъ Его въ

извѣстной картинѣ своей „Кесарево Кесареви“; тогда много бы стало тотчасъ понятно. Въ картинѣ же г. Ге просто перессорились какіе-то добрые люди; вышла фальшь и предвзятая идея, а всякая фальшь есть ложь и уже вовсе не реализмъ. Г-нъ Ге гнался за реализмомъ.

Однако, я и забылъ о выставкѣ. Впрочемъ... Какой же я репортеръ; я хотѣлъ лишь сдѣлать нѣсколько отмѣтокъ „по поводу“. Тѣмъ не менѣе редакція общается помѣстить подробный отчетъ о картинахъ нашихъ художниковъ, отправляющихся на вѣнскую выставку; или, можетъ быть, еще лучше, постарается упомянуть о нихъ уже съ выставки, уже съ отчетомъ о впечатлѣніи, которое онѣ произведутъ, въ свою очередь, на собравшихся иностранцевъ.

Х.

Ряженный *).

Кто тебя!

Въ *Русскомъ Мирѣ* (№ 103) появилась на меня ругательная замѣтка. Ни на одну ругательную статью я не отвѣчаю; на эту отвѣчу—по нѣкоторымъ соображеніямъ, а по какимъ—выяснится въ продолженіи отвѣта.

И, во-первыхъ, дѣло въ томъ, что ругатель мой духовное лицо,—съ этой стороны менѣе всего ждалъ нападенія. „Замѣтка“ подписана „Свящ. П. Касторскій“. Что такое: „Свящ.“? Священникъ? Чтò можетъ означать это сокращеніе кромѣ „священникъ“? Тѣмъ болѣе, что и рѣчь о церковномъ предметѣ. Въ 15—16 № *Гражданина* напечатана была повѣсть г. Недолина „Дьячекъ“. Ну, вотъ, объ ней-то и дѣло.

Вотъ эта „замѣтка“.

„Холостыя понятія о женатомъ монахѣ“.

«Священнослужители и церковники весьма нерѣдко въ наше время бываютъ избираемы нашими повѣствователями и романистами въ герои своихъ повѣствованій; еще чаще они появляются тамъ въ качествѣ вводныхъ, такъ сказать, аксессуарныхъ лицъ. Это и прекрасно, что ихъ описываютъ въ духовномъ быту очень много типическихъ лицъ, и почему ихъ не изображать съ ихъ добрыми и худыми сторонами? Недавній успѣхъ «*Записокъ приютника*» въ *Отечественныхъ Запискахъ* и потомъ еще болѣе болѣе успѣхъ «*Соборянъ*» въ *Русскомъ Вѣстникѣ* показываютъ, какъ много интереса могутъ возбуждать въ обществѣ художественныя изображенія бытовой среды нашего клира. Оба названныя произведенія представляли нашихъ клировыхъ людей съ разныхъ точекъ зрѣнія, и оба они прочитаны со вниманіемъ и удовольствіемъ. А почему?—потому что они написаны хорошо, художественно и съ знаніемъ дѣла. Но совсѣмъ не то выходитъ, когда по подражательности или по чему-нибудь другому,—напримѣръ, по самопадѣянности или по легкомыслію,—за это дѣло

*) № 18 „Гражданина“ 1873 года.

берутся люди, которые не имѣютъ о немъ никакого понятія. Они только конфузятъ себя и вредятъ дѣлу, устанавливая на него ложные взгляды, а потому проходить такія вредныя покушенія—карикатурировать быть нашего духовенства—невозможно, и я, вслѣдъ за *псаломщикомъ*, недавно замѣтившимъ въ *Русскомъ Мирѣ* невѣжество писателя Достоевскаго насчетъ пѣвчихъ, не могу промолчать о еще болѣе грубомъ, смѣшномъ и непростительномъ невѣществѣ, обличенномъ опять въ томъ же журналѣ *Гражданинъ*, подъ которымъ подписывается редакторомъ тотъ же г. Достоевскій».

Остановимся пока тутъ. Чтò значить „вслѣдъ за *псаломщикомъ*, обличившимъ въ *Русскомъ Мирѣ* невѣжество писателя Достоевскаго“? Не читаль. (И опять *Русскій Миръ*!) Отыскиваю (№ 87), дѣйствительно есть обличеніе, подписано „*Псаломщикъ*“. Посмотримъ, чтò такое:

О пѣвческой ливреѣ.

(Письмо въ редакцію).

«Въ 13 № журнала *Гражданинъ* (26 марта) мнѣ случилось прочесть статью г. О. Достоевскаго по поводу академической художественной выставки. Г. Достоевскій, трактуя въ этой статьѣ о псаломщикахъ, изображенныхъ художникомъ Маковскимъ, написалъ такія строки: «Все это господа въ *официальныхъ костюмахъ* съ гладкогладко выбритыми подбородками. Правда, и *всѣ пѣвчіе надѣваютъ такіе костюмы лишь по службѣ и ископи такъ велось съ патріархальныхъ временъ...*»

Перервемъ на минуту: во-первыхъ, такой глупой фразы у меня совсѣмъ нѣтъ. У меня написано: „Правда, и всѣ пѣвчіе надѣваютъ такіе костюмы лишь по службѣ и ископи такъ велось, съ патріархальныхъ временъ“...—а это совсѣмъ другое.

Продолжаемъ выписку:

«Это неосновательно: ни *ископи*, ни съ *патріархальныхъ* временъ клировые пѣвцы въ русской церкви никогда не надѣвали на себя такихъ костюмовъ, въ какихъ мы видимъ ихъ нынѣ и въ какихъ псаломщики изображены на картинѣ г. Маковского. Эта ливрея есть позднѣйшее позаимствованіе, взятое съ Запада, или, точнѣе сказать, изъ Польши и въ числѣ достопочтенныхъ іерарховъ нашей церкви было и есть не мало такихъ, которые находятъ этотъ ливрейный маскарадъ неумѣстнымъ и пѣвцы состоящихъ при нихъ хоровъ поютъ въ обыкновенныхъ черныхъ сюртукахъ, чтò, конечно, гораздо скромнѣе и пристойнѣе польскаго контуша. «Ископи» же, во времена «патріархальныхъ» пѣвцы пѣли стоя въ длинныхъ черныхъ азиямахъ и непременно съ лѣстовками въ рукѣ; такъ же точно стоятъ пѣвцы и нынѣ въ церквахъ единобѣрцевъ и моленныхъ раскольниковъ».

НВ: Выходить, пожалуй, что у насъ, въ теперешнихъ православныхъ храмахъ, пѣвчіе поютъ сидя. Свѣдущаго челоуѣка всегда полезно выслушать.

«Опасаясь (есть чего!) дабы через невѣдующее слово г. Достоевскаго не укрѣплялось неосновательное мифіе насчетъ этихъ ливрей (землетрясеніе будетъ отъ этого, что ли?), которые давно бы пора перекроить на русскій ладъ, я имѣю честь просить редакцію *Русскаго Мира* дать мѣсто этимъ краткимъ строкамъ моимъ».

«*Псаломщикъ*».

Вотъ эта замѣтка псаломщика, на которую ссылается свящ. Касторскій. Прежде, чѣмъ будемъ продолжать Касторскаго, кончимъ съ „псаломщикомъ“.

Чего вы разсердились, г. псаломщикъ? Вы указываете ошибку и учите, а между тѣмъ, ошибаетесь сами. Вы говорите: „Это неосновательно: ни *ископи*, ни съ *патріархальныхъ* временъ клировые пѣвцы въ русской церкви никогда не надѣвали на себя такихъ костюмовъ“... Какъ такъ? Почему „это неосновательно?“ Почему нельзя сказать: *ископи* и съ *патріархальныхъ* временъ? Что же, они вчера, что ли, такъ одѣлись? Вѣдь, по крайней мѣрѣ, при пра-пра-прадѣдахъ? Съ насупившимся видомъ глубокаго историка вы являетесь насъ поправлять, а между тѣмъ сами ничего не говорите точнаго. Ждешь, что глубокій историкъ съ точностью опредѣлитъ время, годъ, и, пожалуй, и день, когда клиръ въ первый разъ одѣлся въ эти костюмы, а вы, послѣ всего, что натрубили, довольствуетесь вялой догадкой: „Это-де у насъ съ польскаго“, — и только! А звону-то, звону-то!

Вы только отвѣтите, г. псаломщикъ, какъ по-вашему: польское вліяніе, отразившееся одновременно у насъ на очень многомъ и даже вотъ на клирѣ — давно оно было, по-вашему, или всего только третьяго дня? Такъ почему же, ради всего сколько-нибудь толковаго, нельзя выразиться, что *ископи* такъ велось, съ *патріархальныхъ* временъ? Не только съ патріархальныхъ, но почти съ *патріаршими* временами это соприкасается.

Эти костюмы (или подобные имъ) появились съ Петра Великаго, стало быть, почти соприкасались съ временами патріаршими, немногаго недостало. Развѣ это недавно? Нельзя, что ли, сказать *ископи*? Или съ „патріархальныхъ временъ“? Если же я, въ статьѣ моей, и самъ не опредѣлилъ съ историческою точностью: съ какого именно времени наши пѣвчіе въ эти костюмы одѣваются, то потому, что и намѣренія сего не питалъ, и цѣли такой не имѣлъ, а единственно хотѣлъ выразить, что заведено это очень давно, — такъ давно, что всегда можно выразиться «*ископи*», и это всякій пойметъ, кто прочтетъ статью мою. Не

ступленія въ монастырь, когда, при прощаніи съ помѣщикомъ, открылся ему въ первый разъ, что намѣренъ уйти жить въ монастырь, уже и тогда зналъ, что говорилъ. Именно потому, что уже сообщилъ о намѣреніи своемъ отцу Іоанну, игумену монастыря, который его очень любилъ, то-есть болѣе любилъ его пѣніе, потому что былъ чрезвычайный любитель музыки и Софрону изо всѣхъ силъ покровительствовалъ; даже самъ, кажется, и переманивалъ его жить въ монастырь. Дьячокъ колебался на предложеніе помѣщика ѣхать за границу и вотъ почему прождалъ еще съ полгода, но когда кончилось его терпѣніе, ушелъ въ монастырь. Устроить же это было очень легко: отецъ Іоаннъ состоялъ въ тѣснѣйшей дружбѣ съ епархіальнымъ начальникомъ, а когда два такіа лица согласились, то и предлоговъ не надо. Но навѣрно былъ отысканъ и предлогъ, по которому дьячокъ былъ, такъ-сказать, „откомандированъ“ въ монастырь. Обѣтъ же, данный дьячкомъ „посвятить себя Господу“ (на что вы такъ особенно сердитесь), былъ совершенно свободный, внутренней, не официальный, дѣло его совѣсти, данъ самому себѣ. Мало того, въ разсказѣ г. Недолина есть совершенно ясное указаніе на то, что дьячокъ только *проживалъ* въ монастырь, а отнюдь не былъ постриженъ въ монахи, какъ вы съ такою безцеремонностію присочинили, батюшка. Именно: воротившійся помѣщикъ все еще уговариваетъ Софрона выйти изъ монастыря и отправиться за границу, и дьячокъ въ первый день переговоровъ даже колеблется. Ну, могло ли бы это быть, если бъ Софронъ былъ уже постриженъ? Не маскируйте, наконецъ, и того, что вѣдь это былъ артистъ неслышанный, по крайней мѣрѣ, одаренный неслышанно, и такимъ онъ является въ повѣсти съ самаго начала. А если такъ, то понятно и такое пристрастіе къ нему отца Іоанна, страстнаго любителя музыки...

„Но вѣдь это не объяснено въ повѣсти!“ воскликнете вы въ чрезвычайномъ гнѣвѣ. Нѣтъ, отчасти объяснено; очень о многомъ можно догадаться изъ разсказа, хотя онъ быстръ и кратокъ. Но, положимъ, и не все объяснено,— зачѣмъ объяснять? Было бы только вѣроятно; а уничтожьте подтасовку постриженія въ монахи и все станетъ вѣроятно. Да, разсказъ г. Недолина нѣсколько сжатъ, но знаете, батюшка, вы вотъ человекъ не литературный, что и доказали, а между тѣмъ я вамъ прямо скажу, что

ужасно много современных повѣстей и романовъ выиграли бы, если бь ихъ сократить. Ну, что толку, что авторъ тянетъ васъ въ продолженіе тридцати листовъ и вдругъ, на тридцатомъ листѣ, ни съ того, ни съ сего, бросаетъ свой рассказъ въ Петербургѣ или Москвѣ, а самъ тащитъ васъ куда-нибудь въ Молдо-Валахію, единственно съ тою цѣлью, чтобъ рассказать вамъ о томъ, какъ стая воронъ и совъ слетѣла съ какой-то молдо-валахской крыши и, рассказавъ, вдругъ опять бросаетъ и воропъ, и Молдо-Валахію, какъ будто ихъ не бывало вовсе, и уже ни разу болѣе не возвращается къ нимъ въ остальномъ рассказѣ, такъ что читатель остается, наконецъ, въ совершенномъ недоумѣніи. Изъ-за денегъ пишутъ, чтобы только больше страницъ написать! Г. Недолинъ написалъ иначе и хорошо, можетъ-быть, сдѣлалъ.

„Но жена, жена!“ восклицаете вы, вращая глазами, — „какъ же жена позволила и не жаловалась, какъ „не вытребовала“ она его закономъ, силой!“ А вотъ тутъ-то вы, и именно на женскомъ-то этомъ пунктѣ, всего больше и спасовали, батюшка. Вы вѣдь до того разыгрались въ вашей статьѣ, что даже сами принялись сочинять романъ, а именно, какъ жена своего дьячка, наконецъ, воротила и опять начала колотить, какъ онъ „сбѣжалъ“ въ другой монастырь, какъ изъ другого воротила, какъ онъ сбѣжалъ, наконецъ, на Аѳонъ и тамъ уже успокоился подъ „мусульманскимъ“ управленіемъ султана (представьте, а вѣдь я до сихъ поръ думалъ, что султанъ христіанинъ!).

Шутки въ сторону; знайте, батюшка, что хоть вамъ бы и слѣдовало, уже по одному сану вашему, немножко знать сердце человѣческое, но вы его вовсе не знаете. Вы хоть и плохой сочинитель, но, можетъ-быть, если бы взяли за перо, дѣйствительно описали бы бытовую сторону духовенства вѣрнѣе г. Недолина; но въ сердцѣ человѣческомъ г. Недолинъ знаетъ болѣе вашего. Женщина, которая цѣлые дни выстаиваетъ у монастырской стѣны и плачетъ, — не пойдетъ подавать просьбы и не станетъ уже дѣйствовать силой. Довольно силы! У васъ, вотъ, все битье, да битье; въ порывѣ авторскаго увлеченія, вы продолжаете романъ, и опять у васъ битье. Нѣтъ, ужъ довольно битья! Вспомните, батюшка, у Гоголя въ „Женитьбѣ“, въ послѣдней сценѣ, послѣ того, какъ Подколесинъ выпрыгнулъ въ окошко. Кочкаревъ кричитъ: „воротить его, воротить!“ воображая, что выпрыгнувшій въ

окошко женихъ все еще пригоденъ для свадьбы. Ну, вотъ, точно такъ же разсуждаете и вы. Кочкарева останавливаетъ сваха словами: „Эхъ, дѣла ты свадебнаго не знаешь; добро бы въ дверь вышелъ; а ужъ коли въ окошко махнулъ, такъ ужъ тутъ мое почтеніе!“ Облагородьте случай съ Подколесинимъ, и онъ какъ разъ придется къ положенію бѣдной, оставленной мужемъ дьячихи. Нѣтъ, батюшка, битые кончились! Эта женщина,—этотъ исключительный характеръ, страстное и сильное существо, гораздо высшее, между прочимъ, по душевнымъ силамъ, чѣмъ артистъ, ея мужъ,—эта женщина, подъ вліяніемъ среды, привычекъ, необразованности, могла дѣйствительно начать битьемъ. Толковому, понимающему человѣку тутъ именно реализмъ событія понравится, и г. Недолинъ мастерски поступилъ, что не смягчилъ дѣйствительности. Слишкомъ сильныя духомъ и характеромъ женщины, особенно если страстны, иначе и не могутъ любить, какъ деспотически, а имѣютъ даже особенную склонность къ такимъ слабымъ, ребяческимъ характерамъ, какъ у артиста-дьячка. И за что она такъ полюбила его? Развѣ она знаетъ это? Онъ плачетъ, она не можетъ не презирать его слезъ, но плотоядно, сама мучаясь, наслаждается его слезами. Она ревнива: „не смѣй пѣть при господахъ!“ Она бы, кажется, проглотила его живьемъ изъ любви. Но вотъ онъ бѣжалъ отъ нея и — никогда бы она тому не повѣрила! Она горда и самонадѣянна, она знаетъ, что красавица и—страшная психологическая задача, — повѣрите ли, вѣдь она все время была убѣждена, что онъ точно такъ же ее безъ памяти любитъ, какъ и она его, безъ нея жить не можетъ, несмотря на битые! Вѣдь въ этомъ состояла вся ея вѣра; мало того, тутъ и сомнѣній для нея не существовало, и вдругъ ей все открывается: этотъ ребенокъ, артистъ, ее нисколько не любитъ, давно уже пересталъ любить, можетъ-быть, никогда не любилъ и прежде! Она вдругъ смирилась, поникла, раздавлена, а отказаться отъ него все-таки не въ силахъ, безумно любить, еще безумнѣе, чѣмъ прежде. Но такъ какъ характеръ сильный, благородный и необыкновенный, то и вырастаетъ вдругъ неизмѣримо и надъ прежнимъ бытомъ, и надъ прежней средой своей. Нѣтъ, ужъ теперь она его не потребуешь силой. Силой ей его теперь и даромъ не надо; она все еще неизмѣримо горда, но гордость эта уже другого рода, уже облагородилась: она скорѣе умретъ

съ горя тутъ же, въ травѣ у ограды, а не захочетъ употребить насиліе, писать просьбы, доказывать права свои. Ахъ, батюшка, да вѣдь въ этомъ и вся повѣсть, а вовсе не въ бытовой сторонѣ церковниковъ! Нѣтъ, батюшка, этотъ крошечный рассказикъ гораздо значительнѣе, чѣмъ вамъ кажется, и поглубже. Повторю, вы такъ не напишете, даже не поймете въ чемъ дѣло. У васъ, отчасти, душа кочкаревская (въ литературномъ отношеніи, разумѣется,—далѣе я не иду), какъ и имѣлъ я вамъ честь замѣтить...

Что же касается до сочинительства вашего и до пониманія художественнаго, то къ вамъ, въ этомъ отношеніи, вполне, я думаю, можно приложить извѣстную эпиграмму Пушкина:

Картину разъ высматриваль сапожникъ,
И въ обуви ошибку указалъ;
Взявъ тотчасъ кисть, исправился художникъ.
«Вотъ», подбочась, сапожникъ продолжалъ:
«Мнѣ кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишкомъ ли нага».
Но Аппелдесъ прервалъ нетерпѣливо:
«Суди, дружокъ, не свыше сапога!»

.

Вы, батюшка, точь въ точь какъ этотъ сапожникъ, съ тою только разницею, что даже и въ обуви не сумѣли указать г. Недолину, чтò, надѣюсь, я вамъ и доказалъ основательно. А подтасовкой ничего не возьмете. Тутъ, видите-ли, чтобы понимать что-нибудь въ душѣ человѣческой и „судить повыше сапога“, надо бы побольше развита въ другую сторону, поменьше этого цинизма, этого „духовнаго“ матеріализма; поменьше этого презрѣнія къ людямъ, поменьше этого неуваженія къ нимъ, этого равнодушія. Поменьше этой плотоядной стяжательности, побольше вѣры, надежды, любви! Посмотрите, напримѣръ, съ какимъ грубымъ цинизмомъ обращаетесь вы со мной лично, съ какимъ совсѣмъ несвойственнымъ вашему сану неприличіемъ говорите о чудесахъ. Вѣрить не хотѣлъ, когда прочелъ у васъ слѣдующее про себя:

!! Но какъ же не знать этого редактору г. Достоевскому, который недавно такъ пространно заявлялъ, что онъ большой христіанинъ и притомъ православный и православно вѣрующій въ самыя мудренныя чудеса? Развѣ, можетъ быть, онъ и это принятіе въ монастырь женатаго человѣка причисляетъ къ чудесамъ, — тогда это другое дѣло...

Во-первыхъ, батюшка, вы и тутъ сочинили (экая вѣдь страсть у васъ къ сочинительству!). Никогда и нигдѣ не объявлялъ я о себѣ *лично* ничего о вѣрѣ моей въ чудеса. Все это вы выдумали, и я васъ вызываю указать: гдѣ вы это нашли? Позвольте еще: если бѣ я, Ф. Достоевскій, гдѣ-нибудь и объявилъ это о себѣ (чего не было), то ужъ, повѣрьте, не отказался бы отъ словъ моихъ ни изъ-за какого либеральнаго страху, или страху ради Касторскаго. Просто-за-просто ничего подобнаго не было, и я только констатирую фактъ. Но если бы и было—что вамъ-то до вѣры моей въ чудеса? Чѣмъ они подходятъ къ дѣлу? И что такое мудренныя чудеса и немудренныя? Какъ уживаетесь вы съ подобными раздѣленіями сами? Вообще же желаю, чтобы въ этомъ отношеніи вы оставили меня въ покоѣ—уже хоть по тому одному, что приставать ко мнѣ съ этимъ вовсе къ вамъ не идетъ, несмотря на все современное просвѣщеніе ваше. Духовное лицо, а такъ раздражительны! Стыдно, г. Касторскій!

А знаете, вѣдь вы вовсе не г. Касторскій, а ужъ тѣмъ болѣе не священникъ Касторскій, и все это поддѣлка и вздоръ. Вы *ряженный*, вотъ точь въ точь такой, какъ на на святкахъ. И, знаете, что еще. Ни единой-то самой маленькой минутки я не пробылъ въ обманѣ; тотчасъ же узналъ ряженаго и вмѣняю себѣ это въ удовольствіе, ибо вижу отсюда вашъ длинный носъ: вы вполне были увѣрены, что я шутовскую маску, вывѣсочной работы, приму за лицо настоящее. Знайте тоже, что я и отвѣчалъ вамъ немного уже слишкомъ развязно единственно уже потому, что сейчасъ же узналъ переряженнаго. Если бы вы были въ самомъ дѣлѣ священникомъ, я, несмотря на всѣ ваши грубости, которыя въ концѣ вашей статьи доходятъ до какого-то побѣдоносно-семинарскаго ржанья, — все-таки отвѣтилъ бы вамъ „съ соблюденіемъ“, — не изъ личнаго къ вамъ уваженія, а изъ уваженія къ вашему высокому сану, къ высокой идеѣ, которая въ немъ заключается. Но такъ какъ вы всего только ряженный, то и должны понести наказаніе. Наказаніе начну съ того, что объясню вамъ подробно, почему васъ узналъ (между нами, я даже предугадалъ, кто именно подъ маской скрывается; но имя вслухъ не объявлю, а оставлю при себѣ до времени), и это вамъ естественно будетъ очень досадно...

— А если предугадали, то почему же отвѣчали какъ

священнику, спросите вы,—къ чему написали предварительно столько лишняго?

— А по платью встрѣчаютъ, отвѣчаю я вамъ,—и если написалъ что-нибудь непріятное г. „священнику“, то ужъ пусть возьметъ это на свою совѣсть тотъ господинъ, который выдумалъ и употребилъ недостойный приемъ перерядиться въ священника. Да, недостойный приемъ, и онъ самъ это чувствовалъ. Мало того, онъ, сколько могъ, оберегъ себя. Онъ не подписался: „священникъ П. Касторскій“, а подписался сокращенно: Свящ. П. Касторскій. *Свящ.* все-таки не священникъ, если ужъ крѣпко обличать. Всегда можно сказать, что подразумѣвался „*Священнолюбецъ*“, или что-нибудь въ такомъ родѣ.

Я узналъ васъ, г. ряженный, по слогу. Видите ли, въ чемъ тутъ главная штука: въ томъ, что современные критики и хвалятъ, пожалуй, иногда современныхъ писателей-художниковъ, и даже публика довольна (потому что, что же ей, наконецъ, читать?). Но и критика понизилась уже очень давно, да и художники наши, большею частію, смахиваютъ на вывѣскныхъ маляровъ, а не на живописцевъ. Не всѣ, конечно. Есть нѣкоторые и съ талантомъ, но большая часть самозванцы. Во-первыхъ, г. ряженный, у васъ пересолено. Знаете ли вы, что значитъ говорить эссенціями? Нѣтъ? Я вамъ сейчасъ объясню. Современный „писатель-художникъ“, дающій типы и отмежевывающій себя какую-нибудь въ литературѣ специальность (ну, выставлять купцовъ, мужиковъ и пр.), обыкновенно ходитъ всю жизнь съ карандашомъ и съ тетрадкой, подслушиваетъ и записываетъ характерныя словечки; кончаетъ тѣмъ, что наберетъ нѣсколько сотъ номеровъ характерныхъ словечекъ. Начинаетъ потомъ романъ и чуть заговорить у него купецъ или духовное лицо,—онъ и начинаетъ подбирать ему рѣчь изъ тетрадки по записанному. Читатели хохочутъ и хвалятъ и ужъ кажется бы вѣрно: дословно съ натуры записано, но оказывается, что хуже лжи, именно потому, что купецъ или солдатъ въ романѣ говорятъ *эссенціями*, т. е. какъ никогда ни одинъ купецъ и ни одинъ солдатъ не говоритъ въ натурѣ. Опъ, напримеръ, въ натурѣ скажетъ такую-то, записанную вами отъ него же фразу, изъ десяти фразъ въ одиннадцатую. Одиннадцатое словечко характерно и безобразно, а десять словечекъ передъ тѣмъ ничего, какъ и у всѣхъ людей. А у тишиста-художника онъ говоритъ характеристиками сплошь,

по записанному,—и выходит неправда. Выведенный типъ говоритъ *какъ по книжкѣ*. Публика хвалить, ну, а опытнаго, стараго литератора не надуете.

И большію частію работа вывѣскная, малярная. Между тѣмъ, „художникъ“ считаетъ себя подъ конецъ за Рафаэля; и не разувѣришь его! Записывать словечки хорошо и полезно и безъ этого нельзя обойтись; но нельзя же и употреблять ихъ совсѣмъ механически. Правда, есть отѣнки и между „художниками-записывателями“; одинъ все-таки другого талантливѣе, а потому употребляетъ словечки съ оглядкой, сообразно съ эпохой, съ мѣстомъ, съ развитіемъ лица и соблюдая пропорцію. Но эссенціозности все-таки избѣжать не можетъ. Драгоценное правило, что высказанное слово серебряное, а невысказанное—золотое, давнымъ-давно уже не въ привычкахъ нашихъ художниковъ. Мало мѣры. Чувство мѣры уже совсѣмъ исчезаетъ. Взять и то, наконецъ, что наши художники (какъ и всякая ординарность) начинаютъ отчетливо замѣчать явленія дѣйствительности, обращать вниманіе на ихъ характерность и обрабатывать данный типъ въ искусствѣ уже тогда, когда большію частію онъ проходитъ и исчезаетъ, вырождается въ другой, сообразно съ ходомъ эпохи и ея развитія, такъ что всегда почти старое подаютъ намъ на столъ за новое. И сами вѣрятъ тому, что это новое, а не преходящее. Впрочемъ, подобное замѣчаніе для нашего писателя-художника нѣсколько тонко; пожалуй, и не пойметъ. Но я все-таки выскажу, что только гениальный писатель, или ужъ очень сильный талантъ угадываетъ типъ *современно* и подаетъ его *своевременно*; а ординарность только слѣдуетъ по его пятамъ, болѣе или менѣе рабски, и работал по заготовленнымъ уже шаблонамъ.

Я, напримѣръ, не встрѣчалъ еще ни одного священника, во всю мою жизнь, даже самаго высокообразованнаго, совершенно безъ всякихъ характерныхъ особенностей разговора, относящихся до его сословной среды. Всегда хоть капельку, да есть что-нибудь. Между тѣмъ, если бѣ дословно стенографировать его разговоръ и потомъ напечатать, то, пожалуй, у иного высокообразованнаго и долго бывшаго въ обществѣ священника и не замѣтите никакой особенной характерности. Нашему „художнику“ этого, естественно, мало, да и публика къ другому приучена. Простонародье, напримѣръ, въ повѣстяхъ Пушкина, по мнѣнію большинства читателей, навѣрно го-

ворить хуже, чѣмъ у писателя Григоровича, всю жизнь описывавшаго мужиковъ. Я думаю, и по мнѣнію многихъ художниковъ, тоже. Не вытерпитъ онъ, что священникъ, напимѣрь, говоритъ почти безо всякой характерности, зависящей отъ сословія, отъ среды его, а потому и не помѣститъ его въ свою повѣсть, а помѣститъ характернѣйшаго. Такимъ образомъ, современнаго священника, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ извѣстной средѣ, заставитъ говорить иногда какъ священника начала столѣтія и тоже при извѣстныхъ обстоятельствахъ и извѣстной средѣ.

Священникъ Касторскій начинаетъ какъ и всѣ, нѣкоторое время почти совсѣмъ не напоминая собою извѣстной среды.

Пока онъ хвалилъ художественность писателя Лѣскова, онъ говоритъ *какъ и всѣ*, безо всякой характерности словечекъ и мыслей, обличающихъ сословіе. Но такъ было надо автору; надо было его оставить въ покоѣ, чтобы литературная похвала вышла серьезнѣе, а порипаніе г. Недолину строже, ибо смѣшная и характерная фраза нарушила бы строгость. Но вдругъ авторъ, сообразивъ, что, вѣдь, пожалуй, читатель и не повѣритъ, что священникъ писалъ,—пугается и разомъ бросается въ типичности, и уже тутъ ихъ цѣлый возъ. Что ни слово, то типичность! Изъ такой суматохи, естественно, выходитъ типичность фальшивая и не пропорціональная.

Главный признакъ челоуѣка необразованнаго, но почему-нибудь принужденнаго заговорить языкомъ и понятіями не своей среды—это нѣкоторая неточность въ употребленіи словъ, которыхъ онъ значеніе, положимъ, и знаетъ, но не знаетъ всѣхъ оттѣнковъ его употребленія въ сферѣ понятій другого сословія. „А потому *проходитъ* такія *вредныя* покушенія“... „невѣжество, *обличенномъ* опять въ томъ журналѣ“... „въ немъ представленъ *голосистый* дьячекъ“ и т. д. Послѣднее словцо *голосистый*—уже слишкомъ грубо, и именно тѣмъ, что свящ. Касторскій, желая выразить понятіе о лицѣ, одаренномъ прекраснымъ голосомъ пѣвца, думаетъ, что выражаетъ это понятіе словомъ *голосистый*. Авторъ-специалистъ забылъ, что хотя въ священнической средѣ и теперь, конечно, встрѣчаются малообразованные люди, но чрезвычайно мало до такой ужъ степени не понимающихъ значенія словъ.

Это годится для романа, г. ряженный, а дѣйствительности не выдерживаетъ. Такое ошибочное выраженіе прилично было бы развѣ понамарю, а все же не священнику. Не слѣжу за всѣми выраженіями далѣе; повторяю, ихъ тамъ цѣлый возъ, чрезвычайно грубо натасканный изъ тетрадки. Но хуже всего то, что типичникъ - авторъ (если говорить о художникѣ-авторѣ, то возможно понятіе и о *ремесленникѣ-авторѣ*, а слово *типичникъ* опредѣляетъ ремесло или мастерство), что типичникъ-авторъ выставилъ свой типъ въ такомъ непривлекательномъ нравственномъ видѣ. Надо бы выставить все-таки въ свящ. Касторскомъ человекѣ съ достоинствомъ, добродѣтельнаго, и типичность ничему бы тутъ не помѣшала. Но типичникъ былъ самъ поставленъ въ затруднительное положеніе, изъ котораго и не сумѣлъ вывернуться: ему непременно надо было обругать своего собрата-автора, поглумиться надъ нимъ, и вотъ свои прекрасныя побужденія онъ, переряженный, поневолѣ долженъ былъ навязать своему священнику. А ужъ насчетъ чудесъ — типичникъ совсѣмъ не сдержалъ себя. Вышла ужасная глупость: духовное лицо — да еще глумится надъ чудесами и дѣлитъ ихъ на мудренныя и немудренныя! Плохо, г. типичникъ.

Я даже думаю, что и *Псаломщикъ* — произведеніе того же пера: очень ужъ перенаивничалъ неумѣлый мастеровой въ окончаніи, именно въ „опасеніяхъ“ псаломщика, которыя слишкомъ ужъ не блистаютъ умомъ. Однимъ словомъ, господа, вся эта вывѣсочная работа, положимъ, еще и сойдетъ въ повѣстяхъ, но, повторяю вамъ, не выдержитъ столкновенія съ дѣйствительностію и тотчасъ же обличитъ себя. Не вамъ, господа художники, надуть стараго литератора.

Что же это, шутки, что ли, съ ихъ стороны? И, пѣтъ-пѣтъ, вовсе не шутки. Это—это, такъ сказать, дарвинизмъ, борьба за существованіе. Не смѣй, дескать, заходить на нашу ниву. И чѣмъ могъ вамъ повредить, господа, г. Недолинъ? Увѣряю же васъ, что онъ вовсе не имѣетъ намѣренія описывать бытовую сторону духовенства, можете вполне успокоиться. Правда, смутило меня, на одно мгновеніе, одно странное обстоятельство: вѣдь если ряженный типичникъ напалъ на г. Недолина, то, ругая его, въ противоположность ему долженъ бы былъ хвалить самого себя. (На этотъ счетъ у этихъ людей пѣтъ ни малѣйшаго самолюбія: съ полнѣйшимъ безстыдствомъ готовы они пи-

сать и печатать похваля себѣ сами и собственноручно). А, между тѣмъ, къ величайшему моему удивленію, типичникъ выставляетъ и хвалитъ талантливаго г. Лѣскова, а не себя. Тутъ что-нибудь другое, и, навѣрное, выяснится. Но *ряженый* не подверженъ ни малѣйшему сомнѣнію.

А при чемъ же тутъ самъ *Русскій Миръ*? Рѣшительно не знаю. Ничего и никогда не имѣлъ съ *Русскимъ Миромъ*, и не предполагалъ имѣть. Богъ знаетъ, съ чего вскочать люди.

ХІ.

Мечты и грезы *).

І.

Мы въ прошломъ № *Гражданина* опять заговорили о пьянствѣ, или, скорѣе, о возможности исцѣленія отъ язвы всенароднаго пьянства, о нашихъ надеждахъ, о нашей вѣрѣ въ ближайшее лучшее будущее. Но уже давно и невольво грусть и сомнѣнія приходятъ на сердце. Конечно, за текущими важными дѣлами (а у насъ всѣ смотрятъ такими важными дѣловыми людьми), некогда и глупо думать о томъ, что будетъ черезъ десять лѣтъ или къ концу столѣтія, то-есть, когда насъ не будетъ. Девизъ настоящаго дѣловаго челоѣка нашего времени — *après moi le déluge*. Но людямъ празднымъ, непрактическимъ и не имѣвшимъ дѣлъ — право, простительно помечтать иногда о дальнѣйшемъ, если только мечтается. Мечталъ же Поприщинъ („Записки сумасшедшаго“ Гоголя) объ испанскихъ дѣлахъ: „всѣ эти событія меня такъ убили и потрясли, что я“... и т. д. — писалъ онъ сорокъ лѣтъ назадъ. Я признаюсь, что и меня иногда многое потрясаетъ и, право, я даже въ уныніи отъ моихъ мечтавій. Я на-дняхъ мечталъ, напримѣръ, о положеніи Россіи, какъ великой европейской державы, и ужъ чего-чего не пришлось мнѣ въ голову на эту грустную тему!

Взять уже то, что намъ во что бы ни стало и какъ можно скорѣе надо стать великой европейской державой. Положимъ, мы и есть великая держава; но я только хочу

*) № 21 „Гражданина“ 1873 г.

сказать, что это намъ слишкомъ дорого стбѣть—гораздо дороже, чѣмъ другимъ великимъ державамъ, а это предурной признакъ. Такъ что даже оно какъ бы и не натурально выходить. Спѣшу, однако, оговориться: я единственно только съ западной точки зрѣнія сузу, и вотъ съ этой точки оно дѣйствительно такъ у меня выходитъ. Другое дѣло точка національная и, такъ сказать, немножко славянофильская; тутъ, извѣстно, есть вѣра въ какія-то внутреннія самобытныя силы народа, въ какія-то начала народныя, совершенно личныя и оригинальныя, нашему народу присущія, его спасающія и поддерживающія. Но съ чтеніемъ статей г. Пыпина я отрезвился. Разумѣется, я желаю и попрежнему продолжаю желать изо всѣхъ моихъ силъ, чтобы драгоцѣнныя, твердыя и самостоятельныя начала, присущія народу русскому, существовали дѣйствительно; но согласитесь тоже—что же это за такія начала, которыхъ даже самъ г. Пыпинъ не видитъ, не слышитъ и не примѣчаетъ, которыя спрятаны, спрятались и никакъ не хотѣтъ отыскаться? А потому невольно остается и мнѣ обойтись безъ этихъ утѣшающихъ душу началъ. Такимъ образомъ, и выходитъ у меня, что мы, покамѣсть, всего только лѣпимся на нашей высотѣ великой державы, стараясь изо всѣхъ силъ, чтобы не такъ скоро замѣтили это сосѣди. Въ этомъ намъ чрезвычайно можетъ помочь всеобщее европейское невѣжество во всемъ, что касается Россіи. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ это невѣжество не подвержено было сомнѣнію—обстоятельство, о которомъ намъ вовсе нечего горевать; напротивъ, намъ очень будетъ даже невыгодно, если сосѣди наши насъ разсмотрятъ поближе и покороче. То, что они ничего не понимали въ насъ и до сихъ поръ—въ этомъ была наша великая сила. Но въ томъ-то и дѣло, что и теперь, увы, кажется, и они начинаютъ насъ понимать лучше прежняго; а это очень опасно.

Огромный сосѣдъ изучаетъ насъ неусыпно и, кажется, уже многое видитъ насквозь. Не вдаваясь въ тонкости, возьмите хоть самыя наглядныя, въ глаза бросающіяся у насъ вещи. Возьмите наше пространство и наши границы (заселенныя инородцами и чужеземцами, изъ года въ годъ все болѣе и болѣе крѣпнющими въ индивидуальности своихъ собственныхъ инородческихъ, а отчасти и иноземныхъ сосѣдскихъ элементовъ), возьмите и сообразите: во сколькихъ точкахъ мы стратегически уязвимы?

Да намъ войска, чтобы все это защитить (по-моему, штатскому, впрочемъ, мнѣнію) надо гораздо больше имѣть, чѣмъ у нашихъ сосѣдей. Возьмите опять и то, что нынѣ воюютъ не столько оружіемъ, сколько умомъ, и согласитесь, что это послѣднее обстоятельство даже особенно для насъ невыгодно.

Теперь почти въ каждыя десять лѣтъ измѣняется оружіе, даже чаще. Лѣтъ черезъ пятнадцать можетъ будутъ стрѣлять уже не ружьями, а какою-нибудь молніею, какою-нибудь всесжигающею электрическою струею изъ машины. Скажите, что можемъ мы изобрѣсти въ этомъ родѣ, съ тѣмъ, чтобы приберечь въ видѣ сюрприза для нашихъ сосѣдей? Что, если лѣтъ черезъ пятнадцать у каждой великой державы будетъ заведено, потаенно и про запасъ, по одному такому сюрпризу на всякій случай? Увы, мы можемъ только перенимать и покупать оружіе у другихъ, и много-много что сумѣемъ починить его сами. Чтобы изобрѣтать такія машины, нужна наука самостоятельная, а не покупная; своя, а не выписная; укоренившаяся и свободная. У насъ такой науки еще не имѣется; да и покупной даже нѣтъ.—Возьмите опять наши желѣзныя дороги, сообразите наши пространства и нашу бѣдность; сравните наши капиталы съ капиталами другихъ великихъ державъ и смекните: во что намъ наша дорожная сѣть, необходимая намъ, какъ великой державѣ, обойдется? И замѣйте: тамъ у нихъ эти сѣти устроились давно и устраивались постепенно, а намъ приходится догонять и спѣшить; тамъ концы маленькіе, а у насъ сплошь въ родѣ Тихоокеанскихъ. Мы уже и теперь больно чувствуемъ во что намъ обошлось лишь начало нашей сѣти; какимъ тяжелымъ отвлеченіемъ капиталовъ въ одну сторону ознаменовалось оно, въ ущербъ хотя бы бѣдному нашему земледѣлію и всякой другой промышленности. Тутъ дѣло не столько въ денежной суммѣ, сколько въ степени усилія націи. Впрочемъ, конца не будетъ, если по пунктамъ высчитывать наши нужды и наше убожество. Возьмите, наконецъ, просвѣщеніе, т. е. науку, и посмотрите, насколько намъ нужно догнать въ этомъ смыслѣ другихъ. По моему бѣдному сужденію, на просвѣщеніе мы должны ежегодно затрачивать по крайней мѣрѣ столько же, какъ и на войско, если хотимъ догнать хоть какую-нибудь изъ великихъ державъ,—взявъ и то, что время уже слишкомъ упущено, что и денегъ такихъ у насъ не имѣется и что, въ

копѣй концовъ, все это будетъ только толчокъ, а не нормальное дѣло; такъ сказать, потрясеніе, а не просвѣщеніе.

Все это мои мечты, разумѣется; но... повторяю, невольно мечтаются иногда въ этомъ смыслѣ, а потому и продолжаю мечту. Замѣтите, что я дѣню все на деньги; но развѣ это вѣрный расчетъ? Деньгами ни за что не купишь всего; такъ можетъ только какой-нибудь необразованный купецъ разсуждать въ комедіи г. Островскаго. Деньгами вы, напримѣръ, настроите школь, но учителей сейчасъ не надѣлаете. Учитель—это штука тонкая; народный, національный учитель вырабатывается вѣками, держится преданіями, безчисленнымъ опытомъ. Но, положимъ, надѣлаете деньгами не только учителей, но даже, наконецъ, и ученыхъ; и что же?—все-таки людей не надѣлаете. Что въ томъ, что онъ ученый, коли дѣла не смыслить? Педагогій онъ, напримѣръ, выучится и будетъ съ каеэдры отлично преподавать педагогію, а самъ все-таки педагогомъ не сдѣлается. Люди, люди—это самое главное. Люди дороже даже денегъ. Людей ни на какомъ рынкѣ не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а опять-таки только вѣками выдѣлываются; ну, а на вѣка надо время, годковъ этакъ двадцать или тридцать, даже и у насъ, гдѣ вѣка давно уже ничего не стоятъ. Человѣкъ идеи и науки самостоятельной, человѣкъ самостоятельно дѣловой, образуется лишь долгою самостоятельною жизнію націи, вѣковымъ многострадальнымъ трудомъ ея, однимъ словомъ, образуется всею историческою жизнью страны. Ну, а историческая жизнь наша, въ послѣднія два столѣтія, была не совсѣмъ-таки самостоятельною. Ускорять же искусственно необходимые и постоянные историческіе моменты жизни народнои, никакъ невозможно. Мы видѣли примѣръ на себѣ, и онъ до сихъ поръ продолжается: еще два вѣка тому назадъ хотѣли поспѣшить и все подогнать, а вмѣсто того и застряли; ибо, несмотря на всѣ торжественные возгласы нашихъ западниковъ, мы несомнѣнно застряли. Наши западники—это такой народъ, что сегодня трубятъ во всѣ трубы, съ чрезвычайнымъ злорадствомъ и торжествомъ, о томъ, что у насъ нѣтъ ни науки, ни здраваго смысла, ни терпѣнія, ни умѣнья; что намъ дано только ползти ползкомъ за Европой, ей подражать во всемъ рабски и, въ видахъ европейской опеки, преступно даже и думать о собственной нашей самостоятельности; а завтра—заикни-

тесъ лишь только о вашемъ сомнѣнн въ безусловно-цѣлительной силѣ бывшаго у насъ два вѣка назадъ переворота,—и тотчасъ же закричатъ они дружнымъ хоромъ, что всѣ ваши мечты о народной самостоятельности—одинъ только квасъ; квасъ и квасъ; и что мы, два вѣка назадъ, изъ толпы варваровъ стали европейцами, просвѣщеннѣйшими и счастливѣйшими, и по гробъ нашей жизни должны вспоминать о семъ съ благодарностію.

Но оставимъ западниковъ и положимъ, что деньгами все можно сдѣлать, даже время купить, даже самобытность жизни воспроизвести какъ-нибудь на парахъ; спрашивается: откуда такія деньги достать? Чуть не половину теперешняго бюджета нашего оплачиваетъ водка, т. е. по теперешнему народное пьянство и народный развратъ,—стало быть, вся народная будущность. Мы, такъ сказать, будущностью нашею платимъ за нашъ величавый бюджетъ великой европейской державы. Мы подсѣкаемъ дерево въ самомъ корнѣ, чтобы достать поскорѣе плодъ. И кто же хотѣлъ этого? Это случилось невольно, само собой, строгимъ историческимъ ходомъ событій. Освобожденный великимъ Монаршимъ словомъ народъ нашъ, неопытный въ новой жизни и самобытно еще не жившій, начинаетъ первые шаги свои на новомъ пути: переломъ огромный и необыкновенный, почти внезапный, почти невиданный въ исторіи по своей цѣльности и по своему характеру. Эти первые и уже собственные шаги освобожденнаго богатыря на новомъ пути требовали большой опасности, чрезвычайной осторожности; а между тѣмъ, что встрѣтилъ нашъ народъ при этихъ первыхъ шагахъ. Шаткость высшихъ слоевъ общества, вѣками укоренившуюся отчужденность отъ него нашей интеллигенціи (вотъ это-то самое главное) и въ довершеніе—дешовку и жида. Народъ закутилъ и запилъ—сначала съ радости, а потомъ по привычкѣ. Показали-ль ему хоть что-нибудь лучше дешовки? Развлекли ли, научили ль чему-нибудь? Теперь въ иныхъ мѣстностяхъ, во многихъ даже мѣстностяхъ, кабаки стоять уже не для сотенъ жителей, а всего для десятковъ; мало того—для малыхъ десятковъ. Есть мѣстности, гдѣ на полсотни жителей и кабакъ, менѣе даже чѣмъ на голсотни. *Гражданинъ* уже сообщалъ разъ, въ особой статьѣ, подробный бюджетъ теперешняго нашего кабака: возможности нѣтъ предположить, чтобы кабаки могли существовать лишь однимъ виномъ. Чѣмъ же, стало быть, они

окупаются. Народнымъ развратомъ, воровствомъ, укывательствомъ, ростовщичествомъ, разбоемъ, разрушеніемъ семейства и стыдомъ народнымъ — вотъ чѣмъ они окупаются!

Матери пьютъ, дѣти пьютъ, церкви пустѣютъ, отцы разбойничаютъ; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и въ кабакъ снесли; а въ кабакъ приняли! Спросите лишь одну медицину: какое можетъ родиться поколѣніе отъ такихъ пьяницъ? Но пусть, пусть (и дай Боже!), пусть это лишь одна мечта пессимиста, въ десять разъ преувеличившая бѣду! Вѣримъ и хотимъ вѣровать, но... если въ текущія десяти, пятнадцать лѣтъ наклопность народа къ пьянству (которая, все-таки, несомнѣнна) не уменьшится, удержится, а, стало быть, еще болѣе разовьется, то — не оправдается ли и вся мечта? Вотъ намъ необходимъ бюджетъ великой державы, а потому очень, очень пужны деньги; спрашивается: кто же ихъ будетъ выплачивать черезъ эти пятнадцать лѣтъ, если настоящій порядокъ продолжится? Трудъ, промышленность? Ибо правильный бюджетъ окупается лишь трудомъ и промышленностью. Но какой же образуется трудъ при такихъ кабакахъ? Настоящіе, правильные капиталы возникаютъ въ странѣ не иначе, какъ основываясь на всеобщемъ трудовомъ благосостояніи ея, иначе могутъ образоваться лишь капиталы кулаковъ и жидовъ. Такъ и будетъ, если дѣло продолжится, если самъ народъ не опомнится, а интеллигенція не поможетъ ему. Если не опомнится, то весь, цѣликомъ, въ самое малое время очутится въ рукахъ у всевозможныхъ жидовъ, и ужъ тутъ никакая община его не спасетъ: будутъ лишь общесолидарные нищіе, заложившіеся и закабалившіеся всею общиной, а жида и кулаки будутъ выплачивать за нихъ бюджетъ. Явятся мелкіе, подленькіе, развратнѣйшіе буржуа и безконечное множество закабаленныхъ имъ нищихъ рабовъ, — вотъ картина! Жидки будутъ пить народную кровь и питаться развратомъ и униженіемъ народнымъ, но такъ какъ они будутъ платить бюджетъ, то, стало быть, ихъ же надо будетъ поддерживать. Мечта скверная, мечта ужасная и — слава Богу, что это только лишь сонъ! Сонъ титулярнаго совѣтника Поприщина, я съ этимъ согласенъ. Но не сбыться ему! Не разъ уже приходилось народу выручать себя! Онъ найдетъ въ себѣ охранительную силу, которую всегда находилъ; найдетъ въ себѣ начала, охраняющія и спасаю-

щія,—вотъ тѣ самыя, которыхъ ни за что не находить въ немъ наша интеллигенція! Не захочетъ онъ самъ кабака, захочетъ труда и порядка, захочетъ чести, а не кабака!..

И слава Богу, все это, кажется, подтверждается; по крайней мѣрѣ, есть признаки; мы уже упоминали объ обществѣхъ трезвости. Правда, они едва начинаются; попытки слабыя, едва замѣтныя, но — но только бы не помѣшали имъ развернуться вслѣдствіе какихъ-нибудь особенныхъ поводовъ! Напротивъ, — о, если бы ихъ поддерживать! Что, если бѣ, съ своей стороны, поддержали ихъ и всѣ наши передовые умы, наши литераторы, наши социалисты, наше духовенство и всѣ, всѣ изнемогающіе ежемѣсячно и печатно подъ тяжестью своего долга народу. Что, если бы поддержалъ ихъ и нарождающийся нашъ школьный учитель! Я знаю, что я человѣкъ непрактическій (теперь, послѣ известной недавней рѣчи г-на Спасовича, въ этомъ даже лестно признаться), но мнѣ, — представьте себѣ, — мнѣ воображается, что даже самый бѣднѣйшій какой-нибудь школьный учитель и тотъ бы ужасно много могъ сдѣлать и единственно одной лишь своей инициативой, захоти только сдѣлать. Въ томъ-то и дѣло, что тутъ важна личность, характеръ, важенъ дѣловой человѣкъ и такой, который, дѣйствительно, способенъ хотѣть. На учительское мѣсто у насъ большею частію пріѣзжаетъ теперь молодой человѣкъ, хотя бы даже и желающій сдѣлать добро, но не знающій народа, мнительный и недовѣрчивый; послѣ первыхъ, иногда самыхъ горячихъ и благородныхъ усилій, — быстро утомляется, смотритъ угрюмо, начинаетъ считать свое мѣсто за нѣчто переходное къ лучшему, а потомъ — или спивается окончательно, или за лишніе десять рублей бросаетъ все и бѣжитъ куда угодно, даже даромъ бѣжить, даже въ Америку, „чтобы испытать свободный трудъ въ свободномъ государствѣ“. Это случалось, и, говорятъ, случается и теперь. Тамъ, въ Америкѣ, какой-нибудь гнуснѣйшій антрепренеръ моритъ его на грубой ручной работѣ, обсчитываетъ и даже тузитъ его кулаками, а онъ за каждымъ тузомъ восклицаетъ про себя въ умилении: „Боже, какъ эти же самые тузы, на моей родинѣ, ретроградны и неблагородны и какъ, напротивъ, они здѣсь благородны, вкусны и либеральны!“ И долго еще такъ ему будетъ казаться; не измѣнять же изъ-за такихъ пу-

стяковъ своимъ убѣжденіямъ! Но оставимъ его въ Америкѣ; я буду продолжать мою мысль. Моя мысль—напомню ее—въ томъ, что даже самый мелкій сельскій школьный учитель могъ бы взять на себя весь починъ, всю инициативу освобожденія народа отъ варварской страсти къ пьянству, если только того захотѣлъ. На этотъ счетъ у меня есть даже сюжетъ одной повѣсти и, можетъ быть, я рискну сообщить его читателю раньше повѣсти...

ХІІ.

(По поводу новой драмы) *).

Эта новая драма—драма г. Кипшенскаго „Пить до дна не видать добра“, которой три послѣдніе акта мы порѣшили помѣстить въ этомъ 25 номерѣ *Гражданина* разомъ, несмотря на то, что она заняла у насъ чуть не половину мѣста. Но намъ хотѣлось не дробить впечатлѣнія и, можетъ быть, читатели согласятся, что драма стоить даже особаго ихъ вниманія. Она написана для пароднаго театра и написана съ знаніемъ дѣла, съ отчетливостью и съ несомнѣннымъ талантомъ—а это главное, особенно теперь, когда почти не является новыхъ талантовъ.

Это все типы фабричнаго быта „фабричнаго села“—чрезвычайно разнообразныя и твердо очерченныя. Сюжетъ налицо и мы его подробно излагать не будемъ. Мысль серьезная и глубокая. Это вполнѣ трагедія и *fatum* ея—водка; водка все связала, заплонила, направила и погубила. Правда, авторъ, какъ истинный художникъ, не могъ не взглянуть еще шире на міръ, имъ рисуемый, хотя и провозгласилъ въ названіи своей драмы, что тема его—„пить до дна не видать добра“. Тутъ, кромѣ того, отзывается и все чрезвычайное экономическое и нравственное потрясеніе послѣ огромной реформы нынѣшняго царствованія. Прежній міръ, прежній порядокъ—очень худой, но все же порядокъ—отошелъ безвозвратно. И, странное дѣло: мрачныя нравственныя стороны прежняго порядка,—эгоизмъ, цинизмъ, рабство, разъединеніе, продажничество не только не отошли съ уничтоженіемъ крѣпостнаго быта, но какъ бы усилились, развились и умножились; тогда

*) № 25 „Гражданина“ 1878 г.

какъ изъ хорошихъ нравственныхъ сторонъ прежняго быта, которыя все же были, почти ничего не осталось. Все это отозвалось и въ картинѣ г. Кишенскаго, по крайней мѣрѣ, какъ мы ее понимаемъ. Тутъ все переходное, все шатающееся и—увы—даже и не намекающее на лучшее будущее.

Авторъ съ энергіей указываетъ на образованіе, какъ на спасеніе, какъ на единственный выходъ; а покамѣстъ— все захватила водка, все отравила и направила къ худшему, заплонила и поработила народъ. Мрачную, ужасную картину этого новаго рабства, въ которое вдругъ впасть русскій крестьянинъ, выйдя изъ прежняго рабства, и рисуетъ г. Кишенскій.

Тутъ два сорта типовъ — людей отживающихъ и новыхъ, молодого поколѣнія.

Молодое поколѣніе знакомо автору. Типы, излюбленные имъ, указываемые имъ какъ надежда будущаго, составляющіе сіяніе мрачной картины—вышли довольно удачны (что очень странно; ибо „положительные“ типы почти всѣмъ не удаются нашимъ поэтамъ). По крайней мѣрѣ, Марья вышла безукоризненна. Иванъ, женихъ ея, удался нѣсколько менѣе, несмотря на всю вѣрность его изображенія. Это парень молодой, красивый, смѣлый, грамотный, довольно видѣвшій и узнавшій новаго, добрый и честный. Весь недостатокъ его въ томъ, что авторъ немного слишкомъ полюбилъ его, слишкомъ положительно его выставилъ. Отнесись онъ къ нему поотрицательнѣе— и впечатлѣніе читателя вышло бы болѣе въ пользу излюбленнаго имъ героя. Правда, какъ тонкій художникъ, авторъ не миновалъ и самыхъ невыгодныхъ чертъ характера своего Ивана. Иванъ съ сильной энергіей и съ сильными умственными способностями, но молодъ и заносчивъ. Онъ великодушно вѣруетъ въ правду и въ правый путь, но правду смѣшиваетъ съ людьми и несправедливо требуетъ отъ нихъ невозможнаго. Онъ, наиримѣръ, знаетъ иные законы, такъ что писарь „Леванидъ Игнатьичъ“ побаивается прямо нападать на него, но слишкомъ простодушно вѣруетъ въ свое знаніе, а потому не вооруженъ передъ зломъ и не только не понимаетъ опасности, но и не предполагаетъ ея. Все это такъ естественно и вышло бы прекрасно, потому что такъ и должно ему быть. Мало того, авторъ не упустилъ множества самыхъ симпатическихъ подробностей: Ваня, понимая всю мерзость него-

дьявь (вдобавокъ еще враждебныхъ ему), какъ молодой человекъ, свѣжій, сильный, и которому все такъ еще любо на свѣтъ,—недостаточно гнушается ими, съ ними водится, съ ними *тѣсни поетъ*. Эта молодая черта привлекаетъ къ нему читателя чрезвычайно. Но, повторяемъ, авторъ слишкомъ его полюбилъ и не рѣшается ни разу посмотреть на него свысока. Намъ кажется, что мало еще выставить вѣрно всѣ данныя свойства лица; надо рѣшительно освѣтить его собственнымъ художническимъ взглядомъ. Настоящему художнику ни за что нельзя оставаться наравнѣ съ изображаемымъ имъ лицомъ, довольствуясь одною его реальною правдой: правды въ впечатлѣннн не выйдетъ. Немного бы, капельку лишь ироніи автора надъ самоувѣренностью и молодою заносчивостью героя—и читателю онъ сталъ бы милѣе. А то думаешь, что авторъ такъ и желалъ изобразить его совершенно правымъ во всемъ обрушившемся на него несчастіи.

Другія лица молодого поколѣнія,—лица погибшія чуть не съ дѣтства „поколѣніе пожертвованное“,—вышли еще вѣрнѣе „положительныхъ типовъ“. Ихъ два сорта: виноватые и виновные. Тутъ, напримѣръ, есть одна дѣвочка (Матреша)—созданіе пожертвованное и несчастное и, что ужаснѣе всего, вы чувствуете, что она не одна такая, что такихъ „несчастныхъ“ на Руси у насъ сколько хотите, всѣ деревни полны, бездна. Вѣрность этого изображенія заставить человека съ сердцемъ и смотрящаго въ наше будущее сознательно — ужаснуться. Это поколѣніе, поднявшееся уже послѣ реформы. Въ первомъ дѣтствѣ оно застало семью уже разлагающуюся и циническое, поголовное пьянство, а затѣмъ, попало прямо на фабрику. Бѣдная дѣвочка! Она развратничаетъ, можетъ быть, уже съ двѣнадцатилѣтняго возраста и—почти не знаетъ сама, что развратна. На Рождество она съ фабрики пріѣхала на побывку въ село и искренно удивляется, какъ можетъ прежняя товарка ея, деревенская дѣвушка Маша, предпочитать честь нарядамъ: „Во, Степанъ Захарычъ, и видна необразованности!“ говоритъ она, „велика бѣда, што купецъ аль господинъ съ дѣвкой поиграетъ“. Это говоритъ она съ совершеннымъ убѣжденіемъ въ истинѣ и правотѣ своей, мало того: жалѣя Машу и деревенскихъ; когда Маша отпалкиваетъ подлеца купчишку, она говоритъ прямо:

„Охота тебѣ съ этимъ народомъ толковать! Сишь! На еѣ таперича мѣстѣ другая порадовалась бы! Такъ бы ихъ

облистила, приняла бѣ, и себѣ - то припентъ принесла и брату угодила!" И, наконецъ, когда эта несчастная подсыпаетъ соннаго зелья Машѣ, сговорясь съ купчишкой, чтобъ въ безчувствіи изнасиловать бѣдную честную Машу, и потомъ, когда лѣзетъ на печь, смотрѣть, заснула ли жертва,—она дѣлаетъ все это злодѣйство не только безъ сознанія зла, но вполне убѣжденная, что дѣлаетъ этой Машѣ, прежней подругѣ своей, добро, благодареніе, за которое та, спустя, благодарить будетъ. Въ пятомъ актѣ, въ послѣдней ужасной катастрофѣ — ни отчаяніе Маши, отца ея, жениха, ни убійство, готовое совершиться, — ничто не смущаетъ ее; да и сердца совсѣмъ у ней нѣтъ, — гдѣ же было развиться ему? Она пожимаетъ плечами и говорить свое любимое слово: „необразованность!“ Авторъ не забылъ этого восклицанія, доканчивая послѣднюю художественную черту этого типа. Трагическая судьба! Человѣческое существо обращено въ какого-то гнилого червячка и совершенно довольно собой и жалкимъ своимъ кругозоромъ.

Тутъ среда, тутъ *fatum*, эта несчастная не виновата и вы понимаете это, но вотъ другой типъ — самый полный въ драмѣ — типъ развратнаго, испитого, плюгаваго фабричнаго парня, брата Маши, продающаго потомъ сестру купчишкѣ за триста рублей и за бархатную поддевку, — это, о, это уже типъ изъ виновныхъ „пожертвованнаго“ поколѣнія. Тутъ уже не одна среда. Правда, обстановка та же и та же среда: пьянство, разлагающаяся семья и фабрика. Но этотъ не простодушно, какъ Матреша, увѣровалъ въ развратъ. Онъ не простодушно подлѣ, какъ она, а съ любовью, онъ въ подлость привнесъ своего. Онъ понимаетъ, что развратъ есть развратъ и знаетъ, что такое неразвратъ; но развратъ онъ полюбилъ сознательно, а честь презираетъ. Онъ уже сознательно отрицаетъ старый порядокъ семьи и обычай; онъ глушь и тупъ, это правда, но въ немъ какой-то энтузіазмъ плотоугодія и самаго подлаго, самаго типическаго матеріализма. Это уже не просто червячокъ, какъ Матреша, въ которой все такое маленькое и изсохшее. Онъ стоитъ на дѣревенской мірской сдохлѣ, и вы чувствуете, что онъ ничего уже въ ней не понимаетъ и не можетъ понимать, что онъ уже не отъ „міра сего“ и съ нимъ разорвалъ окончательно. Онъ продаетъ сестру безо всякаго угрызенія совѣсти и на утро является въ отцовскую избу, на сцену отчаянія, въ бар-

хатной поддевки и съ новой гармоніей въ рукахъ. Есть пунктъ, въ который онъ вѣрнѣе, какъ во всемогущество; это — водка. Съ самой тупой, но вѣрной ухваткой онъ, передъ всякимъ начинаніемъ, — выставляетъ водку — горькую мужикамъ и сладкую бабамъ, увѣренный, что все по его сдѣлается и что водка все можетъ. Въ немъ, къ полпотѣ ироніи, въ изображеніи его, рядомъ съ полнымъ цинизмомъ уживается потребность — прежнихъ вѣжливыхъ манеръ, исконной деревенской „учливости“. Прибывъ въ село и еще не повидавшись съ матерью, а засѣвъ въ кабакъ, онъ вѣжливо посылаетъ ей сладкой водки. Когда онъ и Матреша привлекаютъ мать въ кабакъ, чтобъ, на свободѣ, выманить ея позволеніе продать родную дочь купцу на изпасильничаніе, онъ вѣжливо выставляетъ прежде всего сладкой водки и, указывая на мѣсто, говорить: „пыхалте, мамынька-съ“, и та очень довольна „учливостью“. Нашего автора упрекали иные, читавшіе первый актъ, за слишкомъ ужъ *натуральный* мужицкій языкъ, утверждая, что онъ могъ бы быть болѣе литературнымъ. Этой *натуральностію* языка и мы недовольны; все должно быть художественно. Но, прочтя внимательно, прочтя другой разъ драму, вы невольно согласитесь, что невозможно было измѣнить языкъ, въ иныхъ ея мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, не ослабивъ ея характерности. Это „пыхалте, мамынька-съ“ не могло быть измѣнено: вышло бы не такъ подло. И замѣтите, что эту гадкую, глупую пьющую старуху свою „мамыньку“ сынокъ уважаетъ столько же, сколько свою подошву.

Вотъ трагическія слова отца этой семьи, пьющаго старика, про это „пожертвованное поколѣніе“:

Захаръ (*выпиваетъ стаканъ водки*). Пьяницы! Вы теперь подумайте, други: сидитъ эта фабришныя цѣлюю недѣлю за станомъ. ноги-то, руки-то завѣмѣютъ, въ головѣ словно туману напущено! Слово шальные всѣ! И виду-то чельчяго-то нѣтъ. Въ хороминѣ-то духота, стѣны голыя — не глядѣть бы! Солнышко въ ино мѣсто не заглянетъ! Только и видишь его што по праздникамъ! Ну, други, придѣть эта праздникъ: ты дѣдъ писанея станешъ читать, другой въ поле хлѣбъ поглядитъ пойдетъ, а въ лѣсъ, а въ пчеламъ, а въ сусѣдями толковать — земство значить, а въ сходка, а въ о цѣнахъ хлѣбныхъ — скажи куда фабришному-то идти? О чемъ ему говорить-то? У него все отмѣряно, да взвѣшено! Развѣ о томъ, что штрафы пишутъ незнамо за што, да провизію отпускаетъ гнилую, да за рублевый чай беретъ два съ полтиной, за ворота не пускаетъ, штобъ провизію у него брали, да штобъ разврату болѣе было. Объ эвтомъ развѣ! Ну, значить, одна и дорога въ кабакъ! Одинъ разговоръ-отъ о водкѣ да распутствѣ.

Василий. Это точно.

Захаръ. Вы подумайте, други, вѣдь тоже отдохнуть хоцца! Тоже молодость! Соберется хоровадь, пѣсни, смѣхъ, — жожалый разгонить! Ну, всѣ гурьбой и въ кабакъ да трактиръ! И пойдутъ толки о дѣвкахъ, да кто кого перенѣтъ! И глянъ-ка што творится на фабрикахъ-то! Дѣвчонки 12 лѣтъ полюбовниковъ ищутъ! шпудельники водку хлыщутъ, что воду! на фабрикѣ-то матершинничество, ахальничество — стонъ стоять, адъ кромѣшный! Дѣти отъ большихъ занимаются! На пагубу ребятъ своихъ мы туда отдаемъ! Есть-ли хоша одна дѣвка безъ распутства, одинъ парень не пьяница — на фабрикахъ-то!

Но самая характерная изъ всѣхъ сценъ этой народной драмы — это третій актъ, мірская сходка. Сильная мысль положена въ этотъ эпизодъ поэмы. Эта сходка — это *все*, что осталось твердаго и краеугольнаго въ народномъ русскомъ строѣ, главная исконная связь его и главная будущая надежда его, — и вотъ и эта сходка уже носить въ себѣ начало своего разложенія, уже больна въ своемъ внутреннемъ содержаніи! Вы видите, что уже во многомъ — это лишь одна форма, но что внутренній духъ ея, внутренняя вѣковая правда ея пошатнулась — пошатнулась вмѣстѣ съ зашатавшимися людьми.

На этой сходкѣ происходитъ возмутительная неправда: вопреки обычаю и закону, единственнаго сына вдовы (Ивана, героя драмы) отдаютъ въ солдаты вмѣсто одного изъ богатой семьи тройниковъ, и, что хуже всего, — это дѣлается сознательно, съ сознательнымъ неуваженіемъ къ правдѣ и обычаю, дѣлается за вино, за деньги. Тутъ даже и не подкупъ; подкупъ бы еще ничего; подкупъ можетъ быть преступленіемъ единичнымъ и исправимымъ. Нѣтъ, тутъ все почти выходитъ именно изъ сознательнаго неуваженія къ себѣ, къ своему же суду, стало-быть, и къ собственному бытовому строю своему. Цинизмъ уже въ томъ проявляется, что противъ обычая и древняго правила, въ началѣ сходки, міръ допускаетъ понойку: „Съ угарцемъ-то будетъ лучше судить“, зубоскала говорятъ предводители сходки. Половина этихъ собравшихся гражданъ давно уже не вѣрять въ силу мірскаго рѣшенія, а, стало-быть, и въ необходимость его; почти считаетъ за ненужную форму, которую всегда можно обойти. Можно и должно, вопреки правдѣ и ради первой текущей выгоды. Еще немного пройдетъ, и вы чувствуете, что умники поновѣе сочтутъ всю эту церемонію за одну лишь глупость, за одно лишь ненужное бремя, потому что мірской приговоръ, что бы тамъ ни было, всегда состоится такой,

какого хочет богатый и сильный мироѣдъ, заправляющій сходкой. Такъ ужь лучше, вмѣсто пустой формалистики, прямо и перейти подъ власть этого мироѣда. А онъ еще, вдобавокъ, и водкой будетъ поить. Вы видите, что у большинства этихъ самоуправляющихся членовъ даже и предположеніе утратилось, что рѣшеніе ихъ могло бы быть произнесено вопреки волѣ сильнаго человѣка; всѣ „ослабѣли“; ожирѣли сердца; всѣмъ хочется сладенькаго, матеріальной выгоды. Всѣ рабы уже по существу своему и даже представить не могутъ себѣ, какъ это можно рѣшить для правды, а не для собственной выгоды. Молодое поколѣніе тутъ присутствуетъ и смотритъ на дѣло отцовъ не только безъ уваженія, не только съ насмѣшкою, но какъ на устарѣлую дичь, именно какъ на глупую, ненужную форму, которая и держится-то всего лишь упрямствомъ двухъ-трехъ глупыхъ стариковъ, которыхъ, вдобавокъ, всегда купить можно. Такъ стоитъ и такъ ведетъ себя на сходкѣ Степанъ, тотъ испитой, плюгавый, пропившійся паренекъ, который потомъ продаетъ сестру свою. Всѣ эти эпизоды мірской сходки удались автору. И главное, Степанъ почти правъ въ томъ, что не только не понимаетъ ничего въ мірской сходкѣ, но что и нужнымъ не считаетъ ее понимать. Не могъ же онъ не видѣть, что на сходку уже допущено постороннее вліяніе купчишки, который положилъ себѣ—погубить Ваньку и отбить у него дѣвку-невѣсту. Міръ выпилъ его вино и допустилъ купчишкина приказчика сказать себѣ вслухъ, что безъ него, безъ купца-фабриканта, который фабричной работой имъ хлѣбъ даетъ, „вся бы волость ваша по папертямъ церковнымъ нищенствовала, а что если приговорять по его, то за это его степенство, купецъ, много штрафовъ народу простить“. Дѣло, разумѣется, разрѣшается въ пользу купца, и Ваньку отдають въ солдаты.

Тутъ на сходкѣ (весьма разнообразной лицами и характерами) являются два почти трагическія лица; одинъ — Наумъ Егоровъ, старикъ, уже двадцать лѣтъ сидящій на первомъ мѣстѣ на сходкѣ и заправляющій ею, и Степанида, мать Ивана. Наумъ Егорычъ — старикъ разумный, твердый, честный, съ высокой душой. На мірской приговоръ онъ смотритъ съ высшей точки. Для него это не просто сходка домохозяевъ въ такомъ-то селѣ; нѣтъ, чувствомъ онъ возвысился до понятія самаго широкаго: приговоръ хотя бы только сходки села его,—для него какъ

бы часть приговора всей крестьянской Россіи, которая лишь міромъ и его приговоромъ вся держится и стоитъ. Но, увы, онъ слишкомъ разуменъ и не можетъ не видѣть наступившаго мірскаго шатанія и куда съ нѣкотораго времени міръ потянулъ. Неправда, злодѣйства, конечно, бывали и на прежнихъ сходкахъ, двадцать лѣтъ назадъ; но неуваженія къ сходкѣ самихъ членовъ ея, неуваженія къ собственному дѣлу—не было, по крайней мѣрѣ, не возводимо было въ принципъ. Дѣлали подлое, но знали, что дѣлаютъ подлое, а что есть хорошее; теперь же не вѣруютъ въ хорошее и даже въ необходимость его. Но все-таки Наумъ, этотъ своего рода послѣдній Могиканъ, продолжаетъ вѣрить въ правду мірскую во что бы то ни стало, чуть не *насилъно*,—и въ этомъ трагизмъ его. Онъ формалистъ; чувствуя, что содержаніе ускользаетъ, онъ стоитъ тѣмъ крѣпче за форму. Видя, что міръ пьянъ, онъ попросилъ было отложить сходку, но когда закричали, что съ „угарцемъ лучше судить“—онъ покоряется: „міръ рѣшилъ, противъ міра нельзя идти“. Онъ слишкомъ хорошо и со страданіемъ понимаетъ про себя, что въ сущности наемный ихъ писаришка, Леванидъ Игнатьичъ, значить все, и что купцовъ приказчикъ какъ прикажетъ сходкѣ рѣшить, такъ она и рѣшитъ. Но старикъ все еще, пока время, хоть насильно да обманываетъ себя; онъ прогоняетъ Леванида съ перваго мѣста и, какъ предсѣдатель сходки, читаетъ приказчику наставленіе за невѣжливыя слова его противъ міра.

За Ваньку поднимается нѣсколько правдивыхъ голосовъ, хвалятъ его, говорятъ, что парень хорошій, толковый, міру нужный, что такого бы приберечь, и вотъ вдругъ, между другими, раздается голосъ одной старой, хмельной головы: „Ну, онъ лучше всѣхъ—вдѣ его и въ рекруты!“ Это уже насмѣшка надъ правдой сознательная, щегольство неправдой, игра... Самъ надъ собою шутитъ судья, да еще въ такомъ дѣлѣ, какъ судьба чело-вѣческая! Наумъ слышитъ и, конечно, понимаетъ, что кончается его „міръ“. Тутъ стоитъ мать Ивана. Это баба еще не старая, сильная, гордая. Давно уже осталась она молодой вдовой. Какъ вдову, ее притѣсняли, ее міръ обижалъ. Но она выдержала все, поправила домишко, подняла своего единственнаго ненагляднаго Ваню на радость, на утѣху себѣ, и вотъ—слушаетъ теперь, какъ міръ отнимаетъ у нея послѣднюю надежду, послѣд-

нюю радость, ея сына. Наумъ Егорычъ, предчувствуя хмельное, буйное рѣшеніе міра, говоритъ поскорѣй Степанидѣ: „Эхма, а дѣлать неча! Міръ—сила! Проси, Степанида, проси міръ-отъ!“ Но та не хочетъ просить. Та строитиво укоряетъ міръ въ неправдѣ, въ подкушѣ, въ пьяномъ рѣшеніи, въ зависти къ ея Ванѣ. „Ты, Степанида, хуже міръ-отъ злобиши!“ тревожно восклицаетъ Наумъ. „Аль ты думаешь, Наумъ Егорычъ“, отвѣчаетъ ему Степанида,—„кали бѣ я видѣла, што тутъ законъ да совѣсть—тутъ водка! Кали бѣ я знала, што тутъ умо- лить можно, да я колѣни свои стерла бы о сырую землю, полъ-отъ вымыла бѣ въ избѣ слезьми своими, голову бѣ расшибла бѣ, міру кланяючись! Да тутъ не упросишь, не умолишь! Развѣ ты не видишь,—тутъ все подстроено, да подлажено! Сгубятъ они, вороны, яснаго сокола, заклюютъ! За водку продаете вы души-то свои—вѣ кому вы моли- тесь—водкѣ! Кто больше поднесъ—тотъ васъ и купилъ. Обидѣлъ, вишь ты, Ваня, купчину, а иль вы не знаете, што купчина-то пьяный мѣзъ порочить невѣсту Ваню- хину! Да вы эвто знаете! Водка-то купчины хороша! Страмники вы, кровопивцы, и то въ вину поставили, что сироту безпріютнаго во двѣрѣ взяла! Да не быть по ва- шему! Не быть! Посредственникъ Ванюшу знаетъ—въ обиду не дастъ!“ (быстро уходитъ).

Эта гордая женщина—одно изъ очень удавшихся на- шему поэту лицо. Какъ хотите, господа, а это сильное мѣсто. Это, конечно, русская деревня, а лицо—простая баба, которая грамотно и говоритъ не умѣетъ, но, ей- Богу, этотъ монологъ о стертыхъ колѣнкахъ, „если бѣ тутъ умолить было можно“—стоитъ многихъ высокихъ мѣстъ въ иныхъ трагедіяхъ въ этомъ родѣ. Тутъ нѣтъ классическихъ фразъ, красиваго языка, бѣлаго покрывала, черныхъ горящихъ глазъ Рашели, но увѣрю васъ, если бѣ у насъ была наша Рашель, вы содрогнулись бы въ театрѣ отъ этой сцены материнскаго проклятія мір- скому суду, отъ всей этой неприкрашенной правды ея. Сцена кончается многозначительнымъ движеніемъ—бѣг- ствомъ за правдой къ „посредственнику“, съ жалобой ему на мірской приговоръ, а это тяжелое пророчество.

Указывать далѣе на всѣ лучшія сцены этого произве- денія почти излишне. Но не могу не подѣлиться впечат- лѣніемъ и прямо скажу: рѣдко чтó читалъ я сильнѣе и трагичнѣе финала четвертаго акта.

Жертва, запроданная матерью и братомъ купцу, уже опоена зельемъ и заснула въ безчувствіи на печи. Матреша, эта невинная преступница, лѣзетъ на печь поглядѣть и, почти съ радостью, почти убѣжденная, что теперь осчастливила Машу, возвѣщаетъ купчишкѣ: „Готова! Не пошевельнется, хоть на куски изрѣжь!“ Писаришка Леванидъ, товарищъ купчихи, встаетъ и уходитъ: „Жизнь вамъ, купцамъ-то!“ говоритъ онъ завистливо. И вотъ купчихка, передъ тѣмъ какъ лѣзть къ своей жертвѣ, приходитъ въ какой-то поэтической наѣсъ: „Потому мы теперь сила!“ восклицаетъ онъ плотоядно-пророчески. „Што хотимъ, то и можемъ сдѣлать! Если таперь купецъ чево вздумалъ—то и сдѣлалъ—потому сила!“— „Сила—чаго и толковать!“ поддакиваетъ братъ жертвы. Затѣмъ лишніе выходятъ изъ избы, негодяй лѣзетъ къ Машѣ, а пьяная мать, продавшая свою невинную дочь, невѣсту несчастнаго Вани, въ пьяномъ безчувствіи тутъ же валится на полъ и засыпаетъ въ ногахъ пьянаго безъ просыпу отца этого счастливаго семейства... „Пить до дна—не видать добра!“

Не указываю на всѣ эти поражающія своею дальнѣйшею правдой черты ужасной картины,—на этихъ преступниковъ, почти не понимающихъ своего преступленія; на понимающихъ, но уже не имѣющихъ права проклясть его, какъ пьяный отецъ семьи, напимѣръ, которому дочь трагически бросаетъ въ глаза обвиненіе и дочернее свое проклятiе... Есть черты чрезвычайно тонко замѣченныя: эта очнувшаяся Маша, въ первыя минуты хотѣвшая убить себя, надѣваетъ, однако, оставленный ей у матери купчихкой шелковый сарафанъ, но надѣваетъ изъ злорадства, для мученія, для того, чтобъ истерзать себя еще больше: „вотъ, дескать, сама теперь потаскухой стала!“ Вотъ разговоръ „невинной“ матери и „невинной“ Матрешы на другой день послѣ бѣды:

МАТРЕШКА (*входитъ*). Здорово, тетка Арина! Што у васъ тутъ дѣется? Вчера-то я, признаться, и побоялась придти-то къ вамъ!

АРИНА. И-и-и, дѣвынька, что страховъ-отъ натерпѣлись! Страсти! Какъ поутру-то узнала дѣвка, схватила ножъ, да насъ-то маненько не перерѣзала, а потомъ себя! Ужъ насилу, насилу мы съ ней сладили! Степку таперь на глаза не пускаетъ!

МАТРЕШКА. Сказывалъ онъ мнѣ!

АРИНА. Ну, къ вечеру-то, знаешь, отпустило ее, стала она таперь словно камень! Богъ, говорить, меня, говоритъ, наказалъ за Матрешку, таперь—говорить—сама такажь! Нонѣ, дѣвынька, дала я ей сарах-

вань-отъ, што Силантій Савельичъ у тебя ей-то купилъ, она надѣла,— Матрешкой, говорить, стала, ее и сараханъ надуть! Во што!

Матрешка. Гдѣ-жъ опа таперь?

Арина. И-и-и, дѣвынька, уйдетъ въ сарай, зароеется въ солому, да ничкомъ и лежитъ!

Матрешка. Какъ бы рукъ на себя не наложила сторяча-то?

Но жертва не наложила на себя рукъ: „Страшно стало“ потомъ-то, говорила она сама. Нашъ поэтъ богатъ психологическимъ знаніемъ народа. Вотъ и Ваня, являющійся внезапно отъ посредника, къ которому на сутки отлучился. Поэтъ не пощадилъ своего героя, для реальной правды: Иванъ, въ первое мгновеніе, въ бестіальной ярости, обвиняетъ одну Машу, онъ несправедливъ и отвратителенъ, но, понявъ, наконецъ, какъ было дѣло, онъ какъ бы невольно предложилъ было Машѣ идти за него и такъ. Но автору слишкомъ хорошо извѣстно, что въ нашемъ народномъ быту это почти немислимо, если только дѣло носить честный характеръ. Обезчещенная дѣвушка, хоть и обманомъ, хоть и безъ вины, считается все-таки уже нечистою, если не совсѣмъ безчестною. Да и сама Маша горда: „Не марайся объ меня, Ваня!“ кричитъ она, „уйди!“ „Прощай, Ваня!“, и затѣмъ въ послѣднемъ монологѣ, быстро подходитъ къ столу, наливаетъ стаканъ водки, обводитъ всѣхъ горячимъ взглядомъ и съ отчаяннымъ, злораднымъ вывертомъ кричитъ:

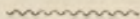
„Ну, што же приуныли? Радуйтесь, ваше дѣло! Матушка! батюшка! пить давайте, гулять! Не одинъ ты, батюшка, будешь по кабакамъ-то шляться! Съ дочкой! Скучно, матушка, пить одной-то было, вдвоемъ теперь, съ дочкой! Заливай вино! Потопи ты мое горе, мою совѣсть!“

И подносить стаканъ къ губамъ. Тѣмъ кончается драма.

Не говорю, что тутъ совсѣмъ нѣтъ ошибокъ; но въ этомъ произведеніи такъ много истинныхъ достоинствъ, что ошибки эти почти ничтожны. Напримѣръ, тонъ Маши въ монологѣ четвертаго акта, который заканчиваетъ она прелестнымъ, высокимъ душевнымъ движеніемъ: „теперь легко таково стало!“—Этотъ тонъ немного ужъ слишкомъ пѣвучъ. Правда, это почти не монологъ, а дума, чувство—тѣ самыя думы и чувства, подъ влияніемъ которыхъ у русскихъ людей съ сердцемъ и поэзіей, сложились и всѣ пѣсни русскаго народа. Поэтому и дума Маши, по существу въ высшей степени вѣрная и нату-

ральная, могла выйти въ формѣ своей нѣсколько какъ бы лиричною. Но у искусства есть предѣлы и правила, и монологъ могъ бы быть покороче. Можетъ быть, не совсѣмъ вѣренъ и тонъ Маши въ концѣ драмы, уже послѣ катастрофы: лучше было бы, если бъ она говорила капельку менѣе. Ужасныя слова ея отцу гораздо бы сильнѣе выдались, если бъ тоже были покороче и не такъ пѣвучи. Но все это поправимо, авторъ очень можетъ исправить это во второмъ изданіи и, повторяемъ, сравнительно съ безспорными достоинствами его произведенія, все это почти мелочи. Хорошо еще, если бъ авторъ выбросилъ изъ своей драмы совсѣмъ появленіе въ концѣ ея (и вовсе ненужное) добродѣтельнаго старика-фабриканта, толкующаго чуть ли не о нашихъ „долгахъ народу“. Появленіе его тѣмъ болѣе нелѣпо, что это тотъ самый фабрикантъ, который закабалилъ весь окрестный людъ, замучилъ произвольными штрафами и кормить работниковъ гнилою пищею. Наконецъ, самъ хозяинъ дома, Захаръ, вышелъ нѣсколько неясенъ. Въ собственномъ объясненіи его, отчего онъ заилъ—есть какъ бы какая-то фальшь, что-то необъясненное и натянутое; межъ тѣмъ дѣло могло быть выставлено гораздо проще и натуральнѣе.

Впрочемъ, это только мое мнѣніе и я могу ошибиться, но увѣренъ, что не ошибаюсь въ твердыхъ достоинствахъ этого серьезнаго произведенія. Мнѣ слишкомъ пріятно было подѣлиться моимъ впечатлѣніемъ съ читателями. Серьезнѣе ничего, но крайней мѣрѣ, не появилось въ нашей литературѣ за послѣднее и, можетъ-быть, довольно длинное время...

ХІІІ.

Маленькія картинки *).

1

Лѣто, каникулы; пыль и жаръ, жаръ и пыль. Тяжело оставаться въ городѣ. Всѣ разѣхались. На-дняхъ принялся было за перечитываніе навопившихся въ редакціи рукописей... Но о рукописяхъ послѣ, хотя о нихъ есть чтò сказать. Хочется воздуху, воли, свободы; но вмѣсто воздуха и свободы бродишь одинъ безъ цѣли по засыпаннымъ пескомъ и известкой улицамъ и чувствуешь себя какъ бы кѣмъ-то обиженнымъ — право, ощущение какъ будто похожее. Извѣстно, что половина горя долой, лишѣ бы подыскать кого-нибудь виноватаго передъ вами, и тѣмъ досаднѣе, если подыскать рѣшительно некого...

На-дняхъ переходилъ Невскій проспектъ съ солнечной стороны на тѣневую. Извѣстно, что Невскій проспектъ переходишь всегда съ осторожностью, не то мигомъ раздавятъ, — лавируешь, присматриваешься, улучаешь минуту, прежде чѣмъ пуститься въ опасный путь, и ждешь, чтобы хоть капельку расчистилось отъ несущихся одинъ за другимъ, въ два или три ряда, экипажей. Зимой, за два, за три дня передъ Рождествомъ, на примѣръ, переходить особенно интересно: сильно рискуете, особенно если бѣлый морозный туманъ съ разсвѣта опустится на городъ, такъ что въ трехъ шагахъ едва различишь прохожаго. Вотъ проскользнулъ кое-какъ мимо первыхъ рядовъ каретъ и извозчиковъ, несущихся въ сторону Полицейскаго моста, и радуешься, что уже не боишься ихъ: топотъ и грохотъ

*) № 29 „Гражданинъ“ 1873 г.

и сильные окрики кучеровъ остались за вами, но, однако, и некогда сильно радоваться: вы только достигли середины опаснаго перехода, а дальше—рискъ и полная неизвѣстность. Вы быстро и тревожно осматриваетесь и наскоро придумываете, какъ бы проскользнуть и мимо второго ряда экипажей, несущихся уже въ сторону Аничкова моста. Но чувствуете, что и думать ужъ некогда и къ тому же этотъ адскій туманъ; слышны лишь топотъ и крики, а видно кругомъ лишь на сажень. И вотъ вдругъ, внезапно раздаются изъ тумана быстрые, частые, сильно приближающіеся твердые звуки, страшные и зловѣщіе въ эту минуту, очень похожіе на то, какъ если бы шесть или семь человѣкъ сѣчками рубили въ чанѣ капусту. „Куда дѣваться? Впередъ или назадъ? Успѣю иль нѣтъ?“ И—благо вамъ, что остались: изъ тумана, на разстояніи лишь одного шагу отъ васъ вдругъ вырѣзывается сѣрая морда жарко-дышащаго рысака, бѣшено несущагося со скоростью желѣзнодорожнаго курьерскаго поѣзда: пѣна на удилахъ, дуга на отлетѣ, вожжи натянуты, а красивыя сильныя ноги съ каждымъ взмахомъ быстро, ровно и твердо отмѣриваютъ по сажени. Одинъ мигъ, отчаянный окрикъ кучера и—все мелькнуло и пролетѣло изъ тумана въ туманъ, и потомъ, и рубка и крики—все исчезло опять, какъ видѣніе. Подлинно петербургское видѣніе! Вы креститесь и, уже почти презирая второй рядъ экипажей, такъ пугавшій васъ за минуту, быстро достигаете желаннаго тротуара еще весь дрожа отъ перенесеннаго впечатлѣнія и, — странно, — ощущая въ то же время неизвѣстно почему и какое-то отъ него удовольствіе, и все не потому, что избѣгли опасности, а именно потому, что ей подвергались. Удовольствіе ретроградное, я не спорю, и къ тому же въ нашъ вѣкъ бесполезное, тѣмъ болѣе, что надо бы было, напротивъ, протестовать, а не ощущать удовольствіе, ибо рысакъ въ высшей степени не либераленъ, напоминаетъ гусара или кутящаго купчика, а, стало-быть, неравенство, нахальство, la tyrannie и т. д. Знаю и не спорю, но теперь я хочу лишь докончить. И такъ на-дняхъ, съ привычною зимнею осторожностію, сталь-было я переходить черезъ Невскій проспектъ и вдругъ, очнувшись отъ задумчивости, въ удивленіи остановился на самой серединѣ перехода: никого-то нѣтъ, ни одного экипажа, хотя бы какія-нибудь дребезжащія извозчичьи дрожки! Мѣсто пусто сажень на пятьдесятъ въ обѣ

стороны, хоть остановитесь разсуждать съ пріателемъ о русской литературѣ — до того безопасно! Даже обидно. Когда это бывало?

Пыль и жаръ, удивительные запахи, взрытая мостовая и перестраивающіеся дома. Все больше отдѣляются фасады со стараго на новое, для шику, для характеристики. Удивительна мнѣ эта архитектура нашего времени. Да и вообще архитектура всего Петербурга чрезвычайно характеристична и оригинальна и всегда поражала меня, — именно тѣмъ, что выражаетъ всю его безхарактерность и безличность за все время существованія. Характернаго въ положительномъ смыслѣ, своего собственнаго, въ немъ развѣ только вотъ эти деревянные, гнилые домишки, еще уцѣлѣвшіе даже на самыхъ блестящихъ улицахъ, рядомъ съ громаднѣйшими домами, и вдругъ поражающіе вашъ взглядъ словно куча дровъ возлѣ мраморнаго палаццо. Чтò же касается до палаццо, то въ нихъ-то именно и отражается вся безхарактерность идеи, вся отрицательность сущности петербургскаго періода, съ самаго начала до его конца. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ такого города, какъ онъ; въ архитектурномъ смыслѣ онъ отраженіе всѣхъ архитектуръ въ мірѣ, всѣхъ періодовъ и модъ; все постепенно заимствовано и все по-своему перековеркано. Въ этихъ зданіяхъ, какъ по книгѣ, прочтете всѣ наплывы всѣхъ идей и идеекъ, правильно или внезапно залетавшихъ къ намъ изъ Европы и постепенно насъ одолевавшихъ и полонившихъ. Вотъ безхарактерная архитектура церкви прошлаго столѣтія, вотъ жалкая копія въ римскомъ стилѣ начала нашего столѣтія, а вотъ и эпоха возрожденія и отысканный, будто бы, архитекторомъ Тонномъ, въ прошлое царствованіе, типъ древняго византійскаго стиля. Вотъ затѣмъ нѣсколько зданій — больницъ, институтовъ и даже дворцовъ, первыхъ и десятыхъ годовъ нашего столѣтія, — это стиль времени Наполеона перваго — огромно, псевдо-величественно и скучно до невѣроятности, что-то натянутое и придуманное тогда нарочно, вмѣстѣ съ пчелами на наполеоновской порфирѣ, для выраженія величія вновь наступившей тогда эпохи и неслыханной династіи, претендовавшей на безконечность. Вотъ потомъ дома, или почти дворцы иныхъ нашихъ дворянскихъ фамилій, но гораздо позднѣйшаго времени. Это ужъ на манеръ иныхъ итальянскихъ палаццо или не совсѣмъ чистый французскій стиль до-революціонной эпохи.

Но тамъ, въ венеціанскихъ или римскихъ палаццо, отжили или еще отживаютъ жизнь свою цѣлыя поколѣнія древнихъ фамилій, одно за другимъ, въ теченіе столѣтій. У насъ же поставили наши палаццо всего только въ прошлое царствованіе, но тоже, кажется, съ претензіей на столѣтія: слишкомъ ужъ крѣпкимъ и ободрительнымъ казался установившійся тогдашній порядокъ вещей, и въ появленіи этихъ палаццо какъ бы выразилась вся вѣра въ него: тоже вѣка собирались прожить. Пришлось, однакоже, все это почти наканунѣ крымской войны, а потомъ и освобожденія крестьянъ... Мнѣ очень грустно будетъ, если когда-нибудь на этихъ палаццо прочту вывѣску трактира съ увеселительнымъ садомъ или французскаго отеля для пріѣзжающихъ. И, наконецъ, — вотъ архитектура современной, огромной гостиницы — это уже дѣловитость, американизмъ, сотни номеровъ, огромное промышленное предпріятіе: тотчасъ же видно, что и у насъ явились желѣзные дороги и мы вдругъ очутились дѣловыми людьми. А теперь, теперь... право не знаешь, какъ и опредѣлить теперешнюю нашу архитектуру. Тутъ какая-то безалаберщина, совершенно, впрочемъ, соответствующая безалаберности настоящей минуты. Это — множество чрезвычайно высокихъ (первое дѣло высокихъ) домовъ подъ жильцовъ, чрезвычайно, говорятъ, тонокостѣнныхъ и скуповыстроенныхъ, съ изумительною архитектурою фасадовъ: тутъ и Растрелли, тутъ и позднѣйшее рококо, дожевскіе балконы и окна, непремѣнно оль-де-бѣфы и непремѣнно пять этажей и все это въ одномъ и томъ же фасадѣ. „Дожевское-то окно ты мнѣ, братецъ, поставь неостмѣнно, потому чѣмъ я хуже какого-нибудь ихняго голоштаннаго дожа; ну, а пять-то этажей ты мнѣ все-таки выведи жильцовъ пускать; окно — окномъ, а этажи чтобы этажами; не могу же я изъ-за игрушекъ всего нашего капитала рѣшиться“. Впрочемъ, я не петербургскій фельетонистъ и не объ томъ совсѣмъ заговорилъ. Началь объ редакціонныхъ рукописяхъ, а свелъ на чужое дѣло.

2.

Пыль и жаръ. Говорятъ, для оставшихся въ Петербургѣ открыто нѣсколько садовъ и увеселительныхъ заведеній, гдѣ можно „подышать“ свѣжимъ воздухомъ. Не знаю, есть ли тамъ чѣмъ подышать, но я нигдѣ еще не былъ. Въ Петербургѣ лучше, душнѣе, грустнѣе. Ходишь, созер-

цаешь, одинъ-одинешенекъ—это лучше, чѣмъ свѣжій воздухъ увеселительныхъ петербургскихъ садовъ. Къ тому же и въ городѣ открылось вдругъ множество садовъ, тамъ, гдѣ ихъ вовсе не подозрѣвали. Почти на каждой улицѣ встрѣтите теперь, при входѣ въ какия-нибудь ворота, иногда заваленныя известкой и кирпичомъ, надпись: „входъ въ садъ трактира“. Тамъ, на дворѣ, гдѣ-нибудь передъ старымъ флигелькомъ былъ, лѣтъ сорокъ назадъ, отгороженъ какой-нибудь палисадникъ, шаговъ десяти длиною и пять шириною; ну, вотъ, это-то и есть теперь „садъ трактира“. Скажите, отчего въ Петербургѣ гораздо грустнѣе по воскресеньямъ, чѣмъ въ будни? Отъ водки? Отъ пьянства? Оттого, что пьяные мужики валяются и спятъ на Невскомъ проспектѣ среди бѣлаго... вечера, какъ я самъ это видѣлъ? Не думаю. Гуляки изъ рабочаго люда мнѣ не мѣшаютъ и я къ нимъ, оставшись теперь въ Петербургѣ, совсѣмъ привыкъ, хотя прежде терпѣть не могъ, даже до ненависти. Они ходятъ по праздникамъ пьяные, иногда толпами, давятъ и натыкаются на людей—не отъ буянства, а такъ, потому что пьяному нельзя не наткаться и не давить; сквернословятъ вслухъ, несмотря на цѣлыя толпы дѣтей и женщинъ, мимо которыхъ проходятъ—не отъ нахальства, а такъ, потому что пьяному и нельзя имѣть другого языка кромѣ сквернословнаго. Именно это языкъ, цѣлый языкъ, я въ этомъ убѣдился недавно, языкъ самый удобный и оригинальный, самый приспособленный къ пьяному или даже лишь къ хмельному состоянію, такъ что онъ совершенно не могъ не явиться, и если бъ его совсѣмъ не было—il faudrait l'inventer. Я вовсе не шутя говорю. Разсудите: извѣстнo, что въ хмелю, первымъ дѣломъ, связанъ и туго ворочается языкъ во рту, наплывъ же мыслей и ощущеній у хмельного, или у всякаго, не какъ стелька пьянаго человѣка почти удесятеряется. А потому, естественно, требуется, чтобы отыскать такой языкъ, который могъ бы удовлетворять этимъ обоимъ, противоположнымъ другъ другу состояніямъ. Языкъ этотъ уже споконъ вѣку отысканъ и принятъ во всей Руси. Это просто-за-просто названіе одного нелексиконнаго существительнаго, такъ что весь этотъ языкъ состоитъ изъ одного только слова, чрезвычайно удобно-произносимаго. Однажды въ воскресенье, уже къ ночи, мнѣ пришлось пройти шаговъ съ пятнадцать рядомъ съ толпой шестерыхъ пьяныхъ мастеровыхъ, и я вдругъ убѣдился, что можно вы-

разить всё мысли, ощущенія и даже цѣлыя глубокія разсужденія однимъ лишь названіемъ этого существительнаго, до крайности къ тому же немногосложнаго. Вотъ одинъ парень рѣзко и энергически произноситъ это существительное, чтобы выразить объ чемъ-то, объ чемъ раньше у нихъ общая рѣчь зашла, свое самое презрительное отрицаніе. Другой въ отвѣтъ ему повторяетъ это же самое существительное, но совсѣмъ уже въ другомъ тоиѣ и смыслѣ,—именно, въ смыслѣ полнаго сомнѣнія въ правдивости отрицанія перваго парня. Третій вдругъ приходитъ въ негодованіе противъ перваго парня, рѣзко и азартно ввязывается въ разговоръ и кричитъ ему то же самое существительное, но въ смыслѣ уже брани и ругательства. Тутъ ввязывается опять второй парень въ негодованіи на третьяго, на обидчика, и останавливаетъ его въ такомъ смыслѣ: „что, дескать, что жъ ты такъ, парень, влетѣлъ? Мы разсуждали спокойно, а ты отсюда взялся—лѣзешь Фильку ругать!“ И вотъ, всю эту мысль онъ проговорилъ тѣмъ же самымъ однимъ заповѣднымъ словомъ, тѣмъ же крайне односложнымъ названіемъ одного предмета, развѣ только что поднялъ руки и взялъ третьяго парня за плечо. Но вотъ вдругъ четвертый паренекъ, самый молодой изъ всей партіи, доселѣ молчавшій, должно быть, вдругъ отыскавъ разрѣшеніе первоначальнаго затрудненія, изъ-за котораго вышелъ споръ, въ восторгѣ, приподнимая руку кричитъ... Эврика, вы думаете? Нашель, нашель? Нѣтъ, совсѣмъ не эврика и не нашель; онъ повторяетъ лишь то же самое нелексиконное существительное, одно только слово, всего одно слово, но только съ восторгомъ, съ визгомъ упоенія и, кажется, слишкомъ ужъ сильнымъ, потому что шестому, угрюмому и самому старшему парню это не „показалось“ и онъ мигомъ осаживаетъ молокососный восторгъ паренка, обращаясь къ нему и повторяя угрюмымъ и назидательнымъ басомъ... да все то же самое запрещенное при домахъ существительное, что, впрочемъ, ясно и точно обозначало: „чего орешь, глотку дерешь!“ И такъ, не проговоря ни единого другого слова, они повторили это одно только излюбленное ими словечко шесть разъ криду, одинъ за другимъ, и поняли другъ друга вполне. Это фактъ, которому я былъ свидѣтелемъ. Помилуйте! закричалъ я имъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего (я былъ въ самой серединѣ толпы), — всего только десять шаговъ прошли, а

шесть разъ (имя рекъ) повторили! Вѣдь это срамежь! Ну, не стыдно ли вамъ?

Всѣ вдругъ на меня уставились, какъ смотрять на нѣчто совсѣмъ неожиданное, и на мигъ замолчали; я думалъ выругаютъ, но не выругали, а только молоденькій паренекъ, пройдя уже шаговъ десять, вдругъ повернулся ко мнѣ и на ходу закричалъ:

— А ты что же самъ-то семей разъ *его* поминаешь, коли на насъ шесть разовъ насчиталъ?

Раздался взрывъ хохота, и партія прошла, уже не беспокоясь болѣе обо мнѣ.

3.

Нѣтъ, я не про этихъ гулякъ говорю, и не отъ нихъ мнѣ такъ особенно грустно по воскресеньямъ. Я недавно съ большимъ удивленіемъ открылъ, что есть въ Петербургѣ мужики, мѣщане и мастеровые совершенно трезвые, совсѣмъ ничего не „употребляющіе“ даже и по воскресеньямъ; и не это собственно меня удивило, а то, что ихъ несравненно, кажется, больше, чѣмъ я предполагалъ до сихъ поръ. Ну, вотъ на этихъ-то мнѣ смотрѣть еще грустнѣе, чѣмъ на пьяныхъ гулякъ, и не то, чтобъ отъ состраданія къ нимъ; вовсе нѣтъ и причины имъ сострадать; а такъ приходитъ въ голову все какаля-то странная мысль... По воскресеньямъ къ вечеру (по буднямъ ихъ совсѣмъ не видать) очень много этого, всю недѣлю занятаго работою, но совершенно трезваго люда выходитъ на улицы. Выходить, именно, погулять. Я замѣтилъ, что на Невскій они никогда не заходятъ, а такъ—все больше прохаживаются около своихъ же домовъ, или идутъ „прохладно“, возвращаясь съ семействами откудова-нибудь изъ гостей. (Семейныхъ мастеровыхъ тоже, кажется, очень въ Петербургѣ много). Идутъ они степенно и съ ужасно серьезными лицами, точно и не на прогулкѣ, очень мало разговаривая другъ съ другомъ, особенно мужья съ женами, почти совсѣмъ молча, но всегда разодрѣтые по-праздничному. Наряды плохи и стары, на женщинахъ пестры, но все вычищено и вымыто къ празднику, нарочно, можетъ быть, къ этому часу. Есть которые и въ русскихъ платьяхъ, но много и въ нѣмецкихъ и бреющихъ бороду. Досаднѣе всего, что они, кажется, дѣйствительно и серьезно воображаютъ, что такъ прохаживаясь доставляютъ себѣ несомнѣнное воскресное удовольствіе. Ну, какое бы, ка-

жется, удовольствіе на этой широкой, оголенной, пыльной улицѣ, пыльной еще послѣ заката солнца? То-то и есть, что имъ и это кажется раемъ; всякому, значить, свое.

Очень часто они съ дѣтьми; дѣтей тоже очень много въ Петербургѣ, а еще говорятъ, что они въ немъ ужасно какъ мрутъ. Всѣ эти дѣти, какъ я замѣтилъ, большею частью всегда почти маленькія, перваго возраста, едва ходятъ или совсѣмъ еще не умѣютъ ходить; не потому ли и такъ мало дѣтей постарше, что не доживаютъ и умираютъ? Вотъ замѣчаю въ толпѣ одинокаго мастерового, но съ ребенкомъ, съ мальчикомъ, — одинокіе оба и видъ у нихъ у обоихъ такой одинокій. Мастеровому лѣтъ тридцать, испитое и нездоровое лицо. Онъ нарядился по-праздничному: нѣмецкій скрутукъ, истертый по швамъ, потертыя пуговицы и сильно засалившійся воротникъ скртука; панталоны „случайные“, изъ третьихъ рукъ съ толчучаго рынка, но все вычищено по возможности. Коленкоровая манишка и галстукъ, шляпа цилиндръ, очень смятая, бороду бреетъ. Должно-быть, гдѣ-нибудь въ слесарной или чѣмъ-нибудь въ типографіи. Выраженіе лица мрачно-угрюмое, задумчивое, жестокое, почти злое. Ребенка онъ держитъ за руку, и тотъ колыхается за нимъ, кое-какъ перекачиваясь. Это мальчикъ лѣтъ двухъ съ небольшимъ, очень слабенькій, очень блѣдненькій, но одѣтъ въ кафтанчикъ, въ сапожкахъ съ красной оторочкой и съ павлиньимъ перышкомъ на шляпѣ. Онъ усталъ; отецъ ему что-то сказалъ, можетъ быть, просто сказалъ, а вышло, что какъ будто прикрикнулъ. Мальчикъ притихъ. Но прошли еще шаговъ пять и отецъ нагнулся, бережно поднялъ ребенка, взялъ на руки и понесъ. Тотъ привычно и довѣрчиво прильнулъ къ нему, обхватилъ его за шею правой ручкой и съ дѣтскимъ удивленіемъ сталъ пристально смотрѣть на меня: „Чего, дескать, я иду за ними и такъ смотрю?“ Я кивнулъ было ему головой и улыбнулся, но онъ нахмурилъ бровки и еще крѣпче ухватился за отцовскую шею. Друзья, должно-быть, оба большіе.

Я люблю, бродя по улицамъ, присматриваться къ инымъ совсѣмъ незнакомымъ прохожимъ, изучать ихъ лица и угадывать: кто они, какъ живутъ, чѣмъ занимаются и что особенно ихъ въ эту минуту интересуеетъ. Про мастерового съ мальчикомъ мнѣ пришло тогда въ голову, что у него, всего только съ мѣсяцъ тому, умерла жена и

почему-то непремѣнно отъ чахотки. За сироткой-мальчикомъ (отецъ всю недѣлю работаетъ въ мастерской) пока присматриваетъ какая-нибудь старушонка въ подвальномъ этажѣ, гдѣ они нанимаютъ каморку, а, можетъ быть, всего только уголъ. Теперь же, въ воскресенье, вдовецъ съ сыномъ ходили куда-нибудь далеко на Выборгскую, къ какой-нибудь единственной оставшейся родственницѣ, всего вѣрнѣе къ сестрѣ покойницы, къ которой не очень-то часто ходили прежде и которая замужемъ за какимъ-нибудь унтеръ-офицеромъ съ нашивкой и живетъ непремѣнно въ какомъ-нибудь огромнѣйшемъ казенномъ домѣ и тоже въ подвальномъ этажѣ, но особнячкомъ. Та, можетъ-быть, повздыхала о покойницѣ, но не очень; вдовецъ, навѣрно, тоже не очень вздыхалъ во время визита, но все время былъ угрюмъ, говорилъ рѣдко и мало, непремѣнно свернулъ на какой-нибудь дѣловой, специальный пунктъ, но и о немъ скоро пересталъ говорить. Должно быть, поставили самоваръ, выпили въ прикуску чайку. Мальчикъ все время сидѣлъ на лавкѣ въ углу, хмурился и дичился, а подъ конецъ задремалъ. И тетка, и мужъ ея мало обращали на него вниманія, но молочка съ хлѣбцемъ, наконецъ-таки, дали, при чемъ хозяинъ унтеръ-офицеръ, до сихъ поръ не обращавшій на него никакого вниманія, что-нибудь сострилъ про ребенка въ видѣ ласки, но что-нибудь очень соленое и неудобное, и самъ (одинъ впрочемъ) тому разсмѣялся, а вдовецъ, напротивъ, именно въ эту минуту строго и неизвѣстно за что прикрикнулъ на мальчика, вслѣдствіе чего тому немедленно захотѣлось аа и тутъ отецъ уже безъ крику и съ серьезнымъ видомъ вынесъ его на минутку изъ комнаты... Простились такъ же угрюмо и чинно, какъ и разговоръ вели, съ соблюденіемъ всѣхъ вѣжливостей и приличій. Отецъ сгрѣбъ на руки мальчика и понесъ домой, съ Выборгской на Литейную. Завтра опять въ мастерскую, а мальчикъ къ старушонкѣ. И вотъ ходишь-ходишь и все такія пустыя картинки и придумываешь для своего развлечения. Никакого въ этомъ нѣтъ толку и „ничего поучительнаго нельзя извлечь“. Оттого и беретъ хандра по воскресеньямъ, въ каникулы, на пыльныхъ и угрюмыхъ петербургскихъ улицахъ. Чтò, не приходило вамъ въ голову, что въ Петербургѣ угрюмыя улицы? Мнѣ кажется, это самый угрюмый городъ, какой только можетъ быть на свѣтѣ!

Правда, и въ будни выносятъ дѣтей во множествѣ, но по воскресеньямъ къ вечеру ихъ является на улицахъ чуть не въдесятеро болѣе. Какія все испытія, какія блѣдныя, худосочныя, малокровныя и какія у нихъ угрюмыя личики, особенно у тѣхъ, которыя еще на рукахъ; а тѣ, которыя уже ходять—всѣ съ кривыми ножками и всѣ на ходу сильно колыхаются изъ стороны въ сторону. Почти всѣ, впрочемъ, тщательно приодѣты. Но, Боже мой, ребенокъ что цвѣтокъ, что листокъ завязавшійся весною на деревѣ; ему надо свѣту, воздуху, воли, свѣжей пищи, и вотъ, вмѣсто всего этого, душный подвалъ съ какимъ-нибудь кваснымъ или капустнымъ запахомъ, страшное зловоніе по ночамъ, нездоровая пища, тараканы и блохи, сырость, влага, текущая со стѣнъ, а на дворѣ—пыль, кирпичъ и известка.

Но они любятъ своихъ блѣдныхъ и худосочныхъ дѣтей. Вотъ маленькая, трехлѣтняя дѣвочка, хорошенькая и въ свѣжемъ платьицѣ, спѣшитъ къ матери, которая сидитъ у воротъ, въ большомъ обществѣ, сошедшемся со всего дома часокъ-другой поболтать. Мать болтаетъ, но глазомъ наблюдаетъ ребенка, играющаго отъ нея въ десяти шагахъ. Дѣвочка нагнулась что-то поднять, какой-то камешекъ, и неосторожно наступила на свой подолъ ножками, и вотъ никакъ выпрямиться не можетъ, раза два пробовала, упала и заплакала. Мать приподнялась было къ ней на помощь, но я поднялъ дѣвочку раньше. Она выпрямилась, быстро и любопытно на меня посмотрѣла, еще со слезинками на глазахъ, и вдругъ бросилась, немного въ испугѣ и въ дѣтскомъ смущеніи, къ матери. Я подошелъ и учтиво освѣдомился, сколько дѣвочкѣ лѣтъ; мать привѣтливо, но очень сдержанно мнѣ отвѣтила. Я сказалъ, что и у меня такая же дѣвочка; на это уже не послѣдовало отвѣта: „Можетъ, ты и хорошій человекъ“—молча глядѣла на меня мать—„да только что-жъ тебѣ тутъ стоять, проходилъ бы мимо“. Вся разговорившаяся публика тоже затихла и тоже какъ будто это же самое думала. Я притронулся къ шляпѣ и прошелъ мимо.

Вотъ другая дѣвочка на бойкомъ перекресткѣ отстала отъ матери, которая до сихъ поръ ее вела за руку. Правда, бабенка вдругъ увидала, шагахъ въ пятнадцати отъ себя, товарку, пришедшую ее навѣститъ, и надѣясь, что ребенокъ знаетъ дорогу, бросила его ручку и пустилась бѣгомъ встрѣчать гостью; но ребенокъ, оставшійся

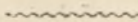
вдругъ одинъ, испугался и закричалъ, въ слезахъ догнавъ мать.

Съдой и совѣмъ незнакомый прохожій, мѣщанинъ съ бородой, вдругъ останавливаетъ на дорогѣ незнакомую ему бѣгущую женщину и схватываетъ ее за руку:

— Чего разбѣжалась! Вишь ребенокъ сзади кричитъ; такъ нельзя; испужаться можетъ.

Бабенка хотѣла что-то бойко ему возразить, но не возразила, одумалась; безо всякой досады и нетерпѣнія взяла на руки добѣжавшую къ ней дѣвочку и уже чинно пошла къ своей гостьѣ. Мѣщанинъ строго выждалъ до конца и направился своею дорогою.

Пустыя, самыя пустыя картинки, которыя даже совѣстно вносить въ дневникъ. Впредь постараюсь быть гораздо серьезнѣе.

XIV.

Учителю *).

За прошлыя мои три маленькія картинки (*Гражданинъ* № 29) московскій фельетонистъ обругалъ меня въ нашемъ петербургскомъ *Голосѣ* (№ 210),—кажется, изъ цѣломудрія, за то, что я, въ картинкѣ № 2, заговоривъ о сквернословномъ языкѣ нашего хмельного народа, упомянулъ, ужъ, конечно, не называя прямо, объ одномъ неприличномъ предметѣ... „Мнѣ и въ голову не могло придти, до чего можетъ дописаться фельетонистъ, когда у него нѣтъ подъ рукой подходящаго матеріала“, говоритъ обо мнѣ московскій мой обличитель. И такъ выходитъ, что я прибѣгнулъ къ неприличному предмету единственно для оживленія моего фельетона, для сока, для кайенскаго перду...

Вотъ это мнѣ грустно; а я-то даже думалъ, что заключать изъ моего фельетона именно противоположное, т. е. что изъ огромнаго матеріала я вывелъ мало. Я думалъ, что названіе спасетъ меня: маленькія картинки, а не большія, съ маленькихъ не такъ спросятъ. Я и набросалъ лишь нѣсколько грустныхъ мыслей о праздничномъ времяпрепровожденіи чернорабочаго петербургскаго люда. Скучность ихъ радостей, забавъ, скучность ихъ духовной жизни, подвалы, гдѣ возрастаютъ ихъ блѣдныя, золотушныя дѣти, скучная, вытянутая въ струнку широкая петербургская улица, какъ мѣсто ихъ прогулки, этотъ молодой мастеровой-вдовецъ съ ребенкомъ на рукахъ (картинка истинная)—все это мнѣ показалось матеріаломъ для фельетона достаточнымъ, такъ что, повторяю, можно было бы упрекнуть меня совершенно въ обратномъ смыслѣ,—т. е. что я мало изъ такого богатаго матеріала сдѣлалъ. Меня утѣшало, что я хоть намекнулъ на мой

*) № 32 „Гражданина“ 1873 года.

главный выводъ, т. е. что въ огромномъ большинствѣ народа нашего, даже и въ петербургскихъ подвалахъ, даже и при самой скудной духовной обстановкѣ, — есть все-таки стремленіе къ достоинству, къ нѣкоторой порядочности, къ истинному самоуваженію; сохраняется любовь къ семьѣ, къ дѣтямъ. Меня особенно поразило, что они такъ дѣйствительно и даже съ ижностью любятъ своихъ бодренныхъ дѣтей; я именно обрадовался мысли, что безпорядки и безчинства въ семейномъ быту народа, даже среди такой обстановки какъ въ Петербургѣ, все же пока исключенія, хотя, быть можетъ, и многочисленныя, и думалъ подѣлиться этимъ свѣжимъ впечатлѣніемъ съ читателями. Я какъ разъ прочелъ передъ тѣмъ въ одномъ фельетонѣ претокровенное призаніе одного, ужъ конечно, умнаго человѣка, по поводу вышедшей одной официальной характера книги, — именно: что заниматься вопросомъ о томъ: полезна или неполезна была народу реформа? — есть въ сущности вопросъ праздный; что если бы даже и не полезна она оказалась народу, то все равно, проваливайся все, а реформа должна была совершиться (и въ этомъ, пожалуй, много правды, на основаніи *regat mundus*, несмотря на постановку вопроса). И, наконецъ, что касается собственно до народа, до мужиковъ, то — признался фельетонистъ весьма явственно — „это вѣдь и правда, что собственно народъ нашъ не стоилъ реформы“ — „и что если мы до реформы, въ литературѣ и публицистикѣ, вѣнчали лаврами и розами, съ гг. Марко-Вовчкомъ и Григоровичемъ, мужиковъ, то вѣдь мы очень хорошо знаемъ, что вѣнчали только вшивыя головы... Но нужно было это тогда для подживленія дѣла“ и т. д., и т. д. Вотъ сущность мысли (изложеніе мое не буквальное), выраженной въ фельетонѣ съ такою откровенностію и уже безъ малѣйшей прежней церемоніи. Признаюсь, эта слишкомъ уже откровенная мысль, эта обнаженность ея, почти впервые обнаружившаяся съ такимъ удовольствіемъ, привела меня тогда въ прелюбопытное настроеніе духа, и, помню, я тогда заключилъ, что мы, ну, на примѣръ, въ *Гражданинѣ*, хоть и раздѣляемъ первую часть этой мысли, т. е. реформу, даже несмотря ни на какія послѣдствія, но все же не раздѣлимъ ни за что второй части этой роковой мысли и твердо увѣрены, что вшивыя головы все-таки были достойны реформы и даже совсѣмъ не ниже ея. Я думаю, подобное убѣжденіе мо-

жетъ составлять именно одну изъ характерныхъ сторонъ собственно нашего направленія; вотъ почему я объ этомъ теперь и упоминаю.

Что же касается до моего фельетона... А кстати, московскій фельетонистъ, мой собратъ по перу, неизвѣстно почему думаетъ, что я стыжусь названія фельетониста и увѣряетъ на французскомъ языкѣ, что я— „plus feuilletoniste que Jules Janin, plus catholique que le pape“. Этотъ французскій языкъ изъ Москвы, конечно, тутъ для того, чтобъ подумали, что авторъ хорошаго тона, но все-таки не понимаю, къ чему тутъ приписываемое мнѣ исповѣданіе католической религіи и къ чему понадобился тутъ бѣдный папа?—А что до меня, то я лишь выразился, что я не „петербургскій“ фельетонистъ, и хотѣлъ лишь этимъ сказать на всякій случай для будущаго, что въ моемъ „Дневникѣ“ не объ одной собственно петербургской жизни пишу и намѣренъ писать, а, стало-быть, и спрашивать съ меня слишкомъ подробныхъ отчетовъ о петербургской жизни, когда я заговорю о ней по необходимости, — нечего. Если же московскому моему учителю непременно хочется назвать мой „Дневникъ“ фельетономъ, то пусть; я этимъ очень доволенъ.

Московскій учитель мой увѣряетъ, что фельетонъ мой произвелъ фуроръ въ Москвѣ „въ рядахъ и въ Зарядѣ“, и называетъ его гостинодворскимъ фельетономъ. Очень радъ, что доставилъ такое удовольствіе читателямъ изъ этихъ мѣстъ нашей древней столицы. Но ядъ въ томъ, что будто я нарочно и билъ на эффектъ; за неимѣніемъ читателей высшихъ, искалъ читателей въ Зарядѣ, и съ этою цѣлью и заговорилъ „о немъ“, а, стало-быть, я -- „самый находчивый изъ всѣхъ фельетонистовъ“...

...«То-исъ ума не приберу — (пишетъ учитель, рассказывая объ эффектѣ моего фельетона въ Москвѣ) — ума не приберу, что это за диковинка така, какой спросъ на этого *Гражданина* вышелъ, удивлялся одинъ изъ газетныхъ разносчиковъ на мой вопросъ о спросѣ на *Гражданина*. Когда я объяснилъ ему въ чемъ дѣло, разносчикъ побѣжалъ къ Мекленбургу и Живареву — нашимъ оптовымъ торговцамъ газетами, чтобы взять оставшіеся номера; но ихъ и тамъ хватили: «все-то изъ рядовъ да изъ Зарядья спрашиваютъ»... Дѣло въ томъ, что до Гостиного двора дошло свѣдѣніе, что въ *Гражданинѣ* написана цѣлая статья *объ немъ*, и вотъ гостинодворцы, вмѣсто того, чтобы покупать *Развлеченіе*, кинулись на *Гражданина*»...

Да вѣдь это вовсе недурно, послушайте, это извѣстіе, и напрасно вы стыдите меня гостинодворскими читателями. Напротивъ, очень бы желалъ приобрѣсти ихъ распо-

ложение, ибо вовсе не такъ худо о нихъ думаю, какъ вы о нихъ думаете. Видите ли, покупали они, конечно, для смѣху и изъ того, что скандалъ вышелъ. На скандалъ всякій человѣкъ набрасывается, это уже свойство всякаго человѣка, преимущественно въ Россіи (вы, напримѣръ, вотъ набросились же); такъ что гостинодворцевъ за это, я думаю, нельзя презирать слишкомъ-то специально. Что же до забавы, до смѣху, — то есть разныя забавы и разный смѣхъ, даже въ самыхъ соблазнительныхъ случаяхъ. Учитель мой, впрочемъ, оговаривается; онъ прибавляетъ: „Я увѣренъ, что перомъ автора „картинки объ немъ“ руководили самыя добрыя намѣренія, когда онъ писалъ этотъ гостинодворскій фельетонъ“, — т. е. учитель дѣлаетъ мнѣ честь, допуская, что я не имѣлъ непосредственною и главною цѣлью, упоминая о немъ, развратить народъ. Благодаримъ хоть за это; такъ какъ авторъ пишетъ въ *Голосъ*, то великодушная оговорка эта, пожалуй, и не лишняя, ибо знаю по опыту, что Андрею Александровичу ничего не стоитъ обвинить меня въ чемъ угодно, даже въ развратительныхъ цѣляхъ противъ народа и общества русскаго. (Обвинялъ же меня въ крѣпостничествѣ). Андрей Александровичъ сказался тоже подъ вашимъ перомъ и въ удивительной обратной догадкѣ: „и если подобныя „картинки“ ваши ничего не сдѣлаютъ для исправленія гулякъ изъ рабочаго люда“... говорите вы. Такая догадка какъ разъ изъ головы Андрея Александровича! Вѣдь придетъ же въ голову, что я писалъ, имѣя непосредственною и ближайшею цѣлью исправить (отъ сквернословія) нашъ ругающійся рабочій народъ! Да вѣдь они не только про насъ съ вами, но даже и про Андрея-то Александровича никогда не слыхивали — эти изъ рабочаго-то люда, которыхъ я описывалъ въ моемъ фельетонѣ!

Нѣтъ, я писалъ съ другимъ направленіемъ — о семь „существительномъ“, „при дамахъ къ произнесенію неудобномъ“, „а между пьяными наиболѣе употребительномъ“ — и настаиваю, что имѣлъ довольно серьезную и извинительную цѣль и это вамъ докажу. Мысль моя была доказать — цѣломудренность народа русскаго, указать, что народъ нашъ, въ пьяномъ видѣ (ибо въ трезвомъ сквернословятъ несравненно рѣже), если и сквернословить, то дѣлаетъ это не изъ любви къ сверному слову, не изъ удовольствія сквернословить, а просто по гадкой привычкѣ, перешедшей чуть не въ необходимость, такъ что даже

самыя далекія отъ сквернословія мысли и ощущенія выражаетъ въ сквернословныхъ же словахъ. Я указывалъ дальше, что главную причину этой сквернословной привычки искать надо въ пьянствѣ. Про догадку мою о потребности, въ пьяномъ видѣ, когда туго ворочается языкъ и между тѣмъ сильно желаніе говорить — прибѣгать къ словамъ краткимъ, условнымъ и выразительнымъ — про эту догадку мою можете думать что угодно; но что народъ нашъ цѣломудренъ, даже и сквернослови, — на это стоило указать. Я даже имѣю дерзость утверждать, что эстетически и умственно развитые слои нашего общества несравненно развратнѣе, въ этомъ смыслѣ, нашего грубаго и столь неразвитаго простаго народа. Въ мужскихъ обществахъ, даже самаго высшаго круга, случается иногда, послѣ ужина иной разъ даже между сѣдыми и звѣздоносными старичками, когда уже переговариваютъ о всѣхъ важныхъ и даже иногда государственныхъ матеріяхъ — перейти мало-по-малу на эстетически-каскадные темы. Эти каскадные темы быстро, въ свою очередь, переходятъ въ такой развратъ, въ такое сквернословіе, въ такое скверномысліе, что никогда воображенію народному даже и не представить себѣ ничего подобнаго. Это случается ужасно часто, между всѣми отбѣнками этого столь возвышеннаго надъ народомъ круга людей. Мужи, извѣстные самыми идеальными добродѣтелями, даже богомольцы, даже самыя романическіе поэты съ жадностью участвуютъ въ сихъ разговорахъ. Тутъ всего важнѣе именно то, что иные изъ сихъ мужей — почтенны безспорно и дѣлаютъ много и хорошихъ поступковъ. Нравится имъ именно пакость и утонченность пакости, не столько скверное слово, сколько идея, въ немъ заключающаяся; нравится низость паденія, нравится именно вонь, словно лимбургскій сыръ (неизвѣстный народу) утонченному гастроному; тутъ именно потребность размазать и понюхать, и унитись запахомъ. Они смѣются, они объ этой пакости, конечно, говорятъ свысока, но видно, что она имъ нравится и что безъ нея они уже обойтись не могутъ, хоть на словахъ. Совсѣмъ иной смѣхъ у народа, хотя бы даже и на эти темы. Я увѣренъ, что у насъ въ Зарядьѣ смѣялись не для пакости, не изъ любви къ нему и къ искусству, а смѣхомъ въ высшей степени простодушнымъ, не развратнымъ, здоровымъ, хотя и грубоватымъ, — совсѣмъ не такимъ, какимъ смѣются иные размазыватели въ нашемъ обществѣ

или въ нашей литературѣ. Народъ сквернословить зря, и часто не объ томъ совѣмъ говоря. Народъ нашъ не развратенъ, а *очень даже цѣломудренъ*, несмотря на то, что это безспорно самый сквернословный народъ въ цѣломъ мѣрѣ,—и объ этой противоположности, право, стоитъ хоть немножко подумать.

Московскій учитель мой оканчиваетъ обо мнѣ въ своемъ фельетонѣ съ чрезмѣрною, почти сатанинскою гордостью.

„И воспользуюсь примѣромъ почтеннаго коллеги (т.-е. моимъ), говорить онъ, — когда мнѣ случится писать фельетонъ, а матерьяла никакого не будетъ, и постараюсь тогда заняться тоже „картинками“, — (какое презрѣнье!) — но въ данный моментъ мнѣ пѣтъ надобности пользоваться преподаннымъ мнѣ примѣромъ—(т.-е. у умнаго человѣка и безъ „исю“ всегда много мыслей),— потому что хоть у насъ въ Москвѣ тоже „жаръ и пыль“, „пыль и жаръ“ — (начальные слова моего фельетона— для того чтобъ еще разъ устыдить меня) — но изъ этой пыли — (а-а! вотъ гуть-то теперь и поидеть, вотъ онъ покажетъ намъ сейчасъ, что можетъ умная московская фельетонная голова вывести даже изъ „этой пыли“— сравительно съ петербургскими), но изъ этой пыли и изъ-подъ этого жара — (это что же такое „изъ-подъ жара!“) можно, при извѣстной внимательности, усмотрѣть — (слушайте! слушайте!)— „что жизненный пульсъ нашей бѣлокаменной, значительно слабѣющей лѣтомъ, начинаетъ, такъ сказать, оживляться съ тѣмъ, чтобы, оживляясь все болѣе и болѣе, достигнуть въ зимніе мѣсяцы той интенсивности, дальше которой уже не можетъ идти пульсъ московской жизни“.

Вотъ такъ мысль! Вотъ оно какъ въ Москвѣ-то! А мнѣ-то, мнѣ-то какой урокъ! А знаете что, учитель? Мнѣ-то вотъ и кажется, что вы нарочно подхватили у меня о *немъ*, именно чтобъ сдѣлать и вашъ фельетонъ занимательнѣе (а то что интенсивность-то!), можетъ быть, даже позавидовали моему успѣху въ Зарядьѣ! Это очень и очень можетъ быть. Не стали бы вы такъ копаться и размазывать и столько разъ помянать объ этомъ; мало того что поминали и размазывали, даже нюхали...

...„все же мы доросли до того, по крайней мѣрѣ, чтобъ разнюхать, когда намъ подносятъ что-нибудь уже очень бьющее въ носъ, и умѣемъ цѣнить это, помню намѣреній автора“...

Ну, такъ чѣмъ же пахнетъ?

XV.

Нѣчто о враньѣ *).

Отчего у насъ всѣ лгутъ, всѣ до одинаго? Я убѣжденъ, что тотчасъ же остановятъ меня и закричатъ: „Э, вздоръ, совсѣмъ не всѣ. У васъ темы нѣтъ, вотъ вы и выдумываете, чтобъ начать поэффектнѣе“. Безземностью меня ужъ попрекали; но въ томъ и дѣло, что я дѣйствительно въ этой поголовности нашего лганья теперь убѣжденъ. Пятьдесятъ лѣтъ живешь съ идеею, видишь и осязаешь ее, и вдругъ она предстанетъ въ такомъ видѣ, что, какъ будто, совсѣмъ и не зналъ ея до сихъ поръ. Съ недавняго времени меня вдругъ осѣнила мысль, что у насъ въ Россіи, въ классахъ интеллигентныхъ, даже совсѣмъ и не можетъ быть не лгущаго человѣка. Это именно потому, что у насъ могутъ лгать даже совершенно честные люди. Я убѣжденъ, что въ другихъ націяхъ, въ огромномъ большинствѣ, лгутъ только одни негодяи; лгутъ изъ практической выгоды, т. е. прямо съ преступными цѣлями. Ну, а у насъ могутъ лгать совершенно даромъ самыя почтенные люди и съ самыми почтенными цѣлями. У насъ, въ огромномъ большинствѣ, лгутъ изъ гостепріимства. Хочется произвести эстетическое впечатлѣніе въ слушатель, доставить удовольствіе, ну и лгутъ, даже, такъ сказать, жертвуя собою слушателю. Пусть припомнитъ кто угодно — не случилось ли ему разъ двадцать прибавить, напримѣръ, число верстъ, которое проскакали въ часъ времени везшія его тогда-то лошади, если только это нужно было для усиленія радостнаго впечатлѣнія въ слушатель. И не обрадовался ли дѣйствительно слу-

*) № 35 „Гражданинъ“ 1878 г.

шатель до того, что тотчасъ же сталъ увѣрять васъ объ одной знакомой ему тройкѣ, которая на пари обогнала желѣзную дорогу, и т. д., и т. д. Ну, а охотничьи собаки, или о томъ, какъ вамъ въ Парижѣ вставляли зубы, или о томъ, какъ васъ вылѣчилъ здѣсь Боткинъ? Не рассказывали ли вы о своей болѣзни такихъ чудесъ, что хотя, конечно, и повѣрили сами себѣ съ половины рассказа (ибо съ половины рассказа всегда самъ себѣ начинаешь вѣрить), но однако, ложась на ночь спать и съ удовольствіемъ вспоминая, какъ пріятно пораженъ былъ вашъ слушатель, вы вдругъ остановились и невольно проговорили: „Э, какъ я вралъ!“ Впрочемъ, примѣръ этотъ слабъ, ибо нѣтъ пріятнѣе какъ говорить о своей болѣзни, если только найдется слушатель; а заговорить, такъ ужъ невозможно не лгать; это даже лѣчитъ больного. Но, возвратясь изъ-за границы, не рассказывали ли вы о тысячѣ вещей, которыя видѣли „своими глазами“... впрочемъ и этотъ примѣръ я беру назадъ: не прибавлять объ „заграничѣ“ возвратившемуся оттуда русскому человѣку нельзя; иначе не зачѣмъ было бы туда ѣздить. Но, напримѣръ, естественныя науки! Не толковали ли вы о естественныхъ наукахъ, или о банкротствахъ и бѣгствахъ разныхъ петербургскихъ и другихъ жидовъ за границу, ровно ничего не смысли въ этихъ жидкахъ и не зная, въ зубъ толкнуть, о естественныхъ наукахъ? Позвольте, — не передавали ли вы анекдота, будто бы съ вами случившагося, тому же самому лицу, которое вамъ же его про себя и рассказывало? Неужели вы позабыли, какъ, съ половины рассказа, вдругъ припомнили и объ этомъ догадались, что ясно подтвердилось и въ страдающемъ взглядѣ вашего слушателя, упорно на васъ устремленномъ (ибо въ такихъ случаяхъ почему-то съ удесятереннымъ упорствомъ смотрятъ другъ другу въ глаза); помните, какъ, несмотря ни на что, и уже лишившись всего вашего юмора, вы все-таки съ мужествомъ, достойнымъ великой цѣли, продолжали лепетать вашу повѣсть и, кончивъ поскорѣе съ нервно-уторопленными учтивостями, пожатіемъ рукъ и улыбками, разбѣжались въ разныя стороны, такъ что когда васъ вдругъ дернуло ни съ того, ни съ сего въ порывѣ послѣдней конвульсии крикнуть уже на лѣстницу, сбѣгавшему по ней вашему слушателю, вопросъ о здоровьи его тетюшки, то онъ не обернулся и не отвѣтилъ тогда о тетюшкѣ, — что и осталось въ воспомина-

нiяхъ вашихъ мучительнѣе всего изъ всего этого съ вами случившагося анекдота. Однимъ словомъ, если кто на все это мнѣ отвѣтитъ: *нѣтъ*, т. е. что онъ не передавалъ анекдотовъ, не трогалъ Боткина, не лгалъ объ жидакъ, не кричалъ съ лѣстницы о здоровьи тетушки и что ничего подобнаго съ нимъ никогда не случилось, — то я просто этому не повѣрю. Я знаю, что русскiй лгунъ сплошь да рядомъ лжетъ совсѣмъ для себя непримѣтно, такъ что просто можно было совсѣмъ не примѣтить. Вѣдь что случается: чуть только солжетъ человекъ и удачно, то такъ слюбится, что и включаетъ анекдотъ въ число несомнѣнныхъ фактовъ своей собственной жизни, и дѣйствуетъ совершенно совѣстливо, потому что самъ вполне тому вѣритъ; да и неестественно было бы иногда не повѣрить.

„Э, вздоръ!“ скажутъ мнѣ опять, — „лганье невинное, пустяки, ничего мирового“. Пусть. Я самъ соглашусь, что все очень невинно и намекаетъ лишь на благородныя свойства характера, на чувства благодарности, напримѣръ. Потому что если васъ слушали, когда вы лгали, то нельзя же не дать повратъ и слушателю, хотя бы изъ одной благодарности.

Деликатная взаимность вранья есть почти первое условiе русскаго общества — всѣхъ русскiхъ собранiй, вечеровъ, клубовъ, ученыхъ обществъ и проч. Въ самомъ дѣлѣ, только правдивая тупица такая-нибудь вступается въ такихъ случаяхъ за правду и начинаетъ вдругъ сомнѣваться въ числѣ проскаканныхъ вами верствъ, или въ чудесахъ, сдѣланныхъ съ вами Боткинымъ. Но это лишь безсердечные и гемороидалные люди, которые сами же и немедленно несутъ за то наказанiе, удивляясь потомъ, отчего оно ихъ постигло? Люди бездарные. Тѣмъ не менѣе, все это лганье, несмотря на всю невинность свою, намекаетъ на чрезвычайно важныя основныя наши черты до того, что ужъ тутъ почти начинаешь выступать мировое. Напримѣръ, 1) на то, что мы, русскiе, прежде всего боимся истины, т. е. и не боимся, если хотите, а постоянно считаемъ истину чѣмъ-то слишкомъ ужъ для насъ скучнымъ и прозаичнымъ, недостаточно поэтичнымъ, слишкомъ обыкновеннымъ, и тѣмъ самымъ, избѣгая ея постоянно, сдѣлали ее, наконецъ, одною изъ самыхъ необыкновенныхъ и рѣдкихъ вещей въ нашемъ русскомъ мирѣ (я не про газету говорю). Такимъ образомъ, у насъ

совершенно утратилась аксіома: что истина — поэтичнѣ всего что есть на свѣтѣ, особенно въ самомъ чистомъ своемъ состояніи; мало того, даже фантастичнѣ всего, что могъ бы нагнать и напредставить себѣ повадливый умъ человѣческій. Въ Россіи истина почти всегда имѣетъ характеръ вполне фантастическій. Въ самомъ дѣлѣ, люди сдѣлали, наконецъ, то, что все, что валжетъ и перелжетъ себѣ умъ человѣческій, имъ уже гораздо понятнѣе истины, и это сплошь на всемъ свѣтѣ. Истина лежитъ передъ людьми по стулѣтъ на столѣ и ее они не берутъ, а гоняются за придуманнымъ, именно потому, что ее-то и считаютъ фантастичнымъ и утопическимъ.

Второе, на что наше всеобщее русское лганье намекаетъ, это то, что мы все стыдимся самихъ себя. Дѣйствительно, всякій изъ насъ явиться въ себѣ чуть ли не прирожденный стыдъ за себя и за свое собственное лицо и, чуть въ обществѣ, все русскіе люди тотчасъ же стараются поскорѣе и во что бы ни стало, каждый показаться непременно чѣмъ-то другимъ, но только не тѣмъ, чѣмъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, каждый спѣшитъ принять совсѣмъ другое лицо.

Еще Герценъ сказалъ про русскихъ за границей, что они никакъ не умѣютъ держать себя въ публикѣ: говорить громко, когда все молчатъ, и не умѣютъ слова сказать прилично и натурально, когда надобно говорить. И это истина: сейчасъ же вывертъ, ложь, мучительная конвульсія; сейчасъ же потребность устыдиться всего, что есть въ самомъ дѣлѣ, спрятать и прибрать свое данное Богомъ русскому человѣку лицо и явиться другимъ, какъ можно болѣе чужимъ и нерусскимъ лицомъ. Все это изъ самаго полного внутренняго убѣжденія, что собственное лицо у каждаго русскаго — непременно ничтожное и комическое до стыда лицо; а что если онъ возьметъ французское лицо, англійское, однимъ словомъ не свое лицо, то выйдетъ нѣчто гораздо почтеннѣе, и что подъ этимъ видомъ его никакъ не узнаютъ. Отмѣчу при этомъ нѣчто весьма характерное: весь этотъ дрянной стыдишка за себя и все это подлое самоотрицаніе себя — въ большинствѣ случаевъ безсознательны; это нѣчто конвульсивное и непреодолимое; но, въ сознаниі, русскіе, — хотя бы и самыя полныя самоотрицатели изъ нихъ, — все-таки съ ничтожностію своею не такъ скоро соглашаются въ такомъ случаѣ и непременно требуютъ уваженія: „Я вѣдь совсѣмъ какъ

англичанинъ, разсуждаетъ русскій,—стало быть, надо уважать и меня, потому что всѣхъ англичанъ уважаютъ“. Двѣсти лѣтъ выработывался этотъ главный типъ нашего общества подъ непремѣннымъ, еще двѣсти лѣтъ тому указаннымъ принципомъ: „ни за что и никогда не быть самимъ собою, взять другое лицо, а свое навсегда оплевать, всегда стыдиться себя и никогда не походить на себя“—и результаты вышли самые полные. Нѣтъ ни нѣмца, ни француза, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ такого англичанина, который, садясь съ другими, стыдился бы своего лица, если по совѣсти увѣренъ, что ничего не сдѣлалъ дурного. Русскій очень хорошо знаетъ, что нѣтъ такого англичанина; а воспитанный русскій знаетъ и то, что не стыдиться своего лица, даже гдѣ бы то ни было, есть именно самый главный и существенный пунктъ собственного достоинства. Вотъ почему опъ и хочетъ казаться поскорѣе французомъ или англичаниномъ, именно затѣмъ, чтобъ и его приняли поскорѣе за такого же, который ни гдѣ и никогда не стыдится своего лица.

„Невинности, старина, говорено уже тысячу разъ“, скажутъ опять. Пусть, но вотъ уже нѣчто похарактернѣе. Есть пунктъ, въ которомъ всякій русскій человѣкъ разряда интеллигентнаго, являясь въ общество или въ публику, ужасно требователенъ и ни за что уступить не можетъ. (Другое дѣло—у себя дома и самъ про себя). Пунктъ этотъ — умъ, желанье показаться умнѣе, чѣмъ есть, и — замѣчательно это — отнюдь не желаніе показаться умнѣе всѣхъ или даже какого бы то ни было, а только лишь *не глупѣе никого*. „Признай, дескать, меня, что я не глупѣе никого, и я тебя признаю, что и ты не глупѣй никого“. Опять-таки тутъ нѣчто въ родѣ взаимной благодарности. Передъ авторитетомъ европейскимъ, наиримѣрь, русскій человѣкъ, какъ извѣстно, со счастьемъ и поспѣшностью преклоняется, даже не позволяя себѣ анализа; даже особенно не любитъ анализа въ такихъ случаяхъ. О, другое дѣло, если геніальное лицо сойдетъ съ пьедестала или даже просто выйдетъ изъ моды: тогда нѣтъ строже русской интеллигенціи къ такому лицу, нѣтъ предѣла ея высокомѣрью, презрѣнію, насмѣшкѣ. Мы пренаивно удивляемся потомъ, если вдругъ какъ-нибудь узнаемъ, что въ Европѣ все еще продолжаютъ смотрѣть на сошедшее у нихъ съ пьедестала лицо съ уваженіемъ и

цѣнить его по достоинству. Но зато тотъ же самый русскій человѣкъ, хотя бы и преклонился предъ гениемъ въ модѣ даже и безъ анализа, все-таки ни за что и никогда не признаетъ себя глупѣе этого гения, предъ которымъ самъ сейчасъ преклонился, будь онъ разевропейскій. „Ну, Гёте, ну, Либихъ, ну, Бисмаркъ, ну, положимъ... а все-таки и я тоже“, — представляется каждому русскому непремѣнно, даже изъ самыхъ плюгавенькихъ, если только дойдетъ до того. И не то, что представляется, ибо сознанія тутъ почти никакого, а только какъ-то его всего дергаетъ въ этомъ смыслѣ. Это какое-то безпрерывное ощущеніе празднаго и шатающагося по свѣту самолюбія, ничѣмъ не оправданнаго. Однимъ словомъ, до такого, можетъ быть, самага высшаго проявленія человѣческаго достоинства, т. е. признать себя глупѣе другого, когда другой, дѣйствительно, умѣе его — русскій человѣкъ высшихъ классовъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ дойти, и даже я не знаю, могутъ ли быть исключенія. Пусть не очень-то смѣются надъ моимъ „парадоксомъ“. Соперникъ Либиха, можетъ быть, и въ гимназій не окончилъ курса и ужъ, конечно, съ Либихомъ не свяжется спорить о первенствѣ, когда ему скажутъ и укажутъ, это вотъ Либихъ. Онъ промолчитъ, — но все-таки его будетъ дергать, даже при Либихѣ... Другое дѣло, если бъ, напримѣръ, онъ встрѣтился съ Либихомъ, не зная, что это вотъ Либихъ, хоть въ вагонѣ желѣзной дороги. И если бъ только завязался разговоръ о химіи и нашему господину удалось бы къ разговору примазаться, то, сомнѣнія нѣтъ, онъ могъ бы выдержать самый полный ученый споръ, зная изъ химіи всего только одно слово: химія. Онъ удивилъ бы, конечно, Либиха, но кто знаетъ — въ глазахъ слушателей остался бы, можетъ быть, побѣдителемъ. Ибо въ русскомъ человѣкѣ дерзости его ученаго языка — почти нѣтъ предѣловъ. Тутъ именно происходитъ феноменъ, существующій только въ русской интеллигентныхъ классовъ душѣ: не только нѣтъ въ душѣ этой, *лишь только она почувствуетъ себя въ публикѣ*, сомнѣнія въ умѣ своемъ, но даже въ самой полной учености, если только дѣло дойдетъ до учености. Про умъ еще можно поиятъ; но про ученость свою, казалось бы, каждый долженъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія...

Конечно, все это только въ публикѣ, когда кругомъ чужіе. Дома же про себя... Ну, дома про себя ни одинъ

русскій человѣкъ объ образованіи и учености своей не заботится, даже и вопроса о томъ никогда не ставитъ... Если же поставитъ, то, вѣрнѣе всего, что и дома рѣшить его въ свою пользу, хотя бы и имѣлъ самыя полныя свѣдѣнія о учености.

Мнѣ самому случилось выслушать недавно, сидя въ вагонѣ, цѣлый трактатъ о классическихъ языкахъ, въ продолженіе двухъ часовъ дороги. Говорилъ одинъ, а всѣ слушали. Это былъ никому изъ пассажировъ незнакомый господинъ, осанистый, зрѣлыхъ лѣтъ, сдержаннаго и барскаго вида, вѣско и неторопливо выпускавшій слова. Онъ всѣхъ заинтересовалъ. Очевидно было съ самыхъ первыхъ словъ его, что онъ не только въ первый разъ говорилъ, но даже, можетъ быть, въ первый разъ и думалъ объ этой темѣ, такъ что это была лишь блестящая импровизація. Онъ вполне отрицалъ классическое образованіе и введеніе его у насъ называлъ „историческимъ и роковымъ дурачествомъ“ — впрочемъ, это было единственное рѣзкое слово, которое онъ себѣ позволилъ; тонъ его взятъ былъ слишкомъ высоко и не позволялъ ему горячиться, изъ одного ужъ презрѣнія къ факту. Основанія, на которыхъ стоялъ онъ, были самыя первоначальныя, приличныя развѣ лишь тринадцатилѣтнему школьнику, почти тѣ же самыя, на которыхъ еще до сихъ поръ стоятъ иныя изъ нашихъ газетъ, воюющія съ классическими языками, на примѣръ, такъ какъ всѣ латинскія сочиненія переведены, то и не надо латинскаго языка, и проч., и проч.—въ этомъ родѣ. Въ нашемъ вагонѣ онъ произвелъ чрезвычайный эффектъ; многіе, разставаясь съ нимъ, благодарили его за доставленное удовольствіе, особенно дамы. Я убѣжденъ, что онъ ушелъ чрезвычайно уважая себя.

Теперь у насъ въ публикѣ (въ вагонахъ ли, въ другомъ ли мѣстѣ), разговоры сильно измѣнились противъ прежнихъ, старыхъ лѣтъ; теперь жаждаютъ слушать, жаждутъ учителей—на всѣ общественныя и соціальныя темы. Правда, разговоры въ публикѣ у насъ ужасно туго завязываются; всѣхъ сначала долго коробить, пока рѣшатся заговорить, ну, а заговорятъ — въ такой паеосъ иной разъ войдутъ, что почти надо за руки держать. Разговоры же болѣе сдержанные и солидные и, такъ сказать, болѣе высшіе и уединенные, вертятся преимущественно на темахъ биржевыхъ или правительственныхъ, но съ секретной, изначоной точки зрѣнія, съ познаниемъ выс-

шихъ тайнъ и причинъ, обыкновенной публикѣ неизвѣстныхъ. Обыкновенная публика слушаетъ смиренно и почтительно, а говорунъ выигрываетъ въ своей осанкѣ. Разумѣется, изъ нихъ мало кто вѣритъ одинъ другому, но разстаются они почти всегда одинъ другимъ совершенно довольные и другъ другу даже нѣсколько благодарные. Задача проѣхать пріятно и весело по желѣзной нашей дорогѣ заключается въ умѣннн давать вратъ другимъ и какъ можно болѣе вѣритъ; тогда и вамъ дадутъ тоже съ эффектомъ прилгнуть, если и сами вы соблазнитесь; стало быть, взаимная выгода. Но, какъ я сказалъ уже, есть и общія, живогрепещущія, насущныя темы разговоровъ, въ которыя ввязывается уже вся публика, и это не затѣмъ однимъ, чтобы пріятно время провести: повторяю, жаждутъ научиться, разяснить себѣ современныя затрудненія, ищутъ, жаждутъ учителей, и, особенно, женщины, особенно, матери семействъ. Замѣчательно то, что при всей этой чрезвычайно любопытной и далеко намекающей жаждѣ общественныхъ совѣтниковъ и руководителей, при всемъ этомъ благородномъ стремленіи,—удовлетворяются слишкомъ легко, самымъ иногда неожиданнымъ образомъ, вѣрятъ всему, подготовлены и вооружены весьма слабо,—гораздо слабѣе, чѣмъ могла бы представить вамъ самая яркая ваша фантазія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда о нашемъ русскомъ обществѣ труднѣе было сдѣлать точное заключеніе, сравнительно съ теперешнимъ временемъ, когда уже имѣется болѣе фактовъ и свѣдѣній. Положительно можно сказать, что всякій говорунъ, съ нѣсколькими порядочными манерами (къ порядочнымъ манерамъ наша публика, увы, до сихъ поръ еще чувствуетъ предразсудочную слабость, несмотря на все болѣе и болѣе разливающееся изъ фельетоновъ образованіе)—можетъ одержать верхъ и увѣритъ слушателей своихъ въ чемъ угодно, получить благодарность и уйти глубоко уважая себя. Разумѣется, при несомнѣнномъ условіи быть либеральнымъ,—объ этомъ уже нечего и упоминать. Въ другой разъ мнѣ, тоже въ вагонѣ и тоже недавно, случилось выслушать цѣлый трактатъ объ атеизмѣ. Ораторъ, свѣтскаго и инженернаго вида господинъ, вида, впрочемъ, угрюмаго, но съ болѣзненной жаждой слушателя, началъ съ монастырей. Въ монастырскомъ вопросѣ онъ не зналъ самаго перваго слова: онъ принималъ существованіе монастырей за нѣчто неотъемлемое отъ догматовъ вѣры, воображалъ, что

монастыри содержатся отъ государства и дорого стоятъ казнь и, забывая, что монахи совершенно свободная ассоціація лицъ, какъ и всякая другая, требоваль, во имя либерализма, ихъ уничтоженія, какъ какую-то тираннію. Онъ кончилъ совершеннымъ и безбрежнымъ атеизмомъ на основаніи естественныхъ наукъ и математики. Онъ ужасно часто повторялъ о естественныхъ наукахъ и математикѣ, не приведя, впрочемъ, ни одного факта изъ этихъ наукъ въ продолженіе всей своей диссертациі. Говорилъ, опять-таки, онъ одинъ, а прочіе только слушали: „Я научу сына моего быть честнымъ человѣкомъ и вотъ и все“ — порѣшилъ онъ въ заключеніе, въ полной и очевидной увѣренности, что добрая дѣла, нравственность и честность есть нѣчто данное и абсолютное, ни отъ чего не зависящее и которое можно всегда найти въ своемъ карманѣ, когда понадобится, безъ трудовъ, сомнѣній и недоумѣній. Этотъ господинъ имѣлъ тоже необыкновенный успѣхъ. Тутъ были офицеры, старцы, дамы и взрослые дѣти. Его горячо благодарили, разставаясь, за доставленное удовольствіе, при чемъ одна дама, мать семейства, щеголевато одѣтая и очень недурная собою, громко и съ милымъ хихиканіемъ объявила, что она теперь совершенно убѣждена, что въ душѣ ея „одинъ только паръ“. Этотъ господинъ тоже, должно быть, ушелъ съ необыкновеннымъ чувствомъ уваженія къ себѣ.

Вотъ это-то уваженіе къ себѣ и сбиваетъ меня съ толку. Что есть дураки и болтуны, — конечно, тому нечего удивляться; но господинъ этотъ, очевидно, былъ не дуракъ. Навѣрно тоже не негодяй, не мошенникъ; даже очень можетъ быть, что честный человѣкъ и хорошій отецъ. Онъ только ровно ничего не понималъ въ тѣхъ вопросахъ, которые взялся разрѣшить. Неужто ему не придеть въ голову черезъ часъ, черезъ день, черезъ мѣсяцъ: „Другъ мой, Иванъ Васильевичъ (или тамъ кто бы ни было),—вотъ ты спорилъ, а вѣдь ты ровно ничего не понимаешь въ томъ, объ чемъ траговалъ. Вѣдь ты это лучше всѣхъ знаешь. Ты вотъ ссылался на естественныя науки и математику, — а вѣдь тебѣ лучше всѣхъ извѣстно, что ты свою скудную математику, изъ твоей спеціальной школы, давно забылъ, да и тамъ-то не твердо зналъ, а въ естественныхъ наукахъ никогда не имѣлъ никакого понятія. Какъ же ты говорилъ? Какъ же ты училъ? Вѣдь ты же понимаешь, что только вралъ, а меж-

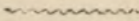
ду тѣмъ до сихъ поръ гордишься собою; и не стыдно это тебѣ?”

Я убѣжденъ, что онъ могъ задать себѣ всѣ эти вопросы, несмотря на то, что, можетъ быть, занять „дѣломъ“ и нѣтъ у него времени на праздные вопросы. Я даже несомнѣнно убѣжденъ, что они, хоть вскользь, а побывали въ его головѣ. Но ему не было стыдно, ему не было совѣстно! Вотъ эта-то извѣстнаго рода безсовѣстность русскаго интеллигентнаго человѣка—рѣшительный для меня феноменъ. Чтò въ томъ, что она у насъ такъ сплошь да рядомъ обыкновенна и всѣ къ ней привыкли и приглядѣлись; она все-таки остается фактомъ удивительнымъ и чудеснымъ. Она свидѣтельствуетъ о такомъ равнодушіи къ суду надъ собой своей собственной совѣсти, или, чтò то же самое, о такомъ необыкновенномъ собственномъ неуваженіи къ себѣ, что приходишь въ отчаяніе и потеряешь всякую надежду на что-нибудь самостоятельное и спасительное для націи, даже въ будущемъ, отъ такихъ людей и такого общества. Публика, т.-е. внѣшность, европейскій обликъ, разъ навсегда данный изъ Европы законъ—эта публика производитъ на всякаго русскаго человѣка дѣйствіе подавляющее; въ публикѣ онъ европеецъ, гражданинъ, рыцарь, республиканецъ, съ совѣстью и съ своимъ собственнымъ, твердо установленнымъ, мнѣніемъ. Дома, про себя,—„Э, чортъ ли въ мнѣніяхъ, да хошь бы высѣкли!“ Поручикъ Пироговъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ высѣченный въ Большой Мѣщанской слесаремъ Шиллеромъ, — былъ страшнымъ пророчествомъ, пророчествомъ генія, такъ ужасно угадавшаго будущее,—ибо Пироговыхъ оказалось безмѣрно много, такъ много, что и не пересѣчь! Вспомните, что поручикъ, сейчасъ же послѣ приключенія, сѣлъ слоеный пирожокъ и отличился въ тотъ же вечеръ въ мазуркѣ, на именинахъ у одного виднаго чиновника. Какъ вы думаете: когда онъ откалывалъ мазурку и вывертывалъ, дѣлая па, свои столь недавно оскорбленные члены,—думалъ ли онъ, что его всего только часа два какъ высѣкли? Безъ сомнѣнія, думалъ. А было ли ему стыдно? Безъ сомнѣнія, нѣтъ! Проснувшись на другой день поутру, онъ навѣрно сказалъ себѣ: „Э, чортъ, стоитъ ли начинать, коли никто не узнаеть!..“ Это „стоитъ ли начинать“, конечно, съ одной стороны намекаетъ на такую способность уживчивости со всѣмъ, чтѣмъ угодно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на такую широту нашей русской

природы—что предъ этими качествами блѣднѣеть и гаснетъ даже все безграничное. Двухсотлѣтняя отвычка отъ малѣйшей самостоятельности характера и двухсотлѣтніе плевки на свое русское лицо, раздвинули русскую совѣсть до такой роковой безбрежности, отъ которой... ну, чего можно ожидать, какъ вы думаете?

Я убѣжденъ, что поручикъ въ состояніи былъ дойти до такихъ столповъ, или до такой безбрежности, что, можетъ быть, въ тотъ же вечеръ, своей дамѣ въ мазуркѣ, старшей дочери хозяина, объяснился въ любви и сдѣлалъ формальное предложеніе. Безконечно-трагиченъ образъ этой барышни, порхающей съ этимъ молодцомъ въ очаровательномъ танцѣ и не знающей, что ея кавалера всего только часъ какъ высѣкли и что это ему совсѣмъ ничего. Ну, а какъ вы думаете, если бъ она узнала, а предложеніе все-таки было бы сдѣлано—вышла бы она за него (разумѣется, подъ условіемъ, что болѣе ужъ никто не узнаетъ)?—Увы, непременно бы вышла!

А, все-таки, изъ числа Пироговыхъ и вообще всѣхъ „безбрежныхъ“, кажется, можно исключить огромное большинство нашихъ женщинъ. Въ нашей женщинѣ все болѣе и болѣе замѣчается искренность, настойчивость, серьезность и честь, исканіе правды и жертва; да и всегда въ русской женщинѣ все это было выше, чѣмъ у мужчинъ. Это несомнѣнно, несмотря на всѣ даже теперешнія уклоненія. Женщина меньше лжетъ, многія даже совсѣмъ не лгутъ, а мужчинъ почти нѣтъ не лгущихъ, — я говорю про теперешній моментъ нашего общества. Женщина настойчивѣе, терпѣливѣе въ дѣлѣ; она *серьезнѣе*, чѣмъ мужчина, хочетъ дѣла для самого дѣла, а не для того лишь, чтобъ *казаться*. Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ намъ отсюда ждать большой помощи?

XVI.

Одна изъ современныхъ фальшей *).

Нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ замѣтили, что я, въ моемъ послѣднемъ романѣ „Бѣсы“, воспользовался фавбулой извѣстнаго Нечаевского дѣла; но тутъ же заявили, что собственно портретовъ или буквальнаго воспроизведенія Нечаевской исторіи у меня нѣтъ; что взято явленіе и что я попытался лишь объяснить возможность его въ нашемъ обществѣ, и уже въ смыслѣ общественнаго явленія, а не въ видѣ анекдотическомъ, не въ видѣ лишь описанія московскаго частнаго случая. Все это, скажу отъ себя, совершенно справедливо. До извѣстнаго Нечаева и жертвы его Иванова въ романѣ моемъ лично я не касаюсь. Лицо *моего* Нечаева, конечно, не похоже на лицо настоящаго Нечаева. Я хотѣлъ поставить вопросъ, и сколько возможно яснѣе, въ формѣ романа, дать на него отвѣтъ: какимъ образомъ въ нашемъ переходномъ и удивительномъ современномъ обществѣ возможны — не Нечаевъ, а *Нечаевы*, и какимъ образомъ можетъ случиться, что эти *Нечаевы* набираютъ себѣ подъ конецъ Нечаевцевъ?

И вотъ недавно, — впрочемъ, уже съ мѣсяцъ назадъ, — прочелъ я въ *Русскомъ Мирѣ* слѣдующія любопытныя строки: „... Намъ кажется, что Нечаевское дѣло могло убѣдить, что *учащаяся* молодежь въ подобныхъ безумствахъ — не бываетъ у насъ замѣшана. Идиотическій фанатикъ, въ родѣ Нечаева, могъ найти себѣ прозелитовъ только среди празднои, недоразвитой и вовсе неучащейся молодежи“.

И далѣе:

... „тѣмъ болѣе, что еще на-дняхъ министръ народнаго просвѣщенія (въ Кіевѣ) заявилъ, что послѣ осмотра учебныхъ заведеній въ 7 округахъ, онъ можетъ сказать, что *въ послѣдніе годы молодежь несравненно серьезнѣе относится къ дѣлу науки, несравненно болѣе и основательнѣе работаетъ*“.

*) № 50 „Гражданинъ“ 1878 г.

Сами по себѣ, т.-е. судя безотносительно, строки эти довольно ничтожны (авторъ, надѣюсь, извинить меня). Но въ нихъ есть вывертъ и старая пріѣвшаяся ложь. Полная и основная идея въ томъ, что Печаевы если и являются у насъ иногда, то непременно всѣ оии идиоты и фанатики, а если имъ и удастся найти себѣ прозелитовъ, то непременно „только среди праздной, недоразвитой и вовсе неучащейся молодежи“. Не знаю, что именно хотѣлъ доказать этимъ вывертомъ собственно авторъ статьи *Русскаго Мира*: хотѣлъ ли онъ польстить учащейся молодежи? Или, напротивъ, хитрымъ маневромъ и, такъ сказать, въ видѣ ласкательства, думалъ ее же поднадуть немного, но только съ самыми почтенными цѣлями, т.-е. для ея же пользы, — и для достиженія цѣли употребилъ столь извѣстный приемъ гувернантокъ и нянюшекъ съ маленькими ребятами: „Вотъ, дескать, милыя дѣти, видите, какіе *ты* нехорошіе буяны, кричатъ и дерутся и ихъ непременно высѣкутъ за то, что они такіе „недоразвитки“, вы же вотъ такіе милые хваленые пайныки, за столомъ сидите прямо, ножками подъ столомъ не болтаете и вамъ за это непременно гостинца дадутъ“. Или, наконецъ, просто-за-просто автору захотѣлось „защитить“ нашу учащуюся молодежь передъ правительствомъ и употребить для сего приемъ, который самъ онъ, можетъ быть, считаетъ необыкновенно хитрымъ и тонкимъ?

Прямо скажу: хотя я поставилъ всѣ эти вопросы, но личные цѣли автора статьи *Русскаго Мира* не возбуждаютъ во мнѣ ни малѣйшаго любопытства. И даже, чтобъ оговориться окончательно, прибавлю, что ложь и старый пріѣвшійся вывертъ выраженной *Русскимъ Миромъ* мысли, я склоненъ считать въ настоящемъ случаѣ чѣмъ-то неумышленнымъ и печальнымъ, т.-е., что самъ авторъ статей совершенно повѣрилъ словамъ своимъ и принималъ ихъ за правду съ тѣмъ высшимъ простодушіемъ, которое такъ похвально и даже трогательно по своей беззащитности во всякомъ другомъ случаѣ. Но, кромѣ того, что ложь, принятая за правду, имѣетъ всегда самый опасный видъ (несмотря даже на то, что является въ *Русскомъ Мирѣ*), — кромѣ того, бросается въ глаза и то, что никогда еще не являлась она въ столь обнаженномъ, точномъ и безыскусственномъ видѣ, какъ въ этой статьѣ. Подлинно, заставъ иного человѣка молиться Богу, и онъ лобъ расшибетъ. Вотъ въ этомъ-то видѣ и любопытно прослѣдить эту

ложь и вывести ее на свѣтъ по возможности, ибо когда-то еще дождешься въ другой разъ такой безыскусственной откровенности!

Вотъ уже съ незапамятныхъ псевдо-либеральныхъ нашихъ временъ, въ нашей газетной прессѣ принято за правило „защитать молодежь“, — противъ кого? противъ чего? — это иногда остается во мракѣ неизвѣстности и, такимъ образомъ, часто принимаетъ пребезтолковый и даже прекомическій видъ, особенно при нападеніяхъ на другіе органы печати въ томъ смыслѣ, что „вотъ, дескать, мы либеральнѣе, а вы-то нападаете на молодежь, стало быть, вы ретрограднѣе“. Замѣчу въ скобкахъ, что въ той же статейкѣ *Русскаго Мира* есть обвиненіе, прямо направленное на *Гражданинъ*, въ томъ, что въ немъ будто бы сплошь обвиняютъ нашу учащуюся молодежь въ Петербургѣ, Москвѣ и въ Харьковѣ. Не говоря уже о томъ, что авторъ статейки самъ *отлично хорошо знаетъ*, что ничего подобнаго этому поголовному и сплошному обвиненію у насъ нѣтъ и не было, я просто попрошу нашего обвинителя объяснить: что значитъ обвинять молодежь поголовно? Я совершенно не понимаю этого! Это, конечно, значитъ сплошь почему-то не любить всю молодежь, — и не столько даже молодежь, сколько извѣстный возрастъ нашихъ молодыхъ людей? Что за сумбуръ? Кто можетъ повѣрить такому обвиненію? Ясно, что и обвиненіе, и защита сдѣланы съ-плеча, даже не думавши много. Стоитъ, дескать, объ этомъ задумываться: „показалъ, что самъ либераленъ, что хвалю молодежь, что ругаю тѣхъ, которые ее не хвалятъ, ну и довольно для подписки и съ плечъ долой!“ Именно съ плечъ долой — ибо только самый злѣйшій врагъ нашей молодежи могъ бы рѣшиться защищать ее *такимъ образомъ*, и наткнуться на такой удивительный вывертъ, на какой наткнулся (начално — и убѣжденъ въ этомъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь) — простодушный авторъ статейки *Русскаго Мира*.

Въ томъ-то и вся важность, что приемъ этотъ не выдумка только *Русскаго Мира*, а приемъ общій многимъ органамъ нашей псевдолиберальной прессы и тамъ, можетъ быть, онъ дѣлается уже не столь простодушно. Сущность его, *во-первыхъ*, — въ сплошной похвалѣ молодежи, во всемъ и во всякомъ случаѣ, и въ грубыхъ нападкахъ на всѣхъ тѣхъ, которые, при случаѣ, позволяютъ себѣ отнестись даже и къ молодежи критически. Приемъ этотъ основанъ на

смѣшномъ предположеніи, что молодежь настолько еще не доросла и такъ любить лести, что не разберетъ и приметъ все за чистую монету. И вправду, достигли того, что ужъ очень многіе изъ молодежи (мы твердо вѣримъ, что далеко не всѣ) дѣйствительно полюбили грубую похвалу, требуютъ себѣ лести и безъ разбора готовы обвинять всѣхъ тѣхъ, кто не потакаетъ имъ сплошь и на всякомъ шагу, особенно въ иныхъ случаяхъ. Впрочемъ, тутъ пока еще вредъ всего только временный; съ опытымъ и съ возрастомъ и взгляды молодежи измѣнятся. Но есть и другая сторона лжи, которая влечетъ уже непосредственный и вещественный вредъ.

Эта другая сторона приѣма „защиты нашей молодежи предъ обществомъ и передъ правительствомъ“ состоитъ въ простомъ *отрицаніи факта*,— иногда самомъ грубомъ и нахальномъ: „нѣтъ, дескать, факта, не было его и быть не могло; кто говорить, что онъ былъ — значить, клеветать на молодежь, значить, врагъ нашей молодежи!“

Вотъ приѣмъ. Повторяю,—самый злѣйшій врагъ нашей молодежи не выдумалъ бы ничего вреднѣе для прямыхъ ея интересовъ. Миѣ непремѣнно хочется доказать это.

Отрицаніемъ факта во что бы ни стало можно достигнуть удивительныхъ результатовъ.

Ну, что вы тѣмъ покажете, господа, и чѣмъ облегчите дѣло, если начнете удостовѣрять (и, главное, Богъ знаетъ, для чего)—что „увлекающаяся“ молодежь, т.-е. тѣ, которые могутъ „увлечься“ (пусть даже и Нечаевымъ) непремѣнно должны состоять изъ однихъ только „праздныхъ недоразвитковъ“, изъ тѣхъ, которые *вовсе* не учатся, — однимъ словомъ, изъ шалопаевъ съ самыми дурными наклонностями. Такимъ образомъ, уединяя дѣло, вывода его изъ сферы учащихся и сводя непремѣнно лишь на „праздныхъ недоразвитковъ“, вы тѣмъ самымъ уже заранѣе обвиняете этихъ несчастныхъ и отказываетесь отъ нихъ окончательно: „сами виноваты, буяны и лѣнивцы и смиренно за столомъ не умѣли сидѣть“. Уединяя случай и лишая его права быть рассмотрѣннымъ въ связи съ общимъ цѣлымъ (а въ этомъ-то и состоитъ единственная возможная защита несчастныхъ „заблудившихся“!), вы тѣмъ самымъ не только какъ бы подписываете имъ окончательный приговоръ, но даже удаляете отъ нихъ самое милосердіе, ибо прямо удостовѣряете, что сами заблужденія ихъ произошли единственно отъ отвратительныхъ качествъ ихъ, и

что эти юноши даже и безъ всякаго преступленія должны возбуждать къ себѣ презрѣніе и отвращеніе.

Съ другой стороны, вдругъ случится, что въ какомъ-нибудь *даль* оказались бы замѣшанными вовсе не недоразвитки, вовсе не буяны, болтающіе ногами подъ столомъ, вовсе не одни лѣнивцы, а, напротивъ, молодежь прилежная, горячая, именно учащаяся и даже съ хорошимъ сердцемъ, а только лишь дурно направленная? (поймите это слово: *направленная*. Гдѣ, въ какой Европѣ, найдете вы теперь болѣе шатости во всевозможныхъ направленіяхъ, какъ у насъ въ наше время!) И вотъ, по вашей теоріи „лѣвѣтѣевъ и недоразвитковъ“, эти новые „несчастные“, окажутся уже втрое виновнѣе: „имъ были средства даны, они прошли курсъ наукъ, они основательно работали,—пѣтъ у нихъ оправданій! Они втрое менѣе, чѣмъ праздные недоразвитки, могутъ заслуживать милосердія!“ Вотъ результатъ прямо выходящій изъ вашей теоріи.

Позвольте, господа (я говорю вообще, а не одному только сотруднику *Русскаго Мира*), — вы, на основаніи „отрицанія факта“, утверждаете, что „Нечаевы“ непременно должны быть идіотами, „идіотическими фанатиками“. Такъ ли это опять? Справедливо ли? Устраняю въ настоящемъ случаѣ Нечаева, а говорю „Нечаевы“ во множественномъ числѣ. Да, изъ Нечаевыхъ могутъ быть существа весьма мрачныя, весьма безотрадныя и исковерканныя, съ многосложнѣйшей по происхожденію жаждой интриги, власти, съ страстной и болѣзненно-ранней потребностью выказать личность, но—почему же они „идіоты“? Напротивъ, даже настоящіе монстры изъ нихъ могутъ быть очень развитыми, прехитрыми и даже образованными людьми. Или вы думаете, что званія, „научки“, школьныя свѣдѣніца (хотя бы университетскія) такъ уже окончательно формируютъ душу юноши, что, съ полученіемъ диплома, онъ тотчасъ же пріобрѣтаетъ незыблемый талисманъ, разъ навсегда, узнавать истину и избѣгать искушеній, страстей и пороковъ. Такимъ образомъ, всѣ эти кончившіе курсъ наукъ юноши станутъ тотчасъ же, по-вашему, чѣмъ-то въ родѣ множества маленькихъ папъ, неподлежащихъ прегрѣшенію.

И почему вы полагаете, что Нечаевы непременно должны быть фанатиками? Весьма часто это просто мошенники. „Я мошенникъ, а не социалистъ“, говоритъ одинъ Неча-

евъ, положимъ, у меня, въ моемъ романѣ „Вѣсы“, по увѣр-
 ярю васъ, что онъ могъ бы сказать это и на-яву. Это
 мошенники очень хитрые и изучившіе именно велико-
 душную сторону души человѣческой, всего чаще юной
 души, чтобъ умѣть играть на ней какъ на музыкальномъ
 инструментѣ. Да неужели же вы вправду думаете, что
 прозелиты, которыхъ могъ бы набрать у насъ какой-ни-
 будь Нечаевъ,—должны быть непременно лишь одни ша-
 лопай? Не вѣрю, не всѣ; я самъ старый „Нечаевецъ“, я
 тоже стоялъ на эшафотѣ, приговоренный къ смертной
 казни, и увѣряю васъ, что стоялъ въ компаніи людей об-
 разованныхъ. Почти вся эта компанія кончила курсъ въ
 самыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нѣкоторые впо-
 слѣдствіи, *когда уже все прошло*, заявили себя замѣча-
 тельными специальными знаніями, сочиненіями. Нѣтъ-съ,
 Нечаевцы не всегда бывають изъ однихъ только лѣнты-
 евъ, совсѣмъ ничему не учившихся.

Знаю, вы, безъ сомнѣнія, возразите мнѣ, что я вовсе
 не изъ Нечаевцевъ, а всего только изъ „Петрашевцевъ“.
 Пусть изъ Петрашевцевъ,—(хотя, по-моему, названіе это
 неправильное, ибо чрезмѣрно большее число, въ сравне-
 нии съ стоявшими на эшафотѣ, по совершенно такихъ же
 какъ мы, Петрашевцевъ, осталось совершенно нетрону-
 тымъ и необезпокоеннымъ. Правда, они никогда и не
 знали Петрашевскаго, но совсѣмъ не въ Петрашевскомъ
 было и дѣло, во всей этой давнопрошедшей исторіи, вотъ
 чтѣ я хотѣлъ лишь замѣтить).

Но пусть изъ Петрашевцевъ. Почему же вы знаете, что
 Петрашевцы не могли бы стать Нечаевцами, т.-е. стать
 на „Нечаевскую“ же дорогу, *въ случай если бы такъ обер-
 нулось дѣло?* Конечно, тогда и представить нельзя было:
 какъ бы это могло *такъ обернуться дѣло?* Не тѣ совсѣмъ
 были времена. Но позвольте мнѣ про себя одного сказать:
Нечаевымъ, вѣроятно, я бы не могъ сдѣлаться никогда,
 но *Нечаевцемъ*, не ручаюсь, можетъ и могъ бы... во дни
 моей юности.

Я заговорилъ теперь про себя, чтобъ имѣть право го-
 ворить о другихъ. Тѣмъ не менѣе, буду продолжать только
 объ одномъ себѣ, о другихъ же, если и упомяну, то во-
 обще, безлично и въ смыслѣ совершенно отвлеченномъ.
Дѣло же Петрашевцевъ,—это такое давнопрошедшее дѣ-
 ло, принадлежитъ къ такой древнѣйшей исторіи, что, вѣ-
 роятно, не будетъ никакого вреда изъ того, что я о немъ

припоминаю, тѣмъ болѣе, въ такомъ скользкомъ и отвлеченномъ смыслѣ.

„Монстровъ“ и „мошенниковъ“ между нами, „Петрашевцами“, не было ни одного (изъ стоявшихъ ли на эшафотѣ, или изъ тѣхъ, которые остались нетронутыми—это все равно). Не думаю, чтобы кто-нибудь сталъ опровергать это заявленіе мое. Что были изъ насъ люди образованные, противъ этого, какъ я уже замѣтилъ, тоже, вѣроятно, не будутъ спорить. Но бороться съ извѣстнымъ цикломъ идей и понятій, тогда сильно укоренившихся въ юномъ обществѣ, изъ насъ, безъ сомнѣнія, еще мало кто могъ. Мы заражены были идеями тогдашняго теоретическаго социализма. Политическаго социализма тогда еще не существовало въ Европѣ и европейскіе коноводы социализма даже отвергали его.

Луи-Блана напрасно били по щекамъ и таскали за волосы (какъ нарочно густѣйшіе, длинные и черные волосы) члены-товарищи его національнаго собранія, депутаты правой стороны, изъ рукъ которыхъ вырвалъ его тогда Араго (астрономъ, членъ правительства, теперь уже умершій)—въ то несчастное утро, въ маѣ мѣсяцѣ 48 года, когда въ палату ворвалась толпа нетерпѣливыхъ и голодныхъ работниковъ. Бѣдный Луи-Бланъ, нѣкоторое время членъ временнаго правительства, вовсе не возмущалъ ихъ: онъ только лишь читалъ въ люксембургскомъ дворцѣ этимъ жалкимъ и голоднымъ людямъ, вслѣдствіе революціи и республики разомъ потерявшимъ работу, объ ихъ „правѣ на работу“. Правда, такъ какъ онъ все-таки былъ членомъ правительства, то лекціи его въ этомъ смыслѣ были ужасно неполитичны и, конечно, смѣшны. Журналъ же Консидерана, равно какъ статьи и брошюры Прудона, стремились распротранить между этими же голодными и ничего за душой не имѣвшими работниками, между прочимъ, и глубокое омерзѣніе къ праву наследственной собственности. Безъ сомнѣнія, изъ всего этого (т.-е. изъ нетерпѣнія голодныхъ людей, разжигаемыхъ теоріями будущаго блаженства) произошелъ впоследствии социализмъ политическій, сущность котораго, несмотря на всѣ возвѣщаемыя цѣли, покамѣстъ состоитъ лишь въ желаніи повсемѣстнаго грабежа всѣхъ собственниковъ классами неимущими, а затѣмъ „будь что будетъ“. (Ибо по-настоящему ничего еще не рѣшено, чѣмъ будущее общество замѣнится, а рѣшено лишь только, чтобъ настоящее про-

валилось — и вотъ пока вся формула политическаго социализма).

Но тогда понималось дѣло еще въ самомъ розовомъ и райско-нравственномъ свѣтѣ. Дѣйствительно правда, что зарождавшійся социализмъ сравнивался тогда, даже нѣкоторыми изъ коноводовъ его, съ христианствомъ и принимался лишь за поправку и улучшеніе послѣдняго, сообразно вѣку и цивилизаціи. Всѣ эти тогдашнія новыя идеи намъ въ Петербургѣ ужасно нравились, казались въ высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловѣческими, будущимъ закономъ всего безъ исключенія человѣчества. Мы еще задолго до парижской революціи 48 года были охвачены обаятельнымъ вліяніемъ этихъ идей. Я уже въ 46 году былъ посвященъ во всю *правду* этого грядущаго „обновленнаго міра“ и во всю *святость* будущаго коммунистическаго общества еще Бѣлинскимъ. Всѣ эти убѣжденія о безнравственности самыхъ основаній (христианскихъ) современнаго общества, о безнравственности религіи, семейства; о безнравственности права собственности; всѣ эти идеи объ уничтоженіи національностей во имя всеобщаго братства людей, о презрѣніи къ отечеству, какъ къ тормазу во всеобщемъ развитіи, и проч. и проч., все это были такія вліянія, которыхъ мы преодолѣть не могли и которыя захватывали, напротивъ, наши сердца и умы во имя какого-то великодушія. Во всякомъ случаѣ, тема казалась величавою и стоявшею далеко выше уровня тогдашнихъ господствовавшихъ понятій — а это-то и соблазняло. Тѣ изъ насъ, т.-е. не то что изъ однихъ Петрашевцевъ, а вообще изъ всѣхъ тогда *зараженныхъ*, но которые отвергли впоследствии весь этотъ мечтательный вредъ радикально, весь этотъ мракъ и ужасъ, готовимый человѣчеству, въ видѣ обновленія и воскресенія его, — тѣ изъ насъ тогда еще не знали причинъ болѣзни своей, а потому и не могли еще съ нею бороться. И такъ, почему же вы думаете, что даже убійство à la Нечаевъ остановило бы, если не всѣхъ, конечно, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ насъ, въ то горячее время, среди захватывающихъ душу учевій и потрясающихъ тогдашнихъ европейскихъ событій, за которыми мы, совершенно забывъ отечество, слѣдили съ лихорадочнымъ напряженіемъ?

Чудовищное и отвратительное московское убійство Иванова, безо всякаго сомнѣнія, представлено было убійцей Нечаевымъ своимъ жертвамъ „Нечаевцамъ“, какъ дѣло

политическое и полезное для будущаго „общаго и великаго дѣла“. Иначе понять нельзя, какъ нѣсколько юношей (кто бы они ни были) могли согласиться на такое мрачное преступленіе. Опять - таки въ моемъ романѣ „Вѣсы“ я попытался изобразить тѣ многоразличные и разнообразныя мотивы, по которымъ даже чистѣйшіе сердцемъ и простодушнѣйшіе люди могутъ быть привлечены къ совершенію такого же чудовищнаго злодѣйства. Вотъ въ томъ-то и ужасъ, что у насъ можно сдѣлать самый пакостный и мерзкій поступокъ, не будучи вовсе икогда мерзавцемъ! Это и не у насъ однихъ, а на всемъ свѣтѣ такъ, всегда и съ начала вѣковъ, во времена переходныя, во времена потрясеній въ жизни людей, сомнѣній и отрицаній, скептицизма и шатости въ основныхъ общественныхъ убѣжденіяхъ. Но у насъ это болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь возможно, и именно въ наше время, и эта черта есть самая болѣзненная и грустная черта нашего теперешняго времени. Въ возможности считать себя, и даже иногда почти въ самомъ дѣлѣ быть не мерзавцемъ, дѣлая явную и безспорную мерзость — вотъ въ чемъ наша современная бѣда!

Чѣмъ же такъ особенно защищена молодежь, въ сравненіи съ другими возрастными, что вы, господа защитники ея, чуть лишь только она занималась и училась прилежно, немедленно требуете отъ нея такой стойкости и такой зрѣлости убѣжденій, какой не было даже у ихъ отцовъ, а теперь менѣе чѣмъ когда-нибудь есть. Наши юные люди нашихъ интеллигентныхъ сословій, развитые въ семействахъ своихъ, въ которыхъ всего чаще встрѣчаете теперь недовольство, нетерпѣніе, грубость невѣжества (несмотря на интеллигентность классовъ) и гдѣ, почти повсемѣстно, настоящее образование замѣняется лишь нахальнымъ отрицаніемъ съ чужого голоса; гдѣ матеріальныя побужденія господствуютъ надъ всякой высшей идеей; гдѣ дѣти воспитываются безъ почвы внѣ естественной правды, въ неуваженіи или въ равнодушіи къ отечеству и въ насмѣшливомъ презрѣніи къ народу, такъ особенно распространяющемся въ послѣднее время, — тутъ ли, изъ этого ли родника наши юные люди почерпнуть правду и безошибочность направленія своихъ первыхъ шаговъ въ жизни? Вотъ гдѣ начало зла: въ преданіи, въ преемствѣ идей, въ вѣковомъ, національномъ подавленіи въ себѣ всякой независимости мысли, въ понятіи о санѣ европейца

подъ непремѣннымъ условіемъ неуваженія къ самому себѣ, какъ къ русскому человѣку!

Но въ этомъ, слишкомъ общимъ, указаніямъ, кажется, не повѣрите. „Образованіе“, твердите вы, „прилежаніе“; праздные „недоразвитки“, повторяете вы. Замѣьте, господа, что всѣ эти европейскіе высшіе учителя наши, свѣтъ и надежда наша, всѣ эти Милли, Дарвины и Штраусы преудивительно смотрятъ иногда на нравственные обязанности современнаго человѣка. А между тѣмъ это уже не лѣнтяи, ничему не учившіеся, и не буяны, болтающіе ногами подъ столомъ. Вы засмѣетесь и спросите: къ чему вздумалось мнѣ заговорить непремѣнно объ этихъ именахъ? А потому, что трудно и представить себѣ, говоря о нашей молодежи, интеллигентной, горячей и учащейся, чтобъ эти имена, напримѣръ, миновали ее при первыхъ шагахъ ея жизни. Развѣ можетъ русскій юноша остаться индифферентнымъ къ вліянію этихъ предводителей европейской прогрессивной мысли, и другихъ имъ подобныхъ, и особенно къ русской сторонѣ ихъ ученій? Это смѣшное слово о „русской сторонѣ ихъ ученій“ — пусть мнѣ простятъ, единственно потому, что эта русская сторопа этихъ ученій существуетъ дѣйствительно. Стоитъ она въ тѣхъ выводахъ изъ ученій этихъ, въ видѣ несокрушимѣйшихъ аксіомъ, которые дѣлаются только въ Россіи; въ Европѣ же возможность выводовъ этихъ, говорятъ, даже и не подозрѣваема. Мнѣ скажутъ, пожалуй, что эти господа вовсе не учатъ злодѣйству; что если, напримѣръ, хоть бы Штраусъ и ненавидитъ Христа, и поставилъ осмѣяніе и оплеваніе Христіанства цѣлью всей своей жизни, то все-таки онъ обожаетъ человѣчество въ его цѣломъ, и ученіе его возвышено и благородно, какъ нельзя болѣе. Очень можетъ быть, что это все такъ и есть, и что цѣли всѣхъ современныхъ предводителей европейской прогрессивной мысли — человѣколюбивы и величественны. Но зато мнѣ вотъ что кажется несомнѣннымъ: дай всѣмъ этимъ современнымъ высшимъ учителямъ полную возможность разрушить старое общество и построить за-ново, — то выйдетъ такой мракъ, такой хаосъ, нѣчто до того грубое, слѣпое и безчеловѣчное, что все зданіе рухнетъ подъ проклятіями человѣчества, прежде чѣмъ будетъ завершено. Разъ отвергнувъ Христа, умъ человѣческій можетъ дойти до удивительныхъ результатовъ. Это

аксіома. Европа, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ представителяхъ своей мысли, отвергаетъ Христа, мы же, какъ извѣстно, обязаны подражать Европѣ.

Есть историческіе моменты въ жизни людей, въ которые явное, нахальное, грубѣйшее злодѣйство можетъ считаться лишь величіемъ души, лишь благороднымъ мужествомъ человѣчества, вырывающагося изъ оковъ. Неужели нужны примѣры, неужели ихъ не тысячи, не десятки, не сотни тысячъ?.. Тема эта, конечно, мудреная и необъятная и на нее очень трудно вступать въ фельетонной статьѣ, но все-таки въ результатѣ, я думаю, можно допустить и мое предположеніе: что даже и честный, и простодушный мальчикъ, даже и хорошо учившійся, можетъ подь часъ обернуться Нечаевцемъ... разумѣется, опять-таки, если попадетъ на Нечаева; это уже *sine qua* поп...

Мы, Петрашевцы, стояли на эшафотѣ и выслушивали нашъ приговоръ безъ малѣйшаго раскаянія. Безъ сомнѣнія, я не могу свидѣтельствовать обо всѣхъ; но думаю, что не ошибусь, сказавъ, что тогда, въ ту минуту, если не всякій, то, по крайней мѣрѣ, чрезвычайное большинство изъ насъ почло бы за безчестье отречься отъ своихъ убѣжденій. Это дѣло давно прошедшее, а потому, можетъ быть, и возможенъ будетъ вопросъ: неужели это упорство и нераскаяніе было только дѣломъ дурной натуры, дѣломъ недоразвитковъ и буяновъ? Нѣтъ, мы не были буянами, даже, можетъ быть, не были дурными молодыми людьми. Приговоръ смертной казни разстрѣлянемъ, прочтенный намъ всѣмъ предварительно, прочтенъ былъ вовсе не въ шутку; почти всѣ приговоренные были увѣрены, что онъ будетъ исполненъ, и вынесли, по крайней мѣрѣ, десять ужасныхъ, безмѣрно-страшныхъ минутъ ожиданія смерти. Въ эти послѣднія минуты нѣкоторые изъ насъ (я знаю положительно), инстинктивно углубляясь въ себя и провѣряя мгновенно всю свою, столь юную еще жизнь,—можетъ быть, и раскаивались въ иныхъ тяжелыхъ дѣлахъ своихъ—(изъ тѣхъ, которыя у каждаго человека всю жизнь лежать втайнѣ на совѣсти); но то дѣло, за которое насъ осудили, тѣ мысли, тѣ понятія, которыя владѣли нашимъ духомъ—представлялись намъ не только не требующими раскаянія, не даже чѣмъ-то насъ очищающимъ, мученичествомъ, за которое многое намъ простится! И такъ продолжалось долго. Не годы ссылки, не страданія сломили насъ. Напротивъ, ничто не сломило

насъ, и наши убѣжденія лишь поддерживали нашъ духъ сознаниемъ исполненнаго долга. Нѣтъ, нѣчто другое измѣнило взглядъ нашъ, наши убѣжденія и сердца наши (я, разумѣется, позволяю себѣ говорить лишь о тѣхъ изъ насъ, объ измѣненіи убѣжденій которыхъ уже стало извѣстно и тѣмъ или другимъ образомъ засвидѣтельствовано ими самими). Это нѣчто другое—было непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, братское соединеніе съ нимъ въ общемъ несчастіи, понятіе, что самъ сталъ такимъ же какъ онъ, съ нимъ сравненъ и даже приравненъ къ самой низшей ступени его.

Повторяю, это не такъ скоро произошло, а постепенно и послѣ очень-очень долгаго времени. Не гордость, не самолюбіе мѣшали сознаться. А между тѣмъ я былъ, можетъ быть, однимъ изъ тѣхъ (я опять про себя одного говорю), которымъ наиболѣе облегченъ былъ возвратъ къ народному корню, къ узнанію русской души, къ признанію духа народнаго. Я происходилъ изъ семейства русскаго и благочестиваго. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я помню любовь ко мнѣ родителей. Мы въ семействѣ нашемъ знали Евангеліе чуть не съ перваго дѣтства. Мнѣ было всего лишь десять лѣтъ, когда я уже зналъ почти всѣ главные эпизоды русской исторіи изъ Карамзина, котораго вслухъ по вечерамъ намъ читалъ отецъ. Каждый разъ посѣщеніе Кремля и соборовъ московскихъ было для меня чѣмъ-то торжественнымъ. У другихъ, можетъ быть, не было такого рода воспоминаній, какъ у меня. Я очень часто задумываюсь и спрашиваю себя теперь: какія впечатлѣнія, большею частію, выносить изъ своего дѣтства уже теперешняя, современная намъ молодежь? И вотъ, если даже и мнѣ, который уже естественно не могъ высокоумно пропустить мимо себя той новой роковой среды, въ которую ввергло насъ несчастіе, не могъ отнестись къ явленію передъ собой духа народнаго вскользь и свысока,—если и мнѣ, говорю я, было такъ трудно убѣдиться, наконецъ, во лжи и неправдѣ почти всего того, что считали мы у себя дома свѣтомъ и истиной, то каково же другимъ, еще глубже разорвавшимъ съ народомъ, гдѣ разрывъ преемственъ и наслѣдственъ еще съ отцовъ и дѣдовъ?

Мнѣ очень трудно было бы рассказать исторію перерожденія моихъ убѣжденій, тѣмъ болѣе, что это, можетъ быть, и не такъ любопытно; да и не идетъ какъ-то къ фельетонной статьѣ

.

Господа защитники молодежи нашей, возьмите, наконецъ, ту среду, то общество, въ которомъ она возрастаетъ, и спросите себя: можетъ ли быть въ наше время что-нибудь менѣе защищено отъ *известныхъ вліяній*?

Прежде всего поставьте вопросъ: если сами отцы этихъ юношей—не лучше, не крѣпче и не здоровѣе ихъ убѣжденіями; если съ самага перваго дѣтства своего эти дѣти встрѣчали въ семействахъ своихъ одинъ лишь цинизмъ, высокомерное и равнодушное (большею частію) отрицаніе; если слово отечество произносилось передъ ними не иначе, какъ съ насмѣшливой складкой; если къ дѣлу Россіи все воспитывавшіе ихъ относились съ презрѣніемъ или равнодушіемъ; если великодушнѣйшіе изъ отцовъ и воспитателей ихъ твердили имъ лишь объ идеяхъ „общечеловѣческихъ“; если еще въ дѣтствѣ ихъ прогоняли ихъ нянекъ за то, что тѣ падеъ колыбельками ихъ читали „Богородицу“, — то скажите: что можно требовать отъ этихъ дѣтей и гуманно ли при защитѣ ихъ, если таковая потребуется, отдѣлываться однимъ лишь отрицаніемъ факта?

Недавно я наткнулся въ газетахъ на слѣдующее *entrefilet*:

Камско-Волжская Газета сообщаетъ, что на-дняхъ три гимназиста 2-й казанской гимназіи, 3-го класса, привлечены къ ответственности по обвиненію въ какомъ-то преступленіи, имѣющимъ связь съ ихъ *предполагавшимся бѣгствомъ въ Америку* (С.-Пет. Вѣд., 13 ноября).

Двадцать лѣтъ назадъ извѣстіе о какихъ-то бѣгущихъ въ Америку гимназистахъ изъ 3-го класса гимназіи показалось бы мнѣ сумбуромъ. Но ужъ въ одномъ томъ обстоятельстве, что *теперь* это не кажется мнѣ сумбуромъ, а вещь, которую, напротивъ, я *понимаю*, уже въ одномъ этомъ я вижу въ ней и ея оправданіе!

Оправданіе! Боже мой, возможно ли такъ сказать!

Я знаю, что это не первые гимназисты, что уже бѣжали раньше ихъ и другіе, а тѣ потому, что бѣжали старшіе братья и отцы ихъ. Помните вы рассказъ у Кельсиева о бѣдномъ офицерикѣ, бѣжавшемъ *тышкомъ*, черезъ Торнео и Стокгольмъ, къ Герцену въ Лондонъ, гдѣ тотъ опредѣлилъ его въ свою типографію наборщикомъ? Помните рассказъ самого Герцена о томъ *кадетѣ*, который отправился, кажется, на Филиппинскіе острова заводить коммуны и оставилъ ему 20,000 франковъ на будущихъ

эмигрантовъ? А между тѣмъ все это уже древняя исторія! Съ тѣхъ поръ бѣжали въ Америку извѣдать „свободный трудъ“ въ „свободномъ государствѣ“ старики, отцы, братья, дѣвы, гвардейскіе офицеры... развѣ только что не было однихъ семинаристовъ. Винить ли такихъ маленькихъ дѣтей, этихъ трехъ гимназистовъ, если и ихъ слабыми головенками одолѣли *великія идеи* о „свободномъ трудѣ въ свободномъ государствѣ“ и о коммунѣ, и объ обще-европейскомъ человѣкѣ; винить ли за то, что вся эта дребедень кажется имъ религіей, а абсентеизмъ и измѣна отечеству—добродѣтелью? А если винить, то въ какой же степени?—вотъ вопросъ.

Авторъ статейки *Русскаго Мира*, въ подкрѣпленіе своей идеи, что въ „подобныхъ безумствахъ“ замѣшаны у насъ лишь *одни* лѣнтяи и праздношатающіеся недоразвитки, приводитъ столь извѣстныя и отрадные слова министра народнаго просвѣщенія, недавно высказанныя имъ въ Кіевѣ о томъ, что онъ имѣлъ случай убѣдиться, послѣ осмотра учебныхъ заведеній въ 7 учебныхъ округахъ, что „*последніе годы молодежь несравненно серьезнѣе относится къ дѣлу науки, несравненно болѣе и основательно работаетъ*“.

Да, это, конечно, слова отрадные, слова, въ которыхъ, можетъ быть, *единственная* надежда наша. Въ учебной реформѣ нынѣшняго царствованія—чуть не *вся* наша будущность и мы знаемъ это. Но самъ же министръ просвѣщенія, помнится, заявилъ въ той же рѣчи своей, что еще долго ждать окончательныхъ результатовъ реформы. Мы всегда вѣровали, что наша молодежь слишкомъ способна отнестись къ дѣлу науки серьезно. Но пока еще кругомъ насъ такой туманъ фальшивыхъ идей, столько миражей и предразсудковъ окружаетъ еще и насъ, и молодежь нашу, а вся общественная жизнь наша, жизнь отцовъ и матерей этой молодежи, принимаетъ все болѣе и болѣе такой странный видъ, что поневолѣ прискиваешь иногда всевозможныя средства, чтобы выйти изъ недомыслія. Одно изъ такихъ средствъ—самимъ быть поменѣе безсердечными, не стыдиться хоть иногда, что васъ кто-нибудь назоветъ гражданиномъ, и... хоть иногда сказать правду,—если бъ даже она была и недостаточно, по вашему, либеральна.

ИНОСТРАННЫЯ СОБЫТІЯ

изъ

ЖУРНАЛА „ГРАЖДАНИНЪ“

за 1873 г.

Изъ № 38 журнала „Гражданинъ“ 1873 года.

Въ самое послѣднее время въ Европѣ произошли три весьма крупныя событія: 1) Фрошдорфское свиданіе, 2) окончательное очищеніе французской территоріи отъ вражескаго нашествія съ выходомъ послѣднихъ нѣмецкихъ войскъ и 3) чрезвычайное посѣщеніе Вѣны и Берлина королемъ итальянскимъ. Эти три весьма важныя событія могутъ имѣть чрезвычайныя послѣдствія для всей Европы и, что важнѣе всего, даже въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Во Франціи, теперь, почти у всѣхъ, конечно, одинъ только вопросъ: что именно сейчасъ же, теперь же, можетъ случиться? Тутъ ужъ не до отдаленнаго будущаго, не до окончательнаго устройства: текуція событія дошли до высшей точки своего напряженія.

4-го сентября, напримѣръ, на парижской биржѣ распространился слухъ (потомъ оказавшійся ложнымъ), что графъ Шамборскій рѣшился отречься отъ своихъ притязаній въ пользу графа Парижскаго. Слухъ этотъ тотчасъ же вызвалъ довольно значительное повышение курсовъ.

Итакъ, бѣдныя французы въ такомъ положеніи, что сами уже не сомнѣваются, что съ ними рѣшительно *esse* можетъ теперь случиться. Они вѣрятъ даже въ возможность графа Шамборскаго и малѣйшая поправка дѣлу (?), то-есть графъ Парижскій, принимается ими какъ за нѣчто радостное.

Но у нихъ на-дняхъ произошелъ одинъ фактъ, конечно, предвидѣнный и знаемый всѣми уже давнымъ-давно, но

непремѣнно смутившій всѣхъ, какъ нѣчто неожиданное. Въ официальномъ журналѣ отъ 4-го (16-го) сентября было напечатано:

«Конфларъ и Жарни, послѣднія занятыя мѣстности, были очищены вчера въ 7 час. вечера. Въ 9 час. нѣмецкія войска перешли границу. Территорія освобождена *окончательно*».

Для этого, почти три года назадъ, и собиралось теперешнее французское національное собраніе; погибавшая нація поручила ему тогда—возстановить возможный порядокъ, уплатить миллиарды и очистить территорию. Правда, національное собраніе, все время, а въ послѣдній годъ болѣе чѣмъ когда-нибудь, всегда въ большинствѣ своемъ отрицало ограниченіе своихъ полномочій. Очень много разъ почти прямо высказывалось о необходимости устроить *окончательно* судьбы Франціи, прежде чѣмъ разойтись. Но огромное меньшинство собранія (почти вся лѣвая сторона) принимало за предѣлы своихъ полномочій лишь освобожденіе территорій. Огромная и наибольшая, можетъ-быть, часть *общественнаго мнѣнія* Франціи, конечно, въ этомъ вопросѣ, на сторонѣ меньшинства палаты. Но пока еще нѣмецкіе солдаты оставались во Франціи—вопросъ оставался только спорнымъ вопросомъ, а *дѣло* дѣломъ. Согласны или не согласны, а разойтись все-таки нельзя. пока послѣдній нѣмецкій солдатъ не оставитъ территоріи, И вотъ теперь, 3-го сентября,—*дѣло* оканчивается и всѣ вдругъ разомъ чувствуютъ, что вопросъ: „Что же *теперь* еще остается сдѣлать?“ непремѣнно и немедленно долженъ быть разрѣшенъ.

Разумѣется, разрѣшеніе необходимо будетъ насильственное. Никакое соглашеніе невозможно, что уже доказало соглашеніе двадцать четвертаго мая, при низверженіи Тьера. За насильственное разрѣшеніе принялись уже давно, но теперь, при новомъ и уже слишкомъ настоятельномъ повтореніи вопроса: что дѣлать? —дѣтельность всѣхъ партій, и, разумѣется, все враждебныхъ одна другой, должна, конечно, въ десять разъ усилиться. До новыхъ засѣданій разошедшагося на отдыхъ собранія, судя по тревогѣ событий, слишкомъ далеко. И если бы хоть одна изъ теперешнихъ партій нашла хоть малѣйшую возможность произвести переворотъ насильственно, то навѣрно бы это исполнила.

Насильственный переворотъ могъ бы произвести одинъ только маршалъ Макъ-Магонъ, имѣя въ своихъ рукахъ войско... Но объ этомъ послѣ. Есть вѣроятность предположить,

что національное собраніе будетъ создано раньше срока.

Насиліе въ разрѣшеніи насущнаго вопроса: „Что *сейчасъ* дѣлать?“—первыми было произведено легитимистами. Тутъ произошло явленіе даже не политическое — произошло что-то горячее, нетерпѣливое, первное безъ мѣры, лихорадочное, что бываетъ иногда съ людьми радикально и уже цѣлый вѣкъ, наиримѣрь, непонимающими своего положенія. (Похоже на то, какъ дѣйствуютъ у насъ иногда поляки). Теперь слишкомъ очевидно, что союзъ 24 мая заключенъ былъ рѣшительно для одного только низверженія Тьера. Почти навѣрно можно сказать, что они даже и не заикались о будущемъ и о томъ, какъ будутъ относиться другъ къ другу сейчасъ по низверженіи Тьера. Они не давали другъ другу никакихъ обѣщаній, кромѣ самыхъ насущныхъ, единственно только *завтрашнихъ* и къ настоящему *дѣлу* не относящихся. Они слишкомъ хорошо знали, что каждый будетъ дѣйствовать лишь для своей партіи и, можетъ-быть, сейчасъ же, завтра же, если понадобится, вцѣпятся другъ другу въ волосы. Самая горячая и многочисленная изъ этихъ партій тотчасъ же начала дѣйствовать, съ странною, ничѣмъ неоправданною вѣрою въ свои силы. Но легитимисты и особенно клерикалы всегда такъ дѣйствовали, во всю послѣднюю исторію Франціи. Началось тогда, какъ и всегда у легитимистовъ и клерикаловъ, съ полного презрѣнія къ общественному мнѣнію: притѣсненіе печати, сборищъ, преслѣдованія начались тотчасъ же. Во французскомъ народѣ, сельскомъ и частью городскомъ (но не фабричномъ) дѣйствительно началось въ послѣдніе годы довольно замѣтное религіозное движеніе. Духовенство тотчасъ же эксплуатировало фактъ, — по безъ мѣры, безъ пониманія общественнаго мнѣнія, съ наглостью, вредящею самой религіи. Стали устраивать и искусственно вызывать по всей Франціи церемоніи богомолья, архіепископы разсылали возмутительныя воззванія, требовали кредита для постройки новыхъ соборовъ, хотѣли было ввести въ законъ начинать каждое засѣданіе національнаго собранія молитвою, что немислимо и дико для французовъ. Они иреглупо, и даже зная, что это глупо (т.-е. уже не щадя себя), запрещали всѣ оваціи и благодарственные адреса Тьеру и преслѣдовали за нихъ. Они не позволяли нигдѣ праздновать день освобожденія территоріи, сами давая тѣмъ знать, что въ освобожденіи этомъ не считаютъ себя дѣятелями или участ-

никами. Они отказались по поводу этого громаднаго и радостнаго для Франціи событія отъ самой малѣйшей амнистіи, хотя бы только для виду, политическимъ преступникамъ—въ чемъ не отказываетъ ни одно правительство въ Европѣ своимъ подданнымъ, во дни великихъ національныхъ торжествъ или радостей. Однимъ словомъ, дѣйствовали презирая среду, съ непостижимою увѣренностью въ своихъ силахъ. И вотъ вдругъ теперь все это уже совершенно открыто ринулось къ графу Шамборскому. Произошло свиданіе представителей династіи—орлеанской и бурбонской. Трудно представить себѣ даже до сихъ поръ: чтò именно хотѣлъ этимъ сказать графъ Парижскій? Орлеанская династія, имѣющая нѣкоторое число приверженцевъ въ національномъ собраніи, почти менѣе всѣхъ партій, терзающихъ теперь Францію, имѣетъ шансовъ къ престолу. Эта династія, самая благодѣтельная для Франціи въ этомъ столѣтіи, давшая ей 18 блаженныхъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе нестерпимо ей надоѣла и Франція ни за чтò теперь на нее не согласится. Къ тому же она вполне отжила свой вѣкъ и требованія страны теперь совершенно инныя. Орлеанская династія, съ ея мягкостью въ правленіи и разумнымъ либерализмомъ, не въ мѣрку теперешнимъ событіямъ. Тѣмъ не менѣе свиданіе произошло, и обѣ партіи, слившись, надѣются на большинство въ національномъ собраніи. Но чтò такое это собраніе, провозглашающее графа Шамборскаго Генрихомъ V, если бы даже это и было возможно? Есть историческіе факты, давно совершившіеся, которые нельзя игнорировать. Хороши ли, нѣтъ ли эти факты, живительны или несутъ съ собой смерть—это все равно въ настоящемъ вопросѣ. Главное въ томъ, что они есть и ихъ нельзя перейти. Вслѣдствіе этихъ фактовъ, графа Шамборскаго, съ его авторитетомъ „Вожією милостію“ (и правомъ завоеванія въ V столѣтіи, прибавимъ мы) не могутъ никакъ принять французы. О, они, можетъ-быть, и приняли бы! Ибо только $\frac{1}{8}$ -я какая-нибудь доля націи вѣрить въ принципы 89 года и знаетъ о нихъ. Остальные лишь жаждутъ покоя и сильнаго правительства, и до такой степени, что согласились бы на какой угодно авторитетъ,—былъ бы только это несомнѣнный авторитетъ. Но въ томъ-то и дѣло, что и въ несомнѣнность авторитета графа Шамборскаго никто, кромѣ легитимистовъ, не можетъ серьезно вѣрить. Конечно, теперь *все*, рѣшительно *все* можетъ случиться, и

даже Шамборъ можетъ вѣхъ въ Парижъ на бѣломъ конѣ... но не болѣе какъ на два дня, да единственно только въ томъ случаѣ, если маршалъ Макъ-Магонъ положить въ избирательную урну свой маршалскій жезлъ. Но—и это весьма важный фактъ,—кажется, Фрондорфъ и все это легитимистское движеніе происходитъ внѣ всякаго участія маршала Макъ-Магона. По крайней мѣрѣ, нѣтъ ни откуда объ этомъ какихъ-нибудь точныхъ свѣдѣній. Однимъ словомъ, агитаторы надѣются рѣшительно лишь на однѣ свои силы. Замѣчательно тоже, что изъ всѣхъ легитимистовъ—самые нетерпѣливые, нетерпимые, самые горячіе и самонадѣянные и самые оторванные отъ почвы—это клерикалы, духовенство.

Съ графомъ Шамборскимъ ведутся представителями монархическихъ партій самые дѣятельные переговоры,—точно все дѣло только въ немъ и въ его согласіи. О мнѣніи націи никто изъ нихъ ничего не думаетъ. Да такъ и должно быть:—чистые легитимисты, по крайней мѣрѣ, всегда отрицали Францію и доказали это вполне, исторически. „L'état c'est moi, la nation c'est nous“. Чрезвычайно комично начинаетъ выступать фигура и самого графа Шамборскаго! Кажется, онъ тоже вполне увѣренъ, что все дѣло въ одномъ только его согласіи идти царствовать, и стоить лишь ему согласиться, какъ вся Франція тотчасъ же станетъ передъ нимъ на колѣни. Увѣряютъ, что онъ, на-дняхъ, переговариваясь съ депутатами правой стороны относительно приписываемаго ему намѣренія начать войну съ Италіей, отвѣчалъ, что это было бы съ его стороны безразсудствомъ, потому что онъ знаетъ, что Франція не можетъ вести войны. „Необходимо“, заключилъ онъ, „чтобы Франція собралась съ силами и устроилась“, но что сверхъ того „надобно оставить князю Бисмарку полную свободу дѣйствій, такъ какъ онъ самъ разрушитъ свое твореніе“.

Если такія слова о Бисмаркѣ дѣйствительно были сказаны графомъ Шамборскимъ, то, конечно, это человѣкъ и глубокій, и умный. Объ огромности ума его, однако, никто и никогда не имѣлъ извѣстій, такъ что, можетъ быть, слова о Бисмаркѣ и не его (если были сказаны) и графъ повторилъ лишь чужое слово,—и кто знаетъ, можетъ быть, нарочно для него придуманное. Иногда королямъ, возвращающимся къ своимъ народамъ, нарочно придумываютъ словечки для первой встрѣчи. Если не измѣняетъ намъ

память, кажется, Лудовику XVIII-му при въѣздѣ его въ Парижъ, въ 1814 году, послѣ долгаго отсутствія, придумано было княземъ Талейраномъ слово: „Rien n'est changé, il n'y a qu'un français de plus“. (Ничто не измѣнится. Стало только однимъ французомъ больше). Такъ или этакъ, но графъ Шамборскій, хотя бы былъ чрезвычайно умнымъ человѣкомъ, все-таки можетъ ничего не понимать въ своей націи. Тутъ ужъ не умъ, а обстоятельства. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ *подобному* наслѣдственному королю узнать свою націю. Тамъ, гдѣ приверженцы короля обращаются въ партію, тамъ такой король, съ самаго дня своего рожденія до дня своей смерти, видитъ лишь людей своей партіи, и хоть и слышитъ о людяхъ иныхъ партій, но навѣрно считаетъ ихъ только за поврежденныхъ умомъ. Графъ Шамборскій обѣщаетъ не объявлять войну Италіи (т. е. за палу). Но вѣдь онъ говоритъ только про настоящую минуту, про то, что Франція не готова теперь къ бою. Такой оборотъ фразы именно долженъ означать, что когда Франція отдохнетъ и изготвится къ бою, то... Да и можетъ ли „законный“ настоящий Бурбонъ, король французскій, отказаться отъ вѣкового своего титула „христіаннѣйшаго короля“? Старая Франція издавна, съ глубины вѣковъ, *жила* католическою идеею и провозглашала ее, держала высоко ея знамя, стояла за Римъ, въ противоположность германской идеѣ, ставшей, наконецъ, за реформацію со всѣми ея послѣдствіями. Это до того неотъемлемо отъ исторіи французской идеи и отъ націи—главной представительницы германо-романскаго племени, что несмотря на 89 годъ, Франція, во все продолженіе XIX столѣтія (Людвигъ-Филиппъ, Наполеонъ III. Тьеръ) постоянно продолжала стоять въ своей политикѣ за католичество, за Римъ, за свѣтское владычество папы. Теперь же, именно въ эту минуту, можно *предчувствовать*, что первое столкновеніе съ Германіей Франціи, во главѣ другихъ католическихъ державъ (если только подобный союзъ католическихъ державъ состоится) произойдетъ именно изъ-за Рима, изъ-за воскресенія римскаго католичества во всей его древней идеѣ... Не даромъ же въ Берлинѣ предиринять крестовый походъ „кровью и желѣзомъ“ для окончательнаго искорененія „римской идеи“ въ Германіи, такъ что даже нарочно придумали вмѣсто стараго римскаго католичества, новое (книжное) „старокатоличество“, для отпору и противоположности. И не могли бы одни

только германскіе римскіе католики, сами по себѣ, до такой степени взволновать и озлобить противъ себя графа Бисмарка. Тутъ другое: тутъ именно, можетъ быть, тоже предчувствуется, что римская идея возродится опять и знамя ея подыметъ, именно, крайній Западъ Европы, — вотъ тотъ самый, откуда они вывели недавно послѣднихъ своихъ солдатъ... Впрочемъ, идею нашу мы не станемъ теперь развивать и подробно доказывать. Пусть останется она лишь предположеніемъ...

Насчетъ знамени — трехцвѣтнаго, французскаго, *республиканскаго* знамени, графъ Шамборскій еще ничего не рѣшилъ. Кажется, впрочемъ, ему былъ голосъ отъ папы, что надо бы согласиться, не упрямиться, уступить. Онъ ничего не рѣшилъ, но есть слухи, что вотъ какъ будетъ: нація (національное собраніе) явится къ нему вручать корону и объ знамени не скажетъ ни слова, и вотъ тутъ-то онъ возьметъ и *подаритъ* Франціи *самъ* столь дорогое ей трехцвѣтное ея знамя, въ видѣ милости на радостяхъ. Объ конституціи онъ выразился, что если старую хартію (1814 г.), съ которою уже разъ приходили бурбоны (т. е. былъ уже прецедентъ) поизмѣнить капельку сообразно теперешнимъ обстоятельствамъ, то, кажется, этого будетъ довольно. Разумѣется, въ такомъ случаѣ всеобщая подача голосовъ, столь дорогая французамъ (впрочемъ, неизвѣстно почему; ибо болѣе нелѣпаго изобрѣтенія, конечно, никто не можетъ указать даже изъ всѣхъ нелѣпостей, бывшихъ въ нашемъ вѣкѣ во Франціи)—устраняется. Но до Франціи какое ему дѣло? Сомнѣнія нѣтъ, что графъ Шамборскій возвращается во Францію съ самою святою увѣренностью осчастливить ее и вѣрить, что осчастливить; но возвращеніе его чрезвычайно похоже, въ мечтахъ его, какъ бы на возвращеніе благодѣтельнаго помѣщика въ свою деревню.

О, онъ не допуститъ ихъ стать на колѣни. Т. е. когда въ замкѣ Шамборѣ (слышно, что къ *тому времени* онъ хочетъ переѣхать въ Шамборѣ) національное собраніе, съ короной въ рукахъ, начнетъ умолять его „возвратить себя Франціи“, то ужъ, разумѣется, онъ не дастъ имъ стать на колѣни. Онъ слишкомъ, слишкомъ понимаетъ свой вѣкъ! Но... если бѣ все-таки они обнаружили видѣ, что хотятъ будто бы склонить колѣна, то это было бы вовсе недурно. А ужъ въ благодарность онъ ихъ тотчасъ же ни за что и не допуститъ, такъ что, какъ будто бы они и не начи-

нали становиться. За то ужъ навѣрно, въ тиши Фрошдорфа, невинному воображенію графа не разъ мечталось въ послѣднее время, что когда онъ вѣдетъ въ Парижъ, на бѣломъ конѣ, то парижанки будутъ бросать дѣвѣты, а народъ бросится цѣловать копыта его лошади. Тутъ ужъ онъ даже и не остановитъ и все допустить, ибо это лишь натурально, и дѣлаетъ только честь обѣимъ сторонамъ. Цѣлуютъ же копыта коня другого Бурбона, его родственника, претендента испанскаго, Донъ-Карлоса. Тамъ, дѣйствительно, это случалось уже нѣсколько разъ, въ деревняхъ...

Кто же можетъ, однако, прежде всѣхъ этому помѣшать, всѣмъ этимъ вѣздамъ и другимъ фантастическимъ картинамъ, ожидаемымъ въ столь близкомъ будущемъ? Разумѣется, послѣ такого вопроса на первомъ планѣ тотчасъ же является фигура стараго маршала Макъ-Магона, о которомъ мы уже и начали было говорить. Но прежде чѣмъ заговорить снова, упомянемъ объ одномъ чрезвычайномъ политическомъ обстоятельстве, о которомъ доселѣ, кажется, никто еще не сказалъ ни слова въ Европѣ, хотя оно продолжается уже три мѣсяца съ половиною, и на которое, такимъ образомъ, *Гражданинъ* укажетъ первый. Вотъ въ чемъ оно состоитъ.

Маршалъ Макъ-Магонъ, „старый маршалъ“, „честный маршалъ“, „храбрый маршалъ“, „честный старый солдатъ“ и т. д., и т. д. до самаго 24 мая сего года былъ, конечно, всѣмъ извѣстнымъ въ Европѣ лицомъ, но только съ одной, весьма ограниченной стороны. Онъ служилъ, онъ дрался, онъ отличился, и когда надо было, объ немъ всегда объявляли въ газетахъ, но ровно столько же, сколько и о другихъ служившихъ и отличившихся маршалахъ. Даже и менѣе, чѣмъ о другихъ: Базенъ, напримѣръ, былъ всегда болѣе его извѣстнымъ, а послѣ франко-прусской войны, въ которой онъ такъ отличился, имя его стало уже *чрезвычайно* извѣстнымъ, — напримѣръ, теперь, когда готовится его окончательный процессъ въ Трианонѣ, заранѣе волнующій Европу и Америку, чуть не пуце вѣнской всемірной выставки или путешествія шаха, о которомъ, къ слову сказать, такъ вдругъ всѣ и забыли (да, когда, въ самомъ дѣлѣ, было путешествіе шаха — десять лѣтъ назадъ, не правда ли?) И вотъ, вдругъ, столь много и столь обыкновенно извѣстный маршалъ Макъ-Магонъ, съ 24-го мая, т. е. съ выборомъ его въ президенты Французской

республики на мѣсто Тьера—становится *необыкновенно* извѣстнымъ, громадно, колоссально извѣстнымъ. Извѣстность эта продолжается уже почти 4 мѣсяца. И вотъ, во все это время, съ самаго перваго и до самаго послѣдняго сегодняшняго дня, всѣ газеты всего міра, а французскія по преимуществу, взапуски принялись называть маршала всѣми тѣми прозвищами, которыя мы выписали нѣсколько строкъ выше: „старый маршалъ“, „честный маршалъ“, „храбрый маршалъ“, „честный и старый солдатъ“ и проч. Всего болѣе упирали на два слова, „честный и храбрый“, и всего чаще повторяли ихъ. Ничего бы, кажется, не могло быть лестнѣе для стараго, храбраго солдата; а между тѣмъ, въ томъ-то и дѣло, что навѣрно вышло наоборотъ. Тутъ всегда являлось какъ бы какое-то коварство,—самое, впрочемъ, невольное, почти нечаянное и неизбѣжное, а между тѣмъ, точно всѣ сговорились. Именно всѣ эти прекрасные эпитеты,—„честный, храбрый“ и т. д. появились какъ бы для того только, чтобъ избѣжать слова: „умный“! И всегда это какъ будто именно точь въ точь такъ и было. Да, кажется, и дѣйствительно такъ было. Ни разу не было сказано: „нашъ умный маршалъ, нашъ дальновидный маршалъ“. И всегда это говорилось какъ нарочно съ самую искреннею, т. е. съ самую обидною наивностью, а стало быть, и — яспостью. Именно, когда хвалили другихъ за политическій умъ, за дальновидность, или разбирали путаницу предстоящихъ труднѣйшихъ событій — всегда тутъ-то какъ разъ: „честный маршалъ“, „храбрый, честный солдатъ“; на него будетъ можно понадѣяться. Работать-то, конечно, будетъ не онъ, а мы (да и не его ума это дѣло), но храбрый солдатъ намъ не измѣнить, честный солдатъ насъ сбережетъ, мы у него, какъ у Христа за пазухой, ну, а когда придетъ время, мы у него сбереженное-то и отберемъ, а ему откланяемся, и онъ будетъ этому очень радъ, потому что это „храбрый маршалъ“, „честный маршалъ“, „честный, храбрый старый солдатъ“!

Однимъ словомъ, мы твердо увѣрены, что какъ бы ни былъ маршалъ Макъ-Магонъ храбръ и честенъ, тѣмъ не менѣе ничего нѣтъ противнѣе для него, въ настоящее мгновеніе, какъ эти эпитеты храбрый, да честный. Тутъ немного надо знанія психологіи и вообще человѣка и особенно храбраго и честнаго солдата, чтобъ согласиться съ этимъ.

Мы опять и откровенно повторяемъ, что считаемъ этотъ, проявившійся съ 24 мая фактъ — чрезмѣрно важнымъ, но незамѣненнымъ доселѣ политическимъ обстоятельствомъ, и что уже, конечно, онъ повліяетъ даже на важнѣйшія дѣла Европы, можетъ быть, въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Ибо что, напримѣръ, было бы теперь всего пріятнѣе честному и храброму маршалу? Ужь, безъ сомнѣній, всего пріятнѣе было бы вдругъ и неожиданно доказать всей Европѣ и особенно Франціи, что онъ не только старый и честный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно-таки умный маршалъ. Это человекъ, кажется, прекрасный и безукоризненно благородный, но, кажется, тоже и молчаливый, то-есть изъ умѣющихъ молчать и таить про себя. Скажутъ, что это низко такъ обижаться, особенно на такомъ величавомъ мѣстѣ. Но вѣдь это совершенно бессознательно дѣлается и къ тому же — кто знаетъ? — можетъ быть, онъ даже и правъ, то-есть въ томъ, что онъ и дѣйствительно довольно-таки умный маршалъ. Нѣкоторые факты какъ бы уже намекаютъ на то. Сначала, разумѣется, то-есть сейчасъ послѣ 24-го мая, онъ не могъ очень высказаться, не доходило до слишкомъ важнаго; онъ только представлялъ собою какъ бы узелъ, связавшій несвязуемое, благодаря чему всѣ могли жить и кое-какъ двигаться. Но, вотъ, всѣ дѣйствительно стали жить и сильно двигаться. Партіи обнажились и обнажаются чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Явился Фрошдорфъ, а затѣмъ явились уже совершенно обозленные и остервенившіеся бонапартисты. Республиканцы всѣхъ отѣнковъ тоже ждутъ сдѣлать свой главный ударъ и заявить себя; не умѣютъ, по обыкновенію, но сильно ждутъ. Ну, что если національное собраніе дѣйствительно выберетъ Шамбора? Тогда честный солдатъ встанетъ, поклонится и отдастъ избранному вожжи въ руки? И вотъ намъ все болѣе и болѣе начинается казаться, что онъ сдѣлаетъ это только въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно *всего только честный солдатъ*. Напротивъ, намъ думается, что онъ непременно захочетъ показать свой умъ, доказать всей Европѣ, что именно онъ-то и можетъ выдумать что-нибудь гораздо поумнѣ избранія графа Шамборскаго. И, главное, имѣя въ рукахъ такую силу — войско! По-нашему, онъ даже именно поставленъ въ такое безвыходное положеніе, что непременно даже обязанъ выдумать самъ, своимъ умомъ, что-нибудь очень остроумное и оригинальное и не можетъ

ни за что сдѣлать иначе—подъ опасеніемъ остаться—и уже навѣки — „нашимъ старымъ солдатомъ, нашимъ честнымъ солдатомъ, нашимъ храбрымъ солдатомъ“, но—и только...

Но объ этомъ положеніи президента Франціи, о причинахъ этого положенія и обо всемъ, что касается почтеннаго маршала въ его отношеніяхъ къ современной минутѣ, мы поговоримъ особо въ будущей статьѣ; теперь же, кажется, и безъ того перешли указанные намъ редакціей предѣлы нашей статьи. Зато въ каждомъ № *Гражданина* неуклонно будемъ продолжать наше описаніе иностранныхъ событій, такъ что надѣмся по возможности не отстать отъ нихъ... Но кончая хронику, забѣжимъ впередъ и прочтемъ чрезвычайно важную недавнюю телеграмму изъ Берлина.

Берлинъ (24 сентября). На вчерашнемъ парадномъ обѣдѣ въ бѣлой залѣ берлинскаго дворца, императоръ Вильгельмъ провозгласилъ тостъ: «За здоровье моего брата и друга—короля итальянскаго», на что король Викторъ-Эммануиль отвѣтилъ тостомъ: «За здоровье моего друга, давняго союзника, его величества императора германскаго!»

«Князь Бисмаркъ прибудетъ въ Берлинъ сегодня, въ шесть часовъ вечера».

О королѣ итальянскомъ и о путешествіи его мы обѣщаемъ поговорить особенно обстоятельно, ибо событіе это одно изъ самыхъ важнѣйшихъ за весь, можетъ быть, нынѣшній годъ. Теперь же замѣтимъ только, опять-таки забѣгая впередъ, что король Викторъ-Эммануиль весьма не любитъ путешествовать. Это король-джентльменъ, простой, гордый и съ чрезвычайнымъ тактомъ. Онъ ни за что не бросилъ бы Италію, если бъ не самыя важныя соображенія. Разумѣется, всегда приято съ поспѣшностью увѣрять въ такихъ случаяхъ, что ничего нѣтъ политическаго; французскій послапникъ формально освѣдомлялся у итальянскаго правительства: „что, дескать, это значить, это путешествіе?“ и получилъ въ отвѣтъ, что это означаетъ горячія и дружескія чувства, которыя издавна питаютъ другъ къ другу оба монарха и проч., и проч. въ этомъ родѣ. На дипломатическомъ языкѣ это означаетъ точь-въ-точь: „вы слишкомъ любопытны-съ“. Да и дѣйствительно слишкомъ ужъ невинное любопытство отъ дипломата.

Зато рѣдко кому бывалъ такой восторженный пріемъ въ Берлинѣ, какъ итальянскому королю. Пріѣздъ его въ Берлинъ популяренъ и націоналенъ. Въ Вѣнѣ принимали хорошо, но все-таки не такъ, какъ въ Берлинѣ—и тому есть причины...

Изъ № 39 журн. „Гражданинъ“ 1873 г.

На этотъ разъ мы уступаемъ наше мѣсто въ *Гражданинѣ* другимъ обзорѣнямъ. Сообщимъ лишь замѣчательнѣйшія изъ политическихъ телеграммъ за прошедшую недѣлю.

— *Версаль*, 13-го (25-го) сентября. Сегодня происходило засѣданіе постоянной комиссіи національнаго собранія, въ которомъ ничего замѣчательнаго не произошло.

Затѣмъ происходило собраніе шестидесяти депутатовъ, принадлежавшихъ къ различнымъ подраздѣленіямъ консервативной партіи. На этомъ собраніи обсуждены были, одно за другимъ, всѣ прешпективія, которыя еще представляются къ возобновленію монархіи. По всѣмъ вопросамъ состоялось полное согласіе между присутствующими.

— *Парижъ*, 13-го (25-го) сентября. Официальная телеграмма, полученная изъ Испаніи, сообщаетъ, что всѣ шайки карлистовъ, осаждавшія Толосу, бѣжали, видя приближеніе правительственныхъ войскъ подъ начальствомъ Моріонеса. Моріонесъ вступилъ въ Толосу.

— *Берлинъ*, 14-го (26-го) сентября. Сегодня въ 10 часовъ вечера король итальянскій выѣзжаетъ изъ Берлина въ Италію.

Вчера князь Бисмаркъ посѣтилъ итальянскихъ министровъ во дворцѣ, и имѣлъ съ ними продолжительное совѣщаніе.

— *Парижъ*, 15-го (27-го) сентября. Бюро поддѣленій правой стороны будутъ имѣть засѣданіе 22-го сентября (4-го октября), для составленія программы, которая будетъ представлена на одобреніе съѣзда членовъ національнаго собранія, 27-го сентября (9-го окт.). Если съѣздъ одобритъ эту программу, то отъ имени его будетъ отправленъ графу Шамбору адресъ до открытія засѣданій національнаго собранія. Въ этомъ адресѣ будутъ изложены окончательныя и рѣшительныя условія приверженцевъ возобновленія монархіи во Франціи.

Принцъ Наполеонъ присоединился къ союзу республиканцевъ съ бонапартистами, предложенному радикальною газетою «*Avenir National*!»

Завтра въ Перигѣ дается банкетъ въ честь Гамбетты.

— *Берлинъ*, 14-го (26-го) сентября, ночью. Король итальянскій выѣхалъ сегодня въ десять часовъ вечера по герлицкой желѣзной дорогѣ. На станціи этой дороги онъ простился самымъ сердечнымъ

образомъ съ императоромъ Вильгельмомъ. Оба государя поцѣловались, обнялись. Прощаніе короля съ наслѣднымъ принцемъ и принцемъ Карломъ было самое дружественное. Станція желѣзной дороги была освѣщена бенгальскими огнями; несмѣтная толпа народа провожала короля Виктора-Эммануила сочувственными возгласами.

— *Парижъ*, 16-го (28-го) сентября. Газета *République Française* отвергаетъ союзъ съ бонапартистами, говоря, что республиканцы не желаютъ имѣть ничего общаго ни со сторонниками Бурбоновъ, ни съ приверженцами имперіи.

— *Мадридъ*, 15-го (27-го) сентября. Инсургентскіе фрегаты «Нумансія» и «Мендець-Пунецъ» бомбардировали 14-го (26-го) сентября городъ Аликанте въ продолженіе семи часовъ. Городъ сильно пострадалъ отъ бомбардировки, но защищался мужественно и нанесъ такія поврежденія судамъ инсургентовъ, что заставилъ ихъ удалиться.

— *Парижъ*, 17-го (29-го) сентября, вечеромъ. Въ рѣчи, произнесенной вчера въ Перигѣ на банкетѣ, Гамбетта утверждалъ, что Франція, отвергая наслѣдственную монархію, желаетъ, чтобъ была окончательно провозглашена республика вновь избраннымъ національнымъ собраніемъ.

Парижъ, 18-го (30-го) сентября. По позднѣйшимъ извѣстіямъ оказывается, что слова, приписанныя Гамбеттѣ на обѣдѣ въ Перигѣ, составляютъ только впечатлѣніе, вынесенное однимъ корреспондентомъ изъ разговоровъ, происходившихъ между нимъ и Гамбеттою.

— *Версаль*, 18-го (30-го) сентября. Въ *Официальномъ Журналѣ* напечатаны декреты о немедленномъ сформированіи 18-ти армейскихъ корпусовъ. Эти корпуса впоследствии будутъ расположены въ 18-ти округахъ, на которые будетъ раздѣлена Франція. Съ тѣмъ вмѣстѣ, декретами назначены и командиры корпусовъ, въ числѣ которыхъ находятся генералы: Кленшанъ, герцогъ Омальскій, Дюкро, Бурбаки и Орель де-Паладинъ. Обнародованы также декреты о формированіи новыхъ полковъ. Всего будетъ 144 полка пѣхоты, 70 полковъ кавалеріи, 38 полковъ артиллеріи. Распредѣленіе Франціи на 18 округовъ еще не окончательно рѣшено.

— *Парижъ*, 18-го (30-го) сентября. Письмо графа Шамбора къ двумъ депутатамъ департамента Геро съ негодованіемъ отвергаетъ исполненныя клеветы обвиненія радикаловъ и высказываетъ либеральныя и примирительныя намѣренія. Макъ-Магонъ принималъ графа Арнима и турецкаго посла. Князь Сербскій уѣзжаетъ сегодня вечеромъ и на пути осматривъ лагерь въ Буржѣ.

— *Парижъ*, 19-го сентября (1-го октября), вечеромъ. Въ рѣчи, произнесенной въ Перигѣ, Гамбетта выразился, что республика вышла бы побѣдительницей изъ борьбы съ Германією, если бы монархисты не предпочли заключить миръ. Мѣстные власти запретили продажу на улицахъ газеты *Républicain de Dordogne*, въ которой напечатана рѣчь Гамбетты.

Тьеръ выѣхалъ изъ Лозанны и возвращается въ Парижъ.

— *Парижъ*, 20-го сентября (2-го октября). Сегодня утромъ Тьеръ прибылъ въ Парижъ. *Женевскій Журналъ* утверждаетъ, что отъѣздъ Тьера изъ Швейцаріи ускорился вслѣдствіе писемъ, полученныхъ имъ изъ Парижа, въ которыхъ просили его поспѣшить возвращеніемъ.

Въ слѣдующемъ номерѣ мы упомянемъ о значеніи всѣхъ этихъ главнѣйшихъ телеграммъ изъ Европы въ

подробности. Теперь же скажемъ лишь нѣсколько словъ. Всего болѣе извѣстій изъ Парижа,—точно самые малѣйшіе факты изъ Франціи имѣютъ для Европы гораздо болѣе значенія, чѣмъ весьма крупныя изъ другихъ земель. Горячка торжествующей партіи продолжается. Постоянная коммиссія національнаго собранія, замѣняющая собою все національное собраніе въ его отсутствіе, собирается вяло, и, какъ гласитъ телеграмма отъ 13-го сентября, въ послѣднее засѣданіе ея ничего замѣчательнаго не произошло. Она какъ бы игнорируетъ теперешнее движеніе главной партіи въ пользу возстановленія Бурбоновъ. Между тѣмъ она сама, въ большинствѣ, состоитъ изъ тѣхъ же монархистовъ. Зато засѣданія отдѣленій правой стороны всѣхъ отѣнковъ полны огня и тревоги. Реставрація Шамбора рѣшена, главные толки идутъ все о знамени, трехцвѣтномъ или бѣломъ,—т. е. о самомъ важномъ вопросѣ во всемъ этомъ дѣлѣ. Трехцвѣтное знамя есть признаніе такъ - называемыхъ принциповъ 89 года. Бѣлое знамя—отказъ отъ исторіи и возвращеніе къ временамъ Людовика XIV. Впрочемъ, монархисты все въ той же полной надеждѣ. Подтверждаются свѣдѣнія, что въ Римѣ непременно берутся уговорить графа Шамборскаго на трехцвѣтное знамя. Какъ мы говорили въ прошлый разъ—полнѣйшее убѣжденіе всей партіи, что все дѣло устроится однимъ лишь рѣшеніемъ національнаго собранія—продолжается. О народѣ и войскѣ какъ бы никто и не думаетъ. Подобная, почти слѣпая увѣренность партіи могла бы намекать на таинственную поддержку со стороны маршала Макъ-Магона.

Между тѣмъ во всѣхъ другихъ французскихъ партіяхъ обнаруживается все болѣе и болѣе разладъ и какъ бы страхъ передъ приготовленіями монархистовъ. Пишутъ о многихъ случаяхъ измѣнъ и переходовъ. Иные республиканцы прибѣгаютъ къ бонапартистамъ (какъ, примѣръ, газета *Avenir National*) подъ предлогомъ союза бонапартистовъ съ республиканцами. Въ сущности, вмѣсто того, чтобъ соединиться, бонапартисты и республиканцы лишь упрекаютъ и въ чемъ-то стыдятъ другъ друга. Республиканскіе вожди ведутъ себя загадочно—всего вѣроятнѣе, просто не знаютъ, какъ приняться за дѣло.

Гамбетта, объѣзжая часть Франціи, не знаетъ, говорить ему или не говорить на банкетахъ. Тьеръ возвращается въ Парижъ, чтобы „начать дѣйствовать“, и, можетъ быть,

и впрямь нѣсколько поздно. Между тѣмъ газеты въ Берлинѣ, говоря о посѣщеніи Берлина королемъ итальянскимъ, прямо подтверждаютъ о союзѣ державъ, противъ „безпокойныхъ движеній иныхъ націй“, т. е., конечно, говорятъ о Франціи и о возможности возрожденія католической идеи, о чемъ мы говорили въ прошломъ № *Гражданина*. Изъ телеграммъ видно тоже, что и Франція сильно занимается вооруженіемъ и переформированіемъ своихъ войскъ.

Правительство Кастелъара начало борьбу съ врагами республики повидимому довольно энергично, но покамѣстъ этимъ свѣдѣніямъ вѣрить много нечего. Есть извѣстія о сильныхъ ударахъ, будто бы нанесенныхъ Донъ-Карлосу; но извѣстія эти пока лишь изъ Мадрида. Правда, собраніе кортесовъ открыло новому правительству Кастелъара большія средства (денежныя и право поднять значительную армію). Кромѣ того возстановленъ военный законъ, т. е. смертная казнь за преступленія противъ дисциплины, но все это, надо полагать, пребываетъ болѣе, такъ сказать, на бумагѣ; да и не такъ скоро возстановляется совершенно упавшая дисциплина. Между тѣмъ сепаратисты на югѣ совершаютъ страшныя злодѣйства. Эскадра города Картагены (осажденнаго правительствомъ) бомбардировала городъ Аликанте изъ грабежа, чтобъ вытребовать отъ Аликанте денегъ и провіанту. Злодѣйство совершилось въ виду эскадръ прусской, французской и англійской. Одна прусская хотѣла было помѣшать гнуснымъ разбойникамъ; но удержалась въ виду бездѣйствія французской и англійской эскадръ, рѣшившихъ остаться нейтральными. Несчастные жители Аликанте телеграфировали, однако, лорду Гренвилю, умоляя о помощи; но согласія на помощь не послѣдовало—трудно представить, по какимъ соображеніямъ. Пусть это испанское правительство наказывало бы какой-нибудь изъ своихъ возмущившихся городовъ; но эти разбойники, конечно, для правительствъ Франціи и Англій—лишь совсѣмъ неизвѣстные люди. И нравственный, и всякій другой законъ даже обязываютъ посторонняго помѣшать явному и гнуснѣйшему злодѣйству, если оно происходитъ въ его глазахъ и если онъ въ силахъ оказать помощь.

Городъ Аликанте, оставленный собственнымъ средствамъ, отвѣчалъ, однако, на бомбардировку изъ своихъ орудій чрезвычайно энергично, такъ что два разбойничьихъ ко-

рабля, „Мендець“ и „Нумансія“ сильно потерпѣли и должны были воротиться назадъ въ Картагену ни съ чѣмъ. По поводу этого злодѣйства испанское правительство снова пламенно и краснорѣчиво выразилось, что оно вполне сознаетъ необходимость подавить мятежъ сепаратистовъ. Еще бы не сознавать такую необходимость!

На югѣ Испаніи разбойничаютъ коммунисты, на сѣверѣ—клерикалы. Нѣкоторые экономисты убѣждены, что такая разнохарактерность мятежа произошла оттого, что на сѣверѣ земля раздроблена между огромнымъ количествомъ мелкихъ собственниковъ (оттого консерватизмъ, Донъ-Карлосъ). Югъ же страны состоитъ почти весь изъ крупной земельной собственности, а народъ почти всѣмъ лишень земельного надѣла—оттого пролетаріатъ, коммунизмъ, желаніе захватить собственность силой и подѣлить ее межъ собою. Что коммунизмъ играетъ огромную роль въ теперешнемъ мятежѣ юга Испаніи—то несомнѣнно.

Мы приглашаемъ нашихъ читателей обратить вниманіе на напечатанную въ нынѣшнемъ № *Гражданина* статью нашего сотрудника Z. Z.: *О борьбѣ государства съ церковью въ Германіи*. Это—продолженіе напечатаннаго подъ тѣмъ же заглавіемъ еще въ 34 № *Гражданина* и сообщаетъ послѣднія извѣстія объ этой роковой борьбѣ. Хотя въ настоящую минуту политическій интересъ, повидимому, сосредоточенъ на другой окраинѣ Европы, но статья нашего сотрудника касается именно того главнаго, основнаго пункта, на которомъ въ наше время какъ бы колеблется вся политическая будущность Европы. Тутъ не только борьба римскаго католичества и римской идеи всемірнаго владычества, которая умереть не хочетъ, не можетъ и умереть развѣ съ кончиною міра, — но, въ зародышѣ, и борьба вѣры съ атеизмомъ, борьба христіанскаго начала съ новымъ грядущимъ началомъ новаго грядущаго общества, мечтающаго поставить свой престолъ на мѣстѣ престола Божія. Князь Бисмаркъ, конечно, не исполнилъ про то вѣдая, какъ бы подаетъ, своимъ презрительнымъ и деспотическимъ отношеніемъ къ церкви въ новой колоссальной Имперіи, основанію которой столь способствовалъ политикою „крови и желѣза“—руку свою *новымъ людямъ*, атеистамъ и социалистамъ! Припомните опять изреченіе, приписываемое графу Шамборскому о настойчивомъ князѣ: „Его надо оставить въ покоѣ и онъ самъ разрушитъ свое твореніе“. Должно думать, что это *колоссальное* изреченіе сказано было графомъ Шамборскимъ тоже нѣсколько бессознательно, по крайней мѣрѣ, въ какомъ-нибудь болѣе тѣсномъ политическомъ смыслѣ. Все не вѣрится какъ-то, судя по фактамъ, что такія мысли тоже могутъ заходить въ голову графа Шамборскаго.

Мы опять помѣщаемъ ниже массу политическихъ телеграммъ изъ Европы, за всю недѣлю, и опять-таки почти все онѣ изъ Парижа. Неоспоримо то, что въ Европѣ, вотъ уже скоро сто лѣтъ, все *начинается съ Франціи* и, кажется, долго еще такъ будетъ продолжаться. Этому есть свои причины. Впрочемъ, несмотря на обиліе телеграммъ—новаго и рѣшительнаго еще не много. Мы остановились на путешествіи короля итальянскаго въ Вѣну и Берлинъ, вызвавшемъ такой восторгъ и въ нѣмцахъ, и въ итальянцахъ. Король уже съ недѣлю какъ возвратился въ Италию, нанутетвуемый горячими изъявленіями дружбы императора германскаго и его фамиліи, и, возложивъ, въ свою очередь, орденъ Анусіады (дающій титулъ *двоюроднаго брата короля*) на старшаго сына германскаго наслѣднаго принца, на фельдмаршала Мольтке и на министра-президента Роона. Князь Бисмаркъ, уже имѣющій этотъ орденъ, получилъ изъ рукъ короля его акварельный портретъ. Телеграмма гласитъ, что въ Римѣ, 21 сентября, т.-е. въ годовщину народнаго голосованія, присоединившаго Церковную Область къ королевству Итальянскому, устроена была восторженнымъ народомъ иллюминація и горѣлъ транспарантъ, изображавшій императоровъ австрійскаго и германскаго и короля итальянскаго, подающихъ другъ другу руки. Такимъ образомъ, итальянцы вполне и съ удовольствіемъ сознаютъ, что порвали надолго свои древнія (католическія) связи съ крайнимъ Западомъ Европы и пристали къ началу германскому (протестантскому). Во всякомъ случаѣ, политическое обезпеченіе юнаго итальянскаго королевства устроилось, на время, довольно крѣпко. Разставшись навѣки съ колоссальной римской идеей всемірнаго владычества папы, унаслѣдованной прямо отъ идеи всемірнаго владычества древняго Рима, итальянцы смотрятъ теперь, хотя и безмѣрно уменьшеннымъ взглядомъ, на судьбы свои, но зато позитивно и матеріально, и несмотря на прозаичность занятія, неуклонно хлопочутъ устроить свое будущее мѣщанское счастье подъ знаменемъ Италіи, соединенной во единое конституціонное королевство. Очень можетъ быть, что они избрали благую часть. Тутъ все зависитъ отъ народнаго генія и во сколько онъ самъ цѣнитъ и сознаетъ себя. При этомъ какъ бы бросается въ глаза, хотя и нѣсколько страшная, но и не совѣмъ отдаленная аналогія между современными итальянцами и новыми союзниками ихъ, германцами. Эти честные граж-

дане, восторженно смотрѣвшіе на вышеупомянутый транспарантъ, тоже какъ бы принесли въ жертву часть своего религіознаго чувства и вѣрованія, порѣшивъ со своимъ папой, въ видахъ укрѣпленія своего новенькаго итальянскаго королевства,—какъ и германцы, восторженно аплодирующие теперь, и въ тѣхъ же видахъ укрѣпленія своей новой колоссальной имперіи, — новымъ церковнымъ закономъ князя Бисмарка.

Разсматривая всѣ парижскія телеграммы, невольно приходишь къ одному неизбѣжному выводу: именно, что республикѣ во Франціи, кажется, приходитъ послѣдній конецъ. То-есть не то что нынѣшней республикѣ, не самому ея „принципу“. И если въ этотъ разъ она не отстоитъ себя противъ Шамбора, то, можетъ-быть, никогда уже не возобновится во Франціи. Впрочемъ, тутъ и не Шамборъ; графу Шамборскому,—хоть и трудно это предположить,—можетъ-быть, и не удастся стать королемъ. Но республикѣ все-таки нельзя существовать болѣе, ибо отъ нея во Франціи, кажется, всѣ устали. Да и что такое, напримѣръ, *Тьерова* республика, у которой наиболѣе приверженцевъ изъ всей французской республиканской партіи? Это нѣчто совершенно отрицательное. Самъ Тьеръ формулировалъ неоднократно свою республику тѣмъ, что она „необходима, главное, потому, что ни одно изъ другихъ правительствъ и ни одна изъ другихъ партій во Франціи теперь невозможны“. Такое отрицательное достоинство вовсе не можетъ успокоить усталую Францію, жаждущую порядка во что бы ни стало и силы, чтобы поддержать его. И тѣмъ болѣе, что эта отрицательная и будто бы единственно возможная форма правительства въ теперешней Франціи—вовсе не устраиваетъ другія партіи; напротивъ, дразнитъ и раздражаетъ ихъ именно своею отрицательностію; ибо каждая другая партія, напротивъ, увѣрена, что несетъ съ собою нѣчто положительное и окончательное для Франціи въ сравненіи съ *отрицательной* республикой. Опредѣлять республику такъ, какъ опредѣляетъ ее Тьеръ, значить самому не вѣрить въ нее. Вотъ почему всякій французъ поневолѣ смотритъ на республику, какъ на нѣчто переходное, почти какъ на зло, болѣе или менѣе неизбѣжное. Такое положеніе нестерпимо и должно пасть само собою. Оно еще могло существовать съ Тьеромъ во главѣ, ибо Тьеръ былъ сила; тѣмъ болѣе, что все дѣло было въ Тьерѣ, а вовсе не въ его

республикѣ. Но теперь и Тьеръ уже не сила. Самъ онъ, конечно, еще не замѣчаетъ того; вѣдь такъ еще недавно онъ стоялъ во главѣ Франціи! Но пока онъ ждалъ и собирался — минута ушла навѣки. Безъ сомнѣнія, ему будетъ величайшимъ сюрпризомъ вдругъ теперь узнать, что онъ — всего только великое историческое лицо, окончательно сошедшее въ область исторіи, а затѣмъ уже и ничего больше. Кажется, онъ объ этомъ скоро узнаетъ.

Всего вѣроятнѣе, что не повѣритъ тому, но тѣмъ горше будетъ его разочарованіе. Нельзя же убѣдиться такъ вдругъ въ своей совершенной ненужности. Теперь онъ возвратился въ Парижъ (изъ Женева), и уже серьезно собирается дѣйствовать: слишкомъ долго продолжалась его прогулка. Онъ становится во главѣ оппозиціи большинству національнаго собранія и собирается предводительствовать, въ виду близкой катастрофы провозглашенія Франціи королевствомъ — во-первыхъ, лѣвымъ центромъ, любимымъ мѣстомъ Тьера въ палатѣ, во-вторыхъ, по возможности всей лѣвой стороной праваго центра, и въ-третьихъ, — по возможности всей лѣвой стороной собранія. Эта возможность подчиненія Тьеру, на время, всей лѣвой стороны собранія, кажется, осуществима. Слышно, что крайняя лѣвая уже прислала сказать ему, что спорить не будетъ и избираетъ его въ предводители. Хоть и нигдѣ о томъ не пишутъ, но намъ кажется, что въ этомъ рѣшеніи крайней лѣвой чувствуется ловкая рука умнаго Гамбетты. Но навѣрно всѣ эти приготовления не увѣяются успѣхомъ: въ роковой моментъ не только многіе депутаты изъ центровъ, но даже и изъ лѣвой стороны не *помянутъ* не подать голоса за графа Шамборскаго, если дѣло начнется и кончится, какъ предполагаютъ всѣ до сихъ поръ, однимъ рѣшеніемъ національнаго собранія. Врядъ ли даже, въ такомъ случаѣ, и дойдетъ до дебатовъ въ собраніи: легитимисты дерзки, рѣшатъ нахально, насильно и даже, можетъ-быть, самому Тьеру не дадутъ говорить (а онъ навѣрно уже приготовляетъ удивительную рѣчь). Легитимисты уже теперь гласно и открыто говорятъ и пишутъ, что національное собраніе, въ тотъ роковой день, должно быть окружено войскомъ. О маршаль-президентѣ попрежнему никто не думаетъ, и легитимисты совершенно увѣрены въ его послушаніи. Ну, что если въ самомъ дѣлѣ онъ всего *только честный солдатъ*? Тогда графъ Шамборскій, конечно, во-

царится... на нѣсколько дней. Приверженцы его и знать не хотятъ, что будетъ на завтра послѣ воцаренья; имъ бы только теперь-то мѣсто занять. Характерно изреченіе самого графа Шамборскаго. Онъ писалъ одному депутату, что „не можетъ представить себя королемъ какой-нибудь партіи“. Чѣмъ же онъ воображаетъ себя послѣ этого?

Въ Испаніи ничего лучшаго, даже худшее. Изъ Мадрида хвалятся, что донъ-Карлосъ чуть не совсѣмъ уничтоженъ; но навѣрно въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей правды. На югѣ Испаніи дѣла все хуже и хуже, а подѣ Картагенной правительственныя войска перебѣгаютъ къ инсургентамъ. вмѣсто ста милліоновъ правительственный заемъ осуществилъ лишь всего десять милліоновъ реаловъ. Рѣшили достать деньги во что бы то ни стало контрибуціями и налогами. Въ собраніи кортесовъ разладъ, и огромная часть ихъ оставляетъ совсѣмъ правительство. Вѣроятно, провозгласится много новыхъ pronunciamento...

Телеграммы съ 20-го по 27-е сентября.

— *Парижъ*, 20-го сентября (2-го октября). Сегодня утромъ герцогъ Немурскій отправился изъ Парижа въ Фрошдорфъ.

Терь, въ письмѣ къ меру города Нанси, окончательно отклонилъ приглашеніе прибыть въ Нанси на банкетъ, который предполагали дать въ честь его.

Правительство запретило продажу на улицахъ газеты «Siècle» за напечатаніе въ ней рѣчи, произнесенной Гамбетой въ Перигѣ.

— *Римъ*, 21-го сентября (3-го октября). Вчера вечеромъ, по случаю годовщины народнаго голосованія, присоединившаго Церковную Область къ Королевству Итальянскому, устроена была иллюминація на Монти. Выставленъ былъ большой транспарантъ, на которомъ изображены были императоры германскій и австрійскій и король итальянскій, подающие другъ другу руки. Музыка играла народные гимны: итальянскій, германскій и австрійскій.

— *Парижъ*, 21-го сентября (3-го октября), вечеромъ. Значительная часть членовъ лѣвой стороны посѣтила Тьера, по его приездѣ въ Парижъ.

Съ, президентъ партіи лѣваго центра, пригласилъ циркуляромъ членовъ этой партіи собраться 11-го (23-го) октября, чтобы согласиться между собою относительно образа дѣйствій въ пользу консервативной республики.

Слухъ о созваніи національнаго собранія ранѣе предполагаемаго времени оказывается неосновательнымъ.

Вчера члены лѣвой стороны національнаго собранія постановили приступить къ союзу всѣхъ депутатовъ, рѣшившихся подать свой голосъ противъ возстановленія монархіи.

— *Парижъ*, 21-го сентября (3-го октября), вечеромъ. Въ «Mémorial Diplomatique» сообщаютъ, что послѣдовало окончательно согла-

шеніе между правою стороною и партіей праваго центра относительно программы, которую обѣ партіи намѣрены привести въ исполненіе немедленно по открытіи засѣданій Національнаго Собранія. Программа эта состоитъ изъ слѣдующихъ пяти пунктовъ: 1) возстановленіе королевства во Франціи; 2) установленіе конституціоннаго парламентарнаго правительства; 3) пересмотръ избирательнаго закона; 4) принятіе трехцвѣтнаго знамени, съ присовокупленіемъ къ нему эмблемы, напоминающей собою древнее королевское знамя Франціи; 5) немедленное назначеніе намѣстника королевства.

— *Берлинъ*, 22-го сентября (4-го октября). Принесеніе старокатолическимъ епископомъ Рейнкенсомъ присяги королю и государству послѣдуетъ въ Берлинѣ 25-го сентября (7-го октября).

— *Парижъ*, 22-го сентября (4-го октября). Въ письмѣ, напечатанномъ въ газетахъ, Тьеръ объявляетъ, что не пойдетъ въ Нанси, чтобы не дать повода къ новой клеветѣ и къ новымъ волненіямъ во Франціи. Въ письмѣ своемъ, Тьеръ встаетъ противъ партіи, которая безъ уполномочія на то, безъ власти, во время закрытія засѣданій Національнаго Собранія, присвоиваетъ себѣ право располагать Франціею, не спросивъ страны. Тьеръ объявляетъ, что необходимо защитить республику, которая одна можетъ примирить всѣ партіи, необходимо защитить принципы 1789 года, трехцвѣтное знамя и свободныя учрежденія, которымъ она служить эмблемою. Тьеръ совѣтуетъ всѣмъ быть сдержанными, чтобы избѣжать всякаго волненія.

— *Парижъ*, 23-го сентября (5-го октября). Вчера въ собраніи депутатовъ правой стороны избрана специальная коммисія для составленія программы дѣйствія, общей всѣмъ группамъ правой стороны. Членами этой коммисіи избраны: Шангарнье, Одиффре-Пакье, Ларси, Комбье, Дарю. Въ собраніи заявлено, что между всѣми группами правой стороны состоялось полное соглашеніе.

— *Парижъ*, 23-го сентября (5-го октября), вечеромъ. «Union» подтверждаетъ, что по вопросу о трехцвѣтномъ знамени еще не состоялось соглашенія среди роялистовъ. Коммисія правой стороны, назначенная вчера, представить свои предложенія 9-го (21-го) октября.

Проектъ созванія Національнаго Собранія ранѣе срока окончательно оставить.

Ремюза согласился выступить кандидатомъ отъ республиканской партіи на выборахъ въ Тулузѣ.

— *Парижъ*, 24-го сентября (6-го октября). Сегодня начался въ Трианонѣ процессъ маршала Базена. Засѣданіе суда началось въ четверть перваго часа пополудни. Стеченіе публики было громадное. Базень, на вопросы, сдѣланные ему президентомъ суда, герцогомъ Омальскимъ, объявилъ свое имя и чинъ.

— *Парижъ*, 24-го сентября (6-го октября), вечеромъ. Въ сегодняшнемъ засѣданіи военнаго суда надъ маршаломъ Базеномъ, послѣ отвѣта его на вопросы президента обѣ его имени, началось чтеніе генераломъ Ривверомъ обвинительнаго акта. Въ началѣ этого акта Базень обвиняется въ томъ, что не оказалъ помощи генералу Фроссару, когда тотъ былъ атакованъ превосходными силами непріятели. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что Базень не намѣревался серьезнымъ образомъ выйтись изъ Меца. Чтеніе обвинительнаго акта будетъ продолжаться въ завтрашнемъ засѣданіи. Въ сегодняшнемъ засѣданіи не произошло ничего особеннаго. Базень слушалъ чтеніе обвиненія спокойно.

— *Парижъ*, 24-го сентября (6-го октября), вечеромъ. Вчера, на банкетѣ по случаю открытія желѣзной дороги, министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Бролли, отвѣчая на тостъ, вспомнилъ въ своей рѣчи о бывшемъ когда-то могуществѣ духовенства и объявилъ, что ничего подобнаго не можетъ быть въ настоящее время. «Какъ смѣшно, сказалъ министръ, опасаться восстановления законной власти духовенства, такъ и мечтательно было бы надѣяться на возвратъ ея прошлаго. Поэтому всякое правительство, которое будетъ установлено національнымъ собраніемъ для Франціи, оцѣнитъ какъ законныя требованія общества, такъ и угрожающія обществу опасности».

Рѣчь эта сопровождалась продолжительными и единодушными рукоплесканіями.

— *Берлинъ*, 25-го сентября (7-го октября), вечеромъ. Старокатолическій епископъ Рейнкенъ принесъ сегодня, въ полдень, присягу передъ министромъ духовныхъ дѣлъ, въ присутствіи приглашенныхъ имъ и извѣстныхъ ему свидѣтелей. Въ формулѣ присяги, по возможности приближающейся къ бывшей донынѣ присягѣ католическихъ епископовъ, исключены всѣ тѣ мѣста, на основаніи которыхъ епископы доказывали, что присяга ихъ сохраняетъ свою силу исключительно настолько, насколько она не расходится съ предписаніями папы.

— *Познань*, 25-го сентября (7-го октября). Сегодня здѣшній судъ вновь приговорилъ познанскаго архіепископа, графа Ледоховскаго, за противозаконное опредѣленіе имъ къ должности духовнаго лица, къ денежному штрафу въ 600 талеровъ, или, въ случаѣ неуплаты его, къ заключенію въ тюрьмѣ на 4 мѣсяца. По слухамъ, оберъ-президенту познанской провинціи предписано потребовать у графа Ледоховскаго, чтобы онъ немедленно сложилъ съ себя санъ познанскаго архіепископа.

— *Мадридъ*, 24-го сентября (6-го октября), вечеромъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ, генералъ Моріонесъ, при Агасцукѣ, въ Наваррѣ, разбилъ карлистовъ, которыхъ онъ совершенно разсѣялъ, несмотря на сильныя позиціи, которыя они занимали. Моріонесъ энергически преслѣдуетъ разбитыхъ имъ карлистовъ.

Газета «*Français*» сообщаетъ, что Гарибальди пріѣдетъ въ Парижъ.

— *Римъ*, 26-го сентября (8-го октября). Слухъ о томъ, что будто бы итальянскій посланникъ въ Петербургѣ Белла-Карачіоли переведенъ въ Лондонъ, не вѣренъ. Также опровергается извѣстіе о происходившемъ будто бы совѣщаніи итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ съ прусскимъ принцемъ Карломъ въ Монцѣ.

— *Парижъ*, 26-го сентября (8-го октября), вечеромъ. Въ сегодняшнемъ засѣданіи военного суда надъ маршаломъ Базеномъ продолжалось чтеніе обвинительнаго акта. Перечисленіе французскихъ знаменъ, сданныхъ неприятелю, произвело сильное впечатлѣніе на присутствующихъ. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что маршалъ Базенъ поступилъ безчестно. Чтеніе обвинительнаго акта и относящихся къ дѣлу документовъ будетъ продолжаться въ четвергъ, пятницу и субботу. Допросъ свидѣтелей начнется въ понедѣльникъ, 1-го (13-го) октября.

Изъ № 41 журнала „Гражданинъ“ 1873 г.

Выписываемъ отзывъ англійской газеты „Daily News“ о теперешнихъ французскихъ событіяхъ.

„Есть признаки того, что во Франціи замышляется новый государственный переворотъ, тѣмъ болѣе незаконный, что онъ прикрывается парламентскими формами и парламентскими авторитетами. Между тѣмъ Версальское Собраніе никакъ не можетъ считаться парламентомъ. Оно перестало быть имъ съ той самой минуты, какъ, присвоивъ себѣ высшую правительственную отвѣтственность, лишило избирателей и страну всякой отвѣтственности. Теперь оно просто-напросто безотвѣтственная и независимая олигархія, удерживающая за собою власть посредствомъ злоупотребленія врученными ему полномочіями“.

И далѣе о графѣ Шамборскомъ:

„Претендентъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, человекъ честный, хотя заблуждающійся. Если есть пунктъ, по которому онъ ни за что не долженъ бы уступить, то это вопросъ о бѣломъ знамени... Говорятъ, впрочемъ, что сдѣлана оговорка о присоединеніи къ нему бѣлой ленты или пучка изъ бѣлыхъ перьевъ. Но къ чему символъ, когда упраздняется выражаемое имъ дѣло! Самъ графъ Шамборскій есть не болѣе какъ символъ. Въ традиціонной монархіи, эмблему которой онъ готовъ принести въ жертву, онъ не имѣетъ никакого значенія. Принимая революціонное знамя, онъ дѣлается или монархомъ, созданнымъ революціей, или соглашается на притворство... Принять конституцію не слишкомъ трудно; для этого довольно минуты, почерка пера; но быть вѣрнымъ конституціи всю жизнь, выполнять ее по буквѣ и по духу при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, выполнять въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ—вотъ задача, вотъ испы-

таніе, при которомъ графъ Шамборскій легко можетъ сбиться съ дороги, благодаря извѣстнымъ влияніямъ. Трудно передѣлать свою природу; воспитаніе, связи, привычки, вкоренившіяся убѣжденія должны осилить первоначальную рѣшимость, несмотря на искренность намѣренія... Будетъ ли графъ Шамборскій, измѣнившій самому себѣ, вѣрность Франціи? Мы не считаемъ его способнымъ къ коварству, но онъ обнаружилъ слабость, которая является соблазномъ и государственною опасностью... Собраніе можетъ только сдѣлать графа Шамборскаго королемъ собранія, но оно не въ силахъ укоренить его власть на французской почвѣ. Герцогъ Брольи и его друзья воображаютъ, будто то, что было возможно въ 1789 году, возможно еще и въ 1873 году. Они забываютъ цѣлое столѣтіе и общественный порядокъ, созданный этимъ столѣтіемъ во Франціи... Школа „историческихъ возстановителей“ (герцогъ Брольи—ея тишическій представитель) вся состоитъ изъ революціонеровъ-недантавъ, планы которыхъ—„устарѣлая новизна“. Это—антикваріи, а не консерваторы“...

Рядомъ со статьей *Daily News*, выписываемъ тоже въ отрывкахъ, нѣсколько чрезвычайно характерныхъ, а въ настоящую минуту и особенно замѣчательныхъ сужденій Луи-Велю, въ іезуитской газетѣ *Univers*, на ту же тему.

„Старые гугеноты, оставшіеся вѣрными Генриху IV, говорили когда-то, чтобъ извинить его отступничество отъ протестанства: „Парижъ стѣбитъ мессы (Paris vaut bien une messe)“. Около Генриха V толкутся теперь такіе же политиканы, и точно такъ же убѣждаютъ его, что „Парижъ стѣбитъ того, чтобъ немножко съякшаться съ революціей...“ Что до нихъ, то ничего имъ не кажется проще. Король, однако, другого мнѣнія. То, что надо сдѣлать, говоритъ онъ, не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ по желанію всѣхъ и съ помощью всѣхъ, подъ начальствомъ всѣми избраннаго предводителя. Я тотъ самый человекъ, который теперь все соединяетъ и всѣхъ менѣе разъединяетъ. Въ вашихъ же рукахъ я буду лишь похожъ на васъ, и тотчасъ же стану въ разладъ и съ вами, и съ самимъ собою.

Политиканы возражаютъ ему, что не народъ сдѣланъ для короля, а король для народа. Король отвѣчаетъ, что и онъ такъ же думаетъ, и что потому-то и не отказывается отъ труднаго королевскаго ремесла—родового ре-

месла своего; по что сами они—вовсе не народъ и вовсе не изображаютъ собою короля, и что если онъ отдастся въ руки ихъ партіи, то не исполнить своей обязанности ни предъ собою, ни предъ народомъ. Они опять возражаютъ; но король объявляетъ, наконецъ, что разговоръ пора кончить и что онъ не торгашъ.

„Вотъ въ какомъ состояніи теперь дѣло; король молчитъ и посѣтителі отходятъ ни съ чѣмъ. Теперь ясно, что Генрихъ V не измѣнилъ ни въ чемъ своей первоначальной программѣ. Тутъ не великодушіе, а убѣжденіе. Анархію нельзя ничѣмъ вылѣчить, кромѣ какъ монархіей—естественнымъ жребіемъ французовъ... Лишь одна монархія можетъ навѣки воскресить порядокъ во Франціи, всякая другая система правленія можетъ годиться только на время, даже и въ случаѣ успѣха. Лишь въ монархію Франція чувствовала себя совершенно свободно—точь-въ-точь какъ всякій здоровый человѣкъ, живущій по законамъ своего темперамента. Генрихъ V говоритъ: „Я много означаю и много могу, оставаясь вѣрнымъ принципу, которому служу представителемъ. Но вѣ этого принципа я—ничто, я теряю всякую силу что-нибудь совершить и ужъ, конечно, не пойду васъ тогда спасать. Вѣрностію моему принципу я излѣчу отравленную атмосферу, въ которой задыхается Франція; отказавшись отъ моего принципа—я тотчасъ же становлюсь одною изъ тѣхъ затычекъ, которыми вы вотъ уже сто лѣтъ затыкаете ваши прорѣхи, безиррывно мѣняя и отмѣняя ихъ. Оставайтесь съ г. Брולי, или возстаповите г. Тьера, или попробуйте, пожалуй, г. Гамбетту, а меня—оставьте въ покоѣ.

„Вы пугаетесь моего знамени; напрасно. Во всякомъ случаѣ, я не уступлю его и вы должны понять, что я въ этомъ правъ... Это не бравада, это не пустой капризь. Тутъ необходимость, даже съ одной политической точки зрѣнія... Это знамя есть символъ моего принципа. Когда вы всѣ его примете, я почувствую, что мы примирились и примирились искренно, что вы забыли ваши обиды и прощаете мнѣ все зло, которое мнѣ сдѣлали. Если бы я измѣнилъ моему знамени и взялъ бы ваше, вы не могли бы уважать меня. Вы бы все смотрѣли на меня, какъ побѣдители смотрятъ на побѣжденного. Вы бы поминутно вспоминали о крови предковъ моихъ, пролитой вами на эшафотѣ, а меня бы обвиняли поминутно, что это я о ней вспоминаю. Я требую лишь того, чего требуетъ

моя честь, а честь моя—ваша честь. Зачѣмъ хотите вы, чтобъ, восходя на тронъ, я имѣлъ видъ раскаявшагося грѣшника? Я ничего у васъ не просилъ, я никакой милости не просилъ; я вступаю на тронъ по моему праву, по вступаю не насиліемъ, не съ мечомъ въ рукѣ. Но такъ какъ мое право и ваша воля совпали вмѣстѣ, то и знамя, съ которымъ я возвращаюсь и которое вы до сихъ поръ такъ не любили,—съ этой минуты должно быть такъ же дорого и славно для васъ, какъ и для меня. Иначе и не можетъ быть. При такихъ примиреніяхъ, собственное достоинство и правда—первое дѣло. Я вовсе не раскаивающійся грѣшникъ, но я не похититель. Прилично ли мнѣ похищать наполеоновское знамя и подвергать себя подобному обвиненію? Я предоставляю дому Наполеоновъ его знамя, съ Аркола и до Седана. Бѣлому знамени довольно и собственной славы. Пусть же войдетъ оно во Францію безъ боя съ французами и это вшествіе останется его лучшей славой.

„Вотъ какъ можетъ говорить Генрихъ V“, прибавляетъ Луи-Велье — „но онъ молчитъ и это еще лучше. Зачѣмъ объяснять то, что Франція и безъ объясненій понимаетъ. Его дѣло восторжествуетъ безо всякихъ рѣчей... Монархія или апархія, монархъ или ничего! Эта корона, необходимая для нашего спасенія, вовсе не такъ необходима его славѣ. Онъ можетъ со славою возложить ее на себя; но еще болѣе славы отказаться отъ нея, чтобы не нарушить чести. Никогда не было болѣе счастливаго положенія въ судьбахъ человѣческихъ, болѣе обѣщающаго и болѣе независимаго. Этотъ побѣдитель не нуждается ни въ арміи, ни въ совѣтѣ. Нѣтъ съ нимъ солдатъ, нѣтъ кровивищъ, нѣтъ заговорщиковъ. Онъ достигнетъ, несмотря на непреоборимыя препятствія, и ни передъ кѣмъ не останется за это въ долгу, никто не будетъ имѣть права обвинять его въ неблагодарности. Онъ войдетъ безъ пролитія крови, одинъ съ тѣмъ самымъ знаменемъ, съ которымъ былъ изгнанъ“.

Оба эти отзывы о графѣ Шамборскомъ двухъ совершенно удаленныхъ одна отъ другой европейскихъ газетъ весьма любопытны. Въ существѣ дѣла онѣ отчасти согласны. *Daily News* негодуетъ за то лишь, что графъ Шамборскій выказалъ слабость и сдѣлалъ уступки. Луи-Велье прямо утверждаетъ, что никакихъ уступокъ не

было, что къ графу, напротивъ, непрерывно ѣздить изъ Парижа уполномоченные, чтобы вырвать у него хоть какую-нибудь уступку, но что „король продолжаетъ хранить молчаніе“. Свѣдѣнія Луи-Вельо, кажется, вѣрнѣ другихъ.

Весь союзъ всѣхъ партій правой стороны, испуганный внезапнымъ движеніемъ всей республиканской партіи національнаго собранія, обнаружившей въ послѣднее время чрезвычайную энергію въ приготовленіяхъ къ отпору монархистамъ, — назначилъ окончательную комиссію, подъ предсѣдательствомъ Шангарнье, чтобъ условиться о послѣднихъ предложеніяхъ графу Шамборскому съ тѣмъ, чтобы получить на нихъ уже отвѣтъ окончательный. За сѣданія всѣхъ этихъ комиссій, конечно, ведутся въ глубокой тайнѣ, но результаты все-таки извѣстны. Извѣстно, напримѣръ, что согласіе всей правой стороны и праваго центра продолжается ненарушимо. Извѣстно еще то, что послѣдняя депутація къ графу Шамборскому уже отправилась съ окончательными предложеніями. Эта депутація весьма скоро должна воротиться съ окончательнымъ результатомъ. Замѣчательно одно свѣдѣніе, весьма, кажется, точное, сообщаемое послѣдними газетами, что въ случаѣ рѣшительнаго отказа графа Шамборскаго принять трехцвѣтное знамя — союзъ всѣхъ партій правой стороны будетъ продолжаться ненарушимо даже и послѣ паденія всякихъ надеждъ провозгласить монархію. Ходилъ слухъ, довольно нелѣпый, что въ такомъ случаѣ все-таки провозгласятъ монархію, а королемъ — графа Парижскаго. Гораздо вѣрнѣе, по нашему мнѣнію, другое извѣстіе, по которому монархисты палаты, при неблагоприятномъ отвѣтѣ отъ графа Шамборскаго, немедленно по сборѣ палаты (5 ноября), провозгласятъ необходимость продленія полномочій маршала Макъ-Магона, но ужъ, разумѣется, безъ провозглашенія республики. Такимъ образомъ, это будетъ продленіе настоящаго нестерпимаго порядка вещей, на неопредѣленное время, то-есть: для Франціи никакого обезпеченія; неопредѣленное положеніе вещей, охраняемое, пока можно, штыками, прежняя борьба обозлившись окончательно партій; ни монархія, ни республика, — и все это единственно для той только цѣли, чтобы національному собранію какъ можно долѣе не расходиться и какъ можно долѣе протянуть свои полномочія. *Всего впрямтѣе, что такъ и будетъ*, но какъ-то невѣроятно для насъ и то, чтобъ легитимисты могли отка-

заться хоть на время отъ графа Шамборскаго, въ случаѣ отказа его отъ уступокъ. Они его примутъ и безъ уступокъ, примутъ даже и съ бѣлымъ знаменемъ, — ибо дѣло уже слишкомъ далеко зашло, а монархическая партія раздражена и разгорячена до послѣдней степени. Весьма можетъ быть, что найдутъ какой-нибудь исходъ, чтобы не разрушить своего союза въ собраніи даже и въ случаѣ бѣлага знамени. Есть тому нѣкоторые признаки, напримеръ, хотя бы эта самая статья Луи-Вельо. Это мнѣніе *Univers*, самаго монархическаго журнала во Франціи; и уже, конечно, Луи-Вельо самый покорный слуга Генриха V. Тонъ статьи его взятъ чрезвычайно высоко. Но если претендентъ, по мнѣнію *Daily-News*, уже рѣшился сдѣлать уступки — то каково же должна услужить ему статья въ *Univers*? Выходить, стало быть, что въ легитимистскомъ лагерѣ уже убѣждены въ возможности воцаренія графа Шамборскаго даже и безо всякихъ съ его стороны уступокъ, или лучше сказать, — во всякомъ случаѣ. Одинъ только фактъ остается яснымъ: что объ окончательномъ рѣшеніи графа Шамборскаго — еще нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Президентъ совѣта министровъ, герцогъ Брольи, на банкетѣ въ Невиль-Дюбонѣ, по случаю открытія одной новой желѣзной дороги, произнесъ рѣчь, въ которой прямо заявилъ, что онъ монархистъ, что національное собраніе имѣетъ право провозгласить тотъ образъ правленія, который найдеть подходящимъ для Франціи (т. е. монархію) вслѣдствіе предоставленной національному собранію учредительской власти, при чемъ заявлялъ, однако, что „формы гражданскаго устройства, для всѣхъ насъ одинаково дороги, останутся неприкосновенными“ — другими словами, онъ обѣщалъ, что графъ Шамборскій приметъ трехцвѣтное знамя и принципы 89-го года. Всѣмъ извѣстно, что герцогъ Брольи одинъ изъ первыхъ агитаторовъ по возстановленію монархіи, и изъ всѣхъ силъ хлопочетъ только, чтобы въ этомъ дѣлѣ всѣхъ согласить и всѣмъ угодить, т. е. чтобы графъ Шамборскій согласился на трехцвѣтное знамя. Но характернѣе всего то, что членъ все-таки республиканскаго правительства, президентъ совѣта министровъ, позволилъ себѣ, на публичномъ банкетѣ, такую откровенность и явно сталъ за монархію. Этотъ „легкомысленный поступокъ“ герцога, какъ отозвались объ немъ нѣкоторыя газеты, опять-таки явно свидѣтельствуетъ о самой полной, о самой слѣпой увѣ-

ренности монархистовъ въ побѣдѣ. Иначе не позволило бы себѣ такое высокопоставленное правительственное лицо такъ проболтаться.

Однимъ словомъ, въ самомъ близкомъ будущемъ, черезъ какія-нибудь три недѣли, можетъ произойти чрезвычайно много новаго и совсѣмъ даже неожиданнаго, ибо малѣйшая случайность въ текущихъ дѣлахъ можетъ, *на нѣкоторое время*, измѣнить весь ожидаемый ходъ событій. Вѣльо, въ своемъ образѣ Генриха V, начертилъ намъ чрезвычайно высокій типъ. Можетъ случиться, что графъ Шамборскій дѣйствительно откажется отъ трона, чтобъ сохранить свои принципы. Можетъ случиться и то, что, несмотря и на знамя, его все-таки подвергнуть баллотировкѣ въ собраніи и онъ получить какое-нибудь большинство отъ одного до десяти голосовъ — и опять откажется вступить на престолъ въ виду такого постыдно-малаго большинства избравшихъ его. Можетъ случиться, что іезуиты тотчасъ же успокоятъ его въ этомъ случаѣ и первый присоединится къ нимъ самъ Луи-Вѣльо, при чемъ увѣрятъ графа Шамборскаго, что такого шанса не надо терять, что народъ отвыкъ отъ королевской власти, грубъ и даже не крещенъ, и что хотя бы онъ сопротивлялся и бунтовался, все-таки надо воспользоваться послушаніемъ маршала Макъ-Магона и рѣшеніемъ національнаго собранія и во что бы то ни стало вступить на престолъ, — хоть для того только, чтобъ окрестить этотъ тупой и бессмысленный народъ и сдѣлать его, хоть и насильно, религіознымъ и счастливымъ, — что въ этомъ призваніе законной монархіи, что это своего рода крестовый походъ и т. д., и т. д. Намъ пріятнѣе было бы, если бъ графъ Шамборскій не измѣнилъ своимъ принципамъ и отказался бы отъ престола, — единственно потому, что въ мірѣ стало бы однимъ великодушнымъ человѣкомъ больше, а міру въ высшей степени необходимо имѣть передъ собою какъ можно болѣе людей, которыхъ можно уважать. Наконецъ, можетъ случиться, что въ рѣшительную минуту одолѣютъ республиканцы, и тогда разойдется собраніе, взамѣнъ котораго соберется новое и провозгласитъ уже республику окончательно. Но мы оставимъ на время всѣ эти частности, всѣ эти pro и contra въ сторонѣ и постараемся разрѣшить одинъ любопытный и уже болѣе общій вопросъ, который насъ особенно занимаетъ въ сію минуту.

Предположимъ прежде всего, что графъ Шамборскій уже вошелъ на престолъ, республиканцы разсѣяны, Макъ-Магонъ послушенъ, страна мало-по-малу успокоивается, по крайней мѣрѣ, повидимому, и все идетъ, наконецъ, довольно гладкимъ новымъ порядкомъ. Такимъ образомъ, мы устраняемъ даже и „завтрашній день“. Увѣряютъ же теперь иные легитимисты, что „по крайней мѣрѣ, графъ Шамборскій дастъ французамъ лѣтъ 18 тишины и спокойствія“. Мы соглашаемся если и не на 18, такъ на сколько-нибудь лѣтъ этого спокойствія. Вопросъ: что же дальше? Чѣмъ разрѣшатся судьбы Франціи, если бъ даже графъ Шамборскій и утвердился на тронѣ, чѣмъ успокоены будутъ Европа и мѣръ?

Вотъ вопросъ. Veillot увѣряетъ, что главная сила претендента заключается въ томъ, чтобы ни на атомъ не измѣнить своимъ принципамъ, и что въ такомъ только случаѣ при немъ останется вся возможность спасти и успокоить Францію. Да, но что же именно сдѣлаетъ новый король, чтобы спасти Францію, и что именно значить въ этомъ случаѣ слово: *возможность*?

Сущность принциповъ графа Шамборскаго состоитъ во-первыхъ и главное въ томъ, что власть его — есть законная власть; далѣе же наступаетъ такая путаница, что не понимаешь, какъ такіа идеальныя вещи могутъ являться въ дѣйствительности. То-есть, положимъ, слишкомъ понятны и слишкомъ неидеальны всѣ тѣ пружины, которыя двигаютъ теперь всю эту партію провозгласить монархію; но самъ Генрихъ V и всѣ тѣ, которые думаютъ такъ же какъ онъ (потому что есть же и такіе изъ его приверженцевъ), — суть явленія совершенно фантастическія. Не въ томъ дѣло, что самъ король будетъ увѣренъ въ законности своей власти, а въ томъ, чтобы всѣ французы тому повѣрили. Случись послѣднее обстоятельство и, конечно, Франціи не оставалось бы ничего болѣе желать; она вновь сильна, въ первый разъ соединена въ одно цѣлое въ продолженіе всего столѣтія, она счастлива и свободна тогда въ высшей степени. Императоръ Наполеонъ III, во все время своего царствованія, принужденъ былъ направлять всѣ свои усилія къ упроченію и укорененію во Франціи своей династии. Будь онъ избавленъ отъ этой роковой и непрерывной заботы и навѣрно бы онъ устоялъ и не было бы седанской катастрофы. Тогда какъ, преслѣдуя эту роковую цѣль, онъ принужденъ былъ

начинать множество дѣяній, клонившихся не къ счастью Франціи, а единственно лишь къ упроченію дома Наполеоновъ. Французы это ясно понимали, ибо почти всѣ эти дѣянія предприняты были не только не къ счастью Франціи, но даже къ неоспоримому несчастью ея. Такимъ образомъ, несмотря даже на ореоль чрезвычайной силы и славы, французы все-таки съ безпокойствомъ продолжали ощущать себя, во все время царствованія Наполеона III, въ положеніи неопредѣленномъ и неустойчивомъ; ибо, если самъ глава правительства не вѣрилъ въ устойчивость своей власти, тѣмъ менѣе могли вѣрить французы. Но случись такое чудо, что всѣ, наконецъ, повѣрятъ въ законность власти графа Шамборскаго и онъ, стало быть, будетъ окончательно избавленъ отъ роковой заботы Наполеона III, — тогда, конечно, всѣ цѣли достигнуты. Король, видя вѣру въ него своихъ подданныхъ, не можетъ же не вѣрить имъ самъ. Тогда, не подозрѣвая ни заговоры, ни ухищреній противъ себя, онъ далъ бы всѣ свободы своимъ подданнымъ, — свободу прессы, сходокъ, внутренняго управленія, свободу жизни, свободу вводить хотя бы коммунизмъ — только бы это не вредило цѣлому, всѣмъ. Но вѣдь такое согласіе — идеаль совершенно невозможный. Мы не будемъ повторять мнѣній *Daily-News* или *Times*, или Тьера, или Токвиля въ недавней рѣчи его, — о томъ, что Франція есть страна по преимуществу демократическая, и что поэтому въ ней легитимизмъ невозможенъ. Демократизмъ Франціи былъ, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, подверженъ большому спору и вопросъ этотъ далеко еще не рѣшенный. Мы просто укажемъ на вкоренившееся во Франціи предубѣжденіе противъ древней монархіи, на столѣтнюю отъ нея отвычку, на столѣтнія совсѣмъ новыя привычки, на шесть или семь поколѣній французовъ, возросшихъ послѣ монархіи, и, наконецъ, на народъ, на *черный* народъ, даже совсѣмъ и забывшій про древнюю монархію, совсѣмъ ее незнающій, не имѣющій объ ней никакого точнаго понятія и навѣрно не понимающій теперь: изъ-за чего ему присягать Шамбору, усыпать его путь цвѣтами и цѣловать копыта его бѣлой лошади? Графъ Шамборскій провозгласилъ, что онъ не король партіи, а, стало быть, желаетъ быть избранъ всѣми. Но въ томъ-то и вся фантастичность сна его, что онъ, кажется, совсѣмъ убѣжденъ въ возможности такого избранія! „Безъ всеобщаго согласія всѣхъ“

французовъ на законную власть короля французы не могутъ быть счастливы“, говорятъ легитимисты. Пусть; но какъ получить это *всеобщее* согласіе, какъ перескочить черезъ эти 100 дѣтъ? Все это какъ сонъ. Повторяемъ: всѣ эти рвущіеся провозгласить монархію — совершенно попятны: по графъ Шамборскій, серьезно вѣрующій, что его могутъ *всѣ* пожелать и что онъ не человѣкъ партіи, — невольно представляется какъ бы человѣкомъ помѣшаннымъ.

Тѣ изъ легитимистовъ, которые дѣйствуютъ не съ плеча, чтобъ только занять мѣсто, и не клерикалы, которые дѣйствуютъ имѣя лишь въ виду свои событія, спеціальныя цѣли, свой *status in statu*, — тѣ изъ нихъ имѣютъ же какой-нибудь разумный планъ, не вѣрятъ же они въ самомъ дѣлѣ въ какое-то фантастическое всеобщее согласіе, которое такъ вдругъ, совсѣмъ готовое, слетитъ съ неба. Если такъ, то какой же это планъ? Вѣдь еще мало войти во Францію, сѣсть на тронъ, окруженный послушными штыками Магъ-Магона, и начать царствовать; надо и что-нибудь сдѣлать. Надо принести съ собою какую-нибудь новую мысль, сказать какое-нибудь такое новое слово, которое дѣйствительно имѣло бы силу вступить въ бой съ злымъ духомъ цѣлаго столѣтія несогласій, анархіи и безцѣльныхъ французскихъ революцій. Замѣтьте, что вѣдь этотъ злой духъ несетъ съ собою страстную вѣру, а, стало быть, дѣйствуетъ не однимъ параличомъ отрицанія, а соблазномъ самыхъ положительныхъ обѣщаній: онъ несетъ новую анти-христіанскую вѣру, стало быть, новыя правдивныя начала обществу; увѣряетъ, что въ силахъ выстроить весь міръ заново, сдѣлать всѣхъ равными и счастливыми и уже навѣки докончить вѣковѣчную Вавилонскую башню, положить послѣдній замковый камень ея. Между поклонниками этой вѣры есть люди самой высшей интеллигенціи; вѣрують въ нее тоже всѣ „малые и сирые“, трудящіеся и обремененные, уставшіе ожидать царства Христова; всѣ отверженные отъ благъ земныхъ, всѣ немимущіе, и во Франціи они уже считаются — милліонами, и все это близко „при дверяхъ“. Стало быть, непременно надо что-нибудь сказать и сдѣлать графу Шамборскому, иначе зачѣмъ же ему приходить? И, однакоже, что будетъ на самомъ дѣлѣ? Всего вѣроятнѣе, что вновь населится и обновится Сен-Жерменское предмѣстье, разбогачатся поны, начнутся виконты и маркизы. Явится мно-

жество новыхъ модъ, множество новыхъ бонмо; явится что-нибудь новое въ придворномъ этикетѣ, что тотчасъ же и съ жаромъ переймутъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ, явится что-нибудь новое въ балахъ и въ балетѣ, явятся новыя конфеты, новые повара. Въ маленькой полатѣ депутатовъ, которой уступятъ какую-нибудь крошечную власть, начнутся съ одной стороны доктринеры, съ другой маленькіе герои лѣвой стороны, которая будетъ все-таки глуше правой, въ нелѣпномъ своемъ положеніи. Затѣмъ будетъ расти глухое и неопредѣленное недовольство въ народѣ; злой духъ, который еще очень молодъ, межъ тѣмъ созрѣетъ и обозлится окончательно. Затѣмъ, въ одно прекрасное утро, король подпишетъ какіе-нибудь ордонансы... Парижъ закипитъ, войско возьметъ ружья прикладомъ вверхъ, и злой духъ уже возмужалою рукой постучится въ двери...

Нѣтъ, навѣрное есть такіе изъ легитимистовъ даже и теперь, а во главѣ ихъ самъ графъ Шамборскій (непремѣнно), которые мечтаютъ поступить совсѣмъ иначе, намѣренія ихъ глубже и великодушнѣе. Они именно жаждутъ вступить въ борьбу со злымъ духомъ и одолѣть его. Вотъ ихъ цѣль, для нея-то именно они идутъ! Но желаніе и дѣло—двѣ вещи разныя. Вопросъ: какъ вступить въ бой съ новымъ, разлагающимъ началомъ общества? Клерикальнымъ насиліемъ и нахальствомъ вѣдь ужъ ничего не возьмешь. Разумѣется, отвѣтъ ясенъ: „первый шагъ къ дѣлу, первый начинъ—это возстановленіе свѣтскаго владычества папы“.

О, напрасно эти чистые легитимисты будутъ отмахиваться руками отъ этой идеи! Напрасно самъ графъ Шамборскій станетъ увѣрять, какъ увѣрять до сихъ поръ, что не начнетъ войны изъ-за папы, что не приведетъ съ собою *правительство патеровъ*, какъ писалъ на-дняхъ къ депутату Родесу-Бенавану. Имъ не миновать этой дороги! Ихъ втащутъ на нее, ихъ заставятъ по ней пойти. Нѣкоторые наблюдатели и теперь ужъ угадываютъ, что и все это движеніе легитимистское, такъ, вдругъ, и съ такимъ напряженіемъ разрѣшившееся теперь во Франціи—можетъ быть, ничто иное, какъ клерикальная продѣлка и что первоначальное слово его вышло изъ Рима, и направлено въ пользу возстановленія папской власти. Клерикалы, конечно, не выдумали ни Шамбора, ни легитимистовъ, но зато овладѣли ими. Тому есть признаки. Римское дви-

женіе пронеслось въ послѣдніе полгода по всей Европѣ. Два претендента на краю Европы, графъ Шамборскій и Донъ-Карлосъ, римско-католическая агитація въ Германіи, овладѣвшая справедливымъ недовольствомъ католиковъ Имперіи противъ новыхъ церковныхъ законовъ, попытки сблизиться съ народомъ во Франціи, въ Германіи и Швейцаріи новымъ изобрѣтеніемъ — устройствомъ въ массахъ народныхъ богомолий, нѣкоторыя неслыханныя доселѣ демократическія выходки католическаго высшаго духовенства въ Германіи съ обращеніемъ къ народу, — все это приводитъ на мысль объ огромной, разомъ и повсемѣстно возбужденной агитаціи клерикаловъ въ пользу непогрѣшимаго, но бездомнаго папы. Кстати, чрезвычайно любопытно, въ этомъ же отношеніи, содержаніе двухъ писемъ, на-дняхъ обнародованныхъ: папы къ императору Вильгельму и отвѣта императора папѣ. Мы сообщимъ ихъ въ своемъ мѣстѣ. Но все это клерикальное движеніе тѣмъ важно, что оно есть, можетъ быть, *послѣдняя* попытка римскаго католичества обратиться еще разъ, въ *послѣдній* разъ за помощью къ королямъ и высшимъ міра сего и послѣдняя надежда на нихъ. Не удадутся эти послѣднія надежды и Римъ, въ первый разъ въ 1,500 лѣтъ, пойметъ, что пора кончить съ высшими міра сего и оставить надежду на королей! И повѣрьте — Римъ сумѣетъ обратиться къ народу, къ тому самому народу, который римская церковь всегда и высокомерно отъ себя отталкивала и отъ котораго скрывала даже Евангеліе Христово, запрещаая переводить его. Папа сумѣетъ войти къ народу пѣшь и босъ, ницъ и нагъ, съ арміей двадцати тысячъ бойцовъ іезуитовъ, искусившихся въ уловленіи душъ чловѣческихъ. Устоятъ ли противъ этого войска Карлъ Марксъ и Бакуинь? Врядъ ли; католичество такъ вѣдь умѣетъ, когда надо, сдѣлать уступки, все согласить. А что стоитъ увѣрить темный и нищій народъ, что коммунизмъ есть то же самое христіанство, и что Христосъ только объ этомъ и говорилъ. Вѣдь есть же и теперь даже умные и остроумные социалисты, которые увѣрены, что то и другое — одно и то же и серьезно принимаютъ за Христа антихриста...

Во-первыхъ, Генриху V уже потому нельзя будетъ избѣжать войны за папу, что теперешнее время и ближайшіе будущіе годы — суть единственный, можетъ быть, моментъ, когда война за папу можетъ быть популярна и

принята съ симпатіей даже народомъ. Если бъ Генрихъ V въ состояніи былъ отмстить Германіи за миллиарды и недавнее униженіе и отнять у нея Эльзась и Лотарингію, то, безъ сомнѣнія, онъ упрочилъ бы тронъ свой, по крайней мѣрѣ, на время своего царствованія. Но объяви онъ прямо, ставъ королемъ, войну Германіи—и никто не пойдетъ за нимъ, да и объявить не дадутъ: страшно и рискъ большой. Но папа, гонимый Германіей, немедленно возбуждетъ симпатію во Франціи. А кто теперь главный противникъ „непогрѣшному“ папѣ, какъ не Германія? На восстановленіе власти его она смотритъ какъ на самый капитальный вопросъ и изо всѣхъ силъ станетъ за Италію. Мало-по-малу, отъ переговоровъ къ негодованію, отъ негодованія къ дѣлу и — папскій вопросъ, въ случаѣ воцаренія графа Шамборскаго, непременно разрѣшится огромной и *невольной* войной между Франціей и Германіей. Прямо за Эльзась не пойдутъ французы, а исподволь, невольно—втянутся, заступившись за папу, и война можетъ стать популярною. Не можетъ упустить такого случая графъ Шамборскій.

И вотъ мы допустимъ даже, что онъ выйдетъ изъ войны побѣдителемъ, что Франція покроетъ себя опять славою, отвоеуетъ провинціи, и что даже самъ папа вѣдетъ въ Парижъ, чтобы присутствовать на закладкѣ какого-нибудь новаго собора (какъ и приглашали его недавно). Чтѣ же далѣе? Не то важно, что Генриху V дадутъ, можетъ быть, послѣ его подвига, умереть спокойно на тронѣ. Важно то: укоренится ли съ графомъ Шамборскимъ законная монархія во Франціи, навѣки и неоспоримо, и что принесетъ ей она собою? Какое счастье? Успокоитъ ли ее, терзаемую и измученную, отгонитъ ли злого духа навѣки, стоящаго уже близко „при дверяхъ“?

Ну чтѣ въ томъ, что папа вѣдетъ въ Парижъ и римское католичество воцарится вновь съ новымъ и неслыханнымъ блескомъ! Папѣ ли, торжествующему и „непогрѣшному“, а не „пѣшему и босому“, прогнать злого духа, іезуитамъ ли его, легкомысленнымъ ли этимъ клерикаламъ, съ ихнимъ *status in statu*, натертымъ, безстыднымъ пройдохамъ? Нѣтъ, злой духъ сильнѣе и *чище* ихъ! Не съ этой арміей графу Шамборскому можно сказать свое *новое слово*. А если не съ этой, то съ какой же? Вѣдь невольно вѣрится теперь, что графъ Шамборскій есть дѣйствительно высокое существо, самое чистѣйшее сердцемъ

существо. И ужъ навѣрно онъ понимаетъ, въ восторгѣ души своей, что все его новое слово — это именно эта борьба за Христа съ страшнымъ, грядущимъ антихристомъ, что Францію надо спасти, обративъ ея умниковъ къ Богу, а въ сердца милліоновъ „некрещенныхъ“ работниковъ проливъ благодать Христову и въ первый разъ познакомивъ ихъ съ святымъ Его образомъ. Иначе чѣмъ же спасетъ свою Францію христіаннѣйшій король? Вѣдь говоритъ же онъ, что идетъ спасти ее, и вѣритъ самъ, что спасетъ. Вѣдь онъ знаетъ же, что на французской почвѣ суждено свершиться первымъ битвамъ грядущаго страшнаго новаго общества противъ стараго порядка вещей. Вѣдь онъ знаетъ же, что вѣдь этого-то и трепещетъ все французское общество, всѣ сильные и одаренные дарами земными, что для того-то и жаждутъ и зовутъ они въ отчаяніи хоть какое-нибудь твердое правительство, ищутъ гдѣ сила и не находятъ ея; что единственно для отпора этому новому грядущему врагу и Наполеона III-го допустили они на тронъ; и если согласятся теперь на графа Шамборскаго, то единственно въ надеждѣ: не принесетъ ли и онъ съ собой какой-нибудь новой силы, чтобъ ихъ защитить. А если такъ, то гдѣ онъ возьметъ людей для такой страшной борьбы? Развить ли онъ самъ настолько, чтобъ понимать ее? При всемъ своемъ добромъ сердцѣ, навѣрно нѣтъ. Можетъ ли онъ не смущаться отъ такой ужасной бѣдности средствъ, съ которыми придется ему дѣйствовать? Если же онъ не смущается — то какъ же, въ такомъ случаѣ, не признать его или челоукомъ ограниченнымъ и невѣжественнымъ, или, въ противномъ случаѣ, близкимъ къ помѣшательству? Гдѣ же теперь отвѣтъ на вопросъ нашъ? Чѣмъ же, наконецъ, какими силами можетъ легитимизмъ спасти и излѣчить Францію? Тутъ и пророка Божія мало, не только графа Шамборскаго. И пророкъ избіенъ будетъ. Новый духъ придетъ, новое общество *несомненно* восторжествуетъ — какъ *единственное* несущее новую, положительную идею, какъ единственный предназначенный всей Европѣ исходъ. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Міръ спасется уже послѣ посвѣщенія его злымъ духомъ... А злой духъ близко: наши дѣти, можетъ быть, узрять его...

Задавъ себѣ вопросъ и разобравъ его по возможности, мы только лишь хотѣли оправдать двѣ строки изъ предыдущихъ нашихъ отчетовъ объ иностранныхъ событіяхъ,

именно: что графъ Шамборскій, „если воцарится, то воцарится всего только на два дня“... Мы не хотѣли, чтобъ насъ обвинили въ легкомысліи, и постарались лишь вывести, что легитимизмъ — не только теперь невозможенъ, но даже и не нуженъ совсѣмъ для Франціи; никогда не нуженъ — ни теперь, ни въ будущемъ, ибо менѣе всѣхъ имѣетъ средствъ спасти ее.

Но вѣдь во Франціи—или монархія или республика, а другое правительство невозможно. А мы и объ республикѣ выразились, что отъ нея всѣ „устали“ и что и она теперь невозможна. Постараемся оправдать и эти наши слова, чтобы и ихъ не приняли за каламбуръ, или за какое-нибудь преднамѣренное легкомысліе, что и сдѣлаемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ нашихъ отчетовъ объ „ипострадныхъ событіяхъ“.

Изъ № 42 журн. „Гражданинъ“ 1873 г.

Въ послѣднемъ нашемъ отчетѣ объ иностранныхъ политическихъ событіяхъ (*Гражданинъ* № 41) мы, говоря о признакахъ римской политической агитаціи въ пользу восстановления свѣтскаго владычества папы, замѣчаемыхъ во всей Европѣ, упомянули, между прочимъ, о двухъ любопытнѣйшихъ письмахъ: папы къ императору Вильгельму и отъ императора Вильгельма папѣ. Мы обѣщали сообщить эти письма читателямъ. Они относятся еще къ августу нынѣшняго года, но обнародованы въ Берлинѣ въ *Государственномъ Указателѣ* лишь 14-го (2-го) октября. Вотъ письмо Пія IX.

„Ватиканъ, 7-го августа 1873 г. Ваше величество! Всѣ мѣры, принимаемыя съ нѣкотораго времени правительствомъ вашего величества, клонятся болѣе и болѣе къ стѣпенію католиковъ. Признаюсь, что, спрашивая себя о причинахъ, вызывающихъ эти крайне суровыя мѣры, я не въ состояніи понять, въ чемъ эти причины заключаются. Съ другой стороны, меня извѣщаютъ, что ваше величество не одобряете образа дѣйствій вашего правительства и суровости мѣръ, принимаемыхъ имъ противъ католической вѣры. Если дѣйствительно ваше величество не одобряете этого—а ваши прежнія письма ко мнѣ достаточно показываютъ, что вы не одобряете всего происходящаго нынѣ—если, говорю, ваше величество дѣйствительно не одобряете того, что ваше правительство продолжаетъ принимать мѣры строгости противъ Христовой Церкви и тѣмъ ослаблять послѣднюю, то не придете ли, ваше величество, къ убѣжденію, что эти мѣры могутъ лишь колебать вашъ престоль? Говорю откровенно, потому что мой девизъ—истина; я говорю такъ потому, что счи-

таю своимъ долгомъ говорить истину всемъ, хотя бы и не католикамъ; ибо всякій, пріявшій крещеніе, принадлежитъ болѣе или менѣе — я не могу изъяснить здѣсь въ подробности почему — принадлежить, говорю, болѣе или менѣе, папѣ. Питаю увѣренность, что ваше величество встрѣтите эти мои соображенія съ обычной вашей добротою и примете необходимыя данномъ случаѣ мѣры. Выразая вашему величеству чувства моей преданности и почтенія, прошу Бога, чтобъ Онъ простеръ на васъ и на меня покровъ своего милосердія“.

Вотъ отвѣтъ германскаго императора: „Берлинъ, 3-го сентября 1873 Радуюсь тому, что ваше святѣйшество, какъ въ прежнія времена, почтили меня письмомъ, тѣмъ болѣе, что это даетъ мнѣ случай исправить невѣрности, которыя, судя по письму вашего святѣйшества отъ 7-го августа, вкрались въ представленныя вашему святѣйшеству донесенія о нѣмецкихъ дѣлахъ. Если бъ эти донесенія были согласны съ истиною, то ваше святѣйшество никакъ не могли бы допустить предположенія, что мое правительство слѣдуетъ неодобряемому мною пути. По конституціи моего государства этого не можетъ случиться, потому что въ Пруссіи законы и всякія правительственныя мѣры требуютъ моего верховнаго утвержденія. Къ моему величайшему прискорбію, часть моихъ католическихъ подданныхъ составили, вотъ уже два года, политическую партію, которая враждебными государству пропсками пытается смутить религіозный миръ, искони господствующій въ Пруссіи. Къ несчастью, католическіе прелаты не только одобрили это движеніе, но еще, прижнувъ къ нему, оказываютъ открытое сопротивленіе существующимъ законамъ. Не мое дѣло изыскивать причины, побудившія духовенство и вѣрующихъ одного изъ христіанскихъ исповѣданій помогать врагамъ всякаго установленнаго политическаго порядка, съ цѣлью ниспровергнуть такой порядокъ. Но я обязанъ охранять въ государствѣ, порученномъ Богомъ моему управленію, внутреннее спокойствіе и поддержать уваженіе къ законамъ. Я знаю, что долженъ дать отчетъ Богу въ выполненіи этого моего долга, и буду, не взирая на всякіе нападки, поддерживать порядокъ и законы въ моемъ государствѣ дотолѣ, пока Господь позволитъ мнѣ это. Я обязанъ сдѣлать это, какъ христіанскій монархъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, къ моему прискорбію, мнѣ приходится вы-

полнять этот мой долгъ по отношенію къ служителямъ Церкви, которая, какъ я знаю, наравнѣ съ евангелической Церковью, признаетъ заповѣдь покорности гражданскимъ властямъ, какъ завѣтъ Божій, открытый людямъ. Къ сожалѣнію, многія духовныя лица въ Пруссіи, подчиненныя вашему святѣйшеству, отрицаютъ эту заповѣдь христіанства и вынуждаютъ мое правительство, находящее опору въ огромномъ большинствѣ моихъ вѣрноподданныхъ католическаго и евангелическаго исповѣданій, прибѣгать для соблюденія государственныхъ законовъ къ средствамъ свѣтской власти. Я желалъ бы надѣяться, что ваше святѣйшинство, извѣстившись объ истинномъ положеніи дѣлъ, не преминете воспользоваться вашею властью для прекращенія агитаціи, которая возбуждена прискорбными искаженіями истины и злоупотребленіемъ правъ духовенства. Свидѣтельствую вашему святѣйшеству передъ Богомъ, что религія Иисуса Христа не имѣетъ ничего общаго съ этими происками, точно такъ же какъ истина, подъ знами которой, вмѣстѣ съ вашимъ святѣйствомъ, я становлюсь безусловно. Есть еще выраженіе въ письмѣ вашего святѣйшества, которое я не могу оставить безъ протеста, хотя оно вытекаетъ не изъ ложныхъ донесеній, но изъ религіозныхъ воззрѣній вашего святѣйшества: это—увѣреніе, будто всякій, пріявшій крещеніе, принадлежитъ папѣ. Евангелическая вѣра, которую, какъ извѣстно вашему святѣйшеству, я исповѣдую наравнѣ съ моими предками и большинствомъ моихъ подданныхъ, не позволитъ намъ признавать въ нашихъ отношеніяхъ къ Богу иного посредника, кромѣ Господа нашего Иисуса Христа. Различіе вѣры, однако, не мѣшаетъ мнѣ жить въ мирѣ съ исповѣдующими иную религію, и выразить вашему святѣйшеству чувства моей преданности и почтенія“.

Оба эти письма весьма замѣчательны. Безъ сомнѣнія, папа, въ виду дѣйствительнаго преслѣдованія вѣрныхъ ему католиковъ въ Германіи (т.-е. исповѣдующихъ догматъ неогрѣшимости) и которыхъ въ Германіи, какъ и вездѣ, безмѣрно болѣе неисповѣдующихъ этотъ новый догматъ—не могъ не высказать своего пастырскаго слова. Съ другой стороны, и императоръ Вильгельмъ не могъ послать папѣ иного отвѣта, какъ тотъ, который мы сейчасъ читали,—такъ что письмо папы, конечно и зазнамо, написано было имъ безо всякой надежды на какой-либо прямой уснѣхъ, а, очевидно, предназначалось лишь послу-

жить протестомъ властителя церкви противъ дѣйствій властителя пол-Европы. Но вся чрезвычайная и особенная характеристика папскаго письма заключается въ его окончаніи.

Во-первыхъ, папа прямо высказываетъ мысль, что всѣ эти „мѣры строгости противъ Христовой Церкви“ ослабляютъ послѣднюю и способны „поколебать“ престолъ императора Германскаго. Это слова—строго высказанныя и отъ лица какъ бы и не сомнѣвающегося въ правѣ своемъ такъ говорить; мало того—считающаго себя прямо обязаннымъ предупредить государей, отстаивая „истину“, несмотря ни на какое лицо и съ авторитетомъ власть имѣющаго.

Затѣмъ, въ письмѣ папы сейчасъ же слѣдуютъ самыя удивительныя слова изъ всѣхъ, какихъ можно было ожидать отъ главы римскаго католичества: „Я говорю такъ“, пишетъ папа, „потому что считаю долгомъ говорить истину всѣмъ, хотя бы и не католикамъ, ибо всякій, пріятый крещеніе, принадлежитъ болѣе или менѣе—я не могу изъяснить здѣсь въ подробности почему—принадлежитъ, говорю, болѣе или менѣе папѣ“.

Вотъ слова далеко намекающія! Давно уже римское католичество не заявляло подобныхъ мыслей и такого ученія! И такъ всѣ эти еретики, всѣ эти протестанты, бунтовщики и отщепенцы, въ свое время возставшіе на „намѣстника Божіа“ съ мечемъ въ рукѣ и съ ругательнымъ обличеніемъ,—всѣ эти „грѣшники и погибшіе“, которые всѣ до единаго были прокляты въ свое время на всѣхъ возможныхъ соборахъ—всѣ они теперь опять уже дѣти папы и, будь лишь всего только крещены, уже снова имѣютъ *право принадлежать ему*,—а, стало-быть, право на его отеческое заступничество за нихъ передъ монархами и сильными міра сего! Дѣйствительно, широкій взглядъ, ибо давно ли еретики не только не могъ считаться въ глазахъ римской церкви христіаниномъ, но даже былъ хуже язычника? И такія мысли возбѣждаетъ самъ папа, непогрѣшимый посредникъ между Богомъ и человѣчествомъ! Надо отдать справедливость—мысль величавая, и—безспорно *новая*. Она заявляетъ о какомъ-то несслыханномъ расширеніи взгляда римскаго католичества, намекаетъ на новые горизонты, на новые пути дѣйствій, на какія-то новыя намѣренія въ будущемъ. Весьма важно и то, что мысль эта заявлена такъ рѣзко и окончательно,

и въ такомъ важнѣйшемъ документѣ, могущественнѣйшему государю, представителю протестантства и, по своей вѣрѣ, противнику католичества. Эта новая претензія владыки римской Церкви, высказанная при такихъ обстоятельствахъ, становится любопытнымъ историческимъ фактомъ,—особенно въ виду грядущаго, въ виду будущаго Европы, въ наше время болѣе чѣмъ когда-нибудь неизвѣстнаго и болѣе чѣмъ когда-нибудь убѣгающаго отъ человѣческихъ соображеній.

Протестантъ императоръ отвѣтилъ рѣзко и законченно, и съ чрезвычайнымъ достоинствомъ на новую претензію „владыки Церкви“. Онъ прямо напомнилъ ему, что „евангелическая вѣра, которую, какъ извѣстно вашему святѣйшеству, я исповѣдую паравнѣ съ моими предками и большинствомъ моихъ подданныхъ, не позволяетъ намъ признавать въ нашихъ отношеніяхъ къ Богу иного посредника, кромѣ Господа нашего Іисуса Христа“.—Тѣмъ не менѣе, папа, конечно, долженъ чувствовать себя на болѣе твердой почвѣ, чѣмъ на какой предполагаетъ его императоръ германскій. Папа слишкомъ знаетъ (а Римъ давно уже ожидаетъ того), что очень, очень многіе изъ этихъ гордыхъ людей, отвергнувшихъ когда-то „посредничество“ папы, о которомъ говоритъ императоръ Вильгельмъ, и признавшіе руководствомъ своимъ въ дѣлѣ вѣры лишь одну свою совѣсть,—давно уже тяготятся этой свободой своей, какъ бременемъ. Римъ знаетъ, что трехъ вѣковъ опыта достаточно было многимъ изъ этихъ „еретиковъ“, чтобъ одуматься; что иные робкіе и (главное) чистые сердцемъ, во всей протестантской Европѣ (въ Англии, на примѣръ), далеко не прочь воротиться къ „посреднику“,—особенно въ виду тѣхъ путей, которые указываютъ этому робкому стаду ихъ сильные братья, гордые умы, представители силы и интеллигенціи—люди науки, богословы-атеисты, христіанскіе священники, гласно не признающіе божественности Іисуса Христа, и оправданные въ этомъ правительствомъ, государственные люди, уединяющіе и исключаяющіе религію какъ зло, принимающіе противъ нея мѣры и, въ наше время, повсемѣстно и съ какой-то тревогой обороняющіе отъ нея свои государства, какъ отъ язвы или напасти. Римъ предчувствуетъ возможное постепенное возвращеніе отторгшихся и—измѣняетъ программу, заявляетъ о новыхъ путяхъ, о новыхъ взглядахъ своихъ, которые могутъ паразитъ умы.

Мы подумали, что имѣемъ нѣкоторое право вывести изъ этихъ новыхъ фактовъ, что римская Церковь и глава ея не только не считаютъ себя сколько-нибудь обезсиленными, послѣ потери Рима и свѣтскаго владычества, но даже питаютъ замыслы еще болѣе самонадѣянные, чѣмъ когда-нибудь, и готовятся жить самую обильною жизнію въ будущемъ.

Нѣмецкія газеты полны извѣстіями о недавнемъ посѣщеніи императоромъ германскимъ (съ членами своего семейства и княземъ Бисмаркомъ) императора австрійскаго и вѣнской выставки. Вѣнскія газеты отзываются объ этомъ посѣщеніи восторженно, какъ о величайшемъ политическомъ событіи. Не описываемъ подробностей приѣма въ Вѣнѣ августѣйшихъ гостей, обѣдовъ, парадныхъ представлений въ театрѣ, охоты въ ланцскомъ звѣрищѣ и проч. Но вотъ, однакоже, весьма замѣчательные тосты, провозглашенные за обѣдомъ обоими императорами.—Выписываемъ телеграмму:

— *Вѣна*, 9-го (21-го) октября, ночью. На сегодняшнемъ парадномъ обѣдѣ во дворцѣ, императоръ Францъ-Иосифъ провозгласилъ слѣдующій тостъ: «Такъ какъ мое задушевное желаніе привѣтствовать въ Вѣнѣ императора Вильгельма, во время всемірной выставки, исполнилось, то я съ радостію провозглашаю тостъ за его здоровье!» Императоръ Вильгельмъ, въ своемъ отвѣтѣ, благодарилъ какъ за сердечное привѣтствіе, сказанное императоромъ Францемъ-Иосифомъ, такъ и за радушный приѣмъ, оказанный его супругѣ и дѣтямъ въ Вѣнѣ. При этомъ императоръ Вильгельмъ выразилъ удовольствіе, что свиданіе въ Берлинѣ, въ прошломъ году, между императорами русскимъ и австрійскимъ повторилось вновь въ нынѣшнемъ году въ Вѣнѣ во время всемірной выставки. Въ заключеніе императоръ Вильгельмъ сказалъ: «Мысли, которыми мы обмѣнялись въ то время между собою, и съ которыми въ настоящее время вполне согласились, составляютъ ручательство за миръ Европы и благосостояніе нашихъ народовъ. Пью за здравіе императора австрійскаго и короля венгерскаго, моего высокаго друга!»

Телеграмма эта не нуждается въ объясненіяхъ; важное значеніе словъ, сказанныхъ императоромъ германскимъ, выступаетъ само собою. Но вотъ, кстати, отзывъ *Провинціальной Корреспонденціи*, оффиціозной берлинской газеты, о посѣщеніи Вѣны императоромъ Вильгельмомъ:

„Императоръ желаетъ снова заявить эту поѣздкою, какую высокую цѣну онъ придаетъ добрымъ отношеніямъ съ австрійскимъ императорскимъ домомъ и австро-венгерской монархіей, какъ лично, такъ и въ интересахъ общеевропейской политики. Начавшееся въ прошломъ

году сближеніе между монархомъ російскимъ и австрійскимъ упрочено нынѣшнимъ дѣломъ въ Вѣнѣ; заключенный между тремя императорами союзъ, имѣющій цѣлью охраненіе европейскаго мира, расширенъ вслѣдствіе недавняго посѣщенія королемъ итальянскимъ Вѣны и Берлина. Свиданіе императоровъ германскаго и австрійскаго въ Вѣпѣ можетъ быть признано крупнымъ дѣйствіемъ въ заключеніи того обширнаго союза, который долженъ обезпечить Европѣ миръ и предотвратить новыя потрясенія“...

11-го (23-го) октября императоръ Вильгельмъ выѣхалъ изъ Вѣны.

Во Франціи напряженіе дѣлъ достигло, какъ кажется, послѣдней степени. Съ тѣхъ поръ, какъ Тьеръ воротился въ Парижъ и сталъ во главѣ оппозиціи легитимистамъ, вся либеральная партія во всей Франціи какъ бы воскресла и съ чрезвычайной энергіей стала готовиться къ предстоящему бою. Многіе изъ членовъ лѣваго центра собранія, никогда и не думавшіе быть республиканцами, теперь единодушно примкнули къ нимъ, чтобы не раздѣлять своихъ силъ. Недавніе выборы на четыре вакантныя мѣста въ собраніи огромнымъ большинствомъ разрѣшились въ пользу республиканцевъ. Безчисленные заявленія, подписи, протесты, письма со всѣхъ сторонъ свидѣтельствуютъ о глубокомъ негодованіи націи противъ заговора легитимистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о повсемѣстномъ страхѣ. Всѣ заявляютъ себя республиканцами. Это не значитъ, что французы такъ вдругъ пожелали теперь республики, а значитъ лишь то, какъ испугались они возстановленія „законной монархіи“. Теперь уже всѣ понимаютъ, что въѣздъ графа Шамборскаго въ Парижъ непременно поведетъ за собою революцію, страшную для всѣхъ честныхъ и здравомыслящихъ французовъ; ибо если Тьеръ и всѣ „умѣренные“ не осияютъ легитимистовъ и дадутъ имъ восторжествовать, то въ слѣдующую и ожидаемую за симъ революцію, врядъ ли уже будетъ возможно возстановленіе партіи умѣренныхъ во главѣ правительства, какъ уже проигравшихъ разъ свое дѣло. И потому въ обществѣ, въ настоящую минуту, почти паническій страхъ. Всего болѣе возбуждаетъ негодованіе возмутительный фактъ олигархіи національнаго собранія надъ всей страной. Всѣ давно убѣдились (ибо факты слишкомъ ясны), что національное собраніе, избранное

около трехъ лѣтъ назадъ при совершенно особенныхъ обстоятельствахъ, въ самое тяжелое и эксцентрическое время, давно уже перестало выражать собою истинную волю страны, а, стало быть, власть его въ настоящее время — одно злоупотребленіе. Призывомъ графа Шамборскаго, благодаря упрямству нѣсколькихъ крикуновъ и безумцевъ, клерикаловъ и „антикваріевъ“, собраніе оскорбляетъ націю и ввергаетъ всѣхъ здравомыслящихъ людей въ удивленіе въ виду полной возможности такого глупаго факта, что нѣсколько своевольныхъ людей, противъ воли всей Франціи, могутъ и даже имѣютъ право, навязать ей ненавистный образъ правленія, а вслѣдъ за нимъ и столько неисчислимыхъ бѣдствій, — совершенно безнаказанно. Предположеніе же о неизбѣжности революціи вслѣдъ за провозглашеніемъ Генриха V — къ несчастью, имѣетъ полное основаніе. Не говоря уже о гнѣвѣ страны, — одно то, что легитимисты, въ случаѣ торжества своего, непременно начнутъ съ бѣлаго террора — ускорить паденіе ихъ, а вслѣдъ за тѣмъ, конечно, неминуема и революція. Легитимисты даже Тьеру грозятъ заключеніемъ или ссылкой въ Кайену. Ничего не можетъ быть возмутительнѣе ихъ логики въ настоящую минуту. Каждое заявленіе націи въ пользу республики, и вообще противъ ихъ намѣреній, не только не образумливаетъ ихъ, но приводитъ лишь въ бѣшенство: „давно бы надо провозгласить монархію, говорятъ они, еще немного и увидите, что вся Франція выскажется противъ насъ, а потому надо спѣшить и провозгласить монархію!“ Значить, мысль, что они идутъ противъ воли большинства націи, не только не смущаетъ ихъ, но, напротивъ, придаетъ имъ еще болѣе настойчивости въ преслѣдованіи ихъ незаконнаго предпріятія. Какого же спокойствія можетъ ожидать Франція отъ такихъ людей?

Депутация къ графу Шамборскому, отправленная къ нему въ Зальдбургъ (теперешняя его резиденція) и о которой мы извѣщали нашихъ читателей въ 41 № *Гражд.*, уже воротилась — говорятъ, съ полнымъ успѣхомъ: онъ будто бы на все согласился, — на конституцію, на знамя, на „дорогія всѣмъ французамъ учрежденія“ и т. д. Вслѣдъ затѣмъ колебавшіеся еще члены праваго центра — окончательно и восторженно примкнули къ общему союзу легитимистовъ. Однако, вникнувъ нѣсколько внимательнѣе въ эти извѣстія, никакъ нельзя заключить, что графъ

Шамборскій, даже и на этотъ (*послѣдній*) разъ, высказался опредѣленно и окончательно объ „уступкахъ“; напротивъ, вѣроятнѣе (по другимъ извѣстіямъ), что окончательное слово объ уступкахъ онъ, попрежнему, оставляетъ за собой въ Парижѣ, уже послѣ провозглашенія его королемъ. Тѣмъ не менѣе, легитимисты торжествуютъ и союзъ ихъ дѣйствительно тѣснѣе, чѣмъ когда-нибудь. По послѣднимъ телеграммамъ ничего, однакоже, не рѣшено о созывѣ національнаго собранія ранѣе срока, какъ увѣряли еще такъ недавно. Впрочемъ, срокъ и безъ того близокъ. Вся судьба Франціи виситъ на волоскѣ. Черезъ двѣ недѣли мы можемъ услышать про удивительныя вещи.

Къ довершенію всего, говорятъ, „старый маршалъ“ высказался: онъ будто бы объявилъ себя окончательно послушнымъ и покорнымъ слугою большинства собранія. Въ случаѣ провозглашенія короля, хочетъ будто бы тотчасъ же удалиться со своего мѣста, посадивъ на него, въ ожиданіи вѣзды Генриха V, генерала Ладмиро. Все это, конечно, лишь слухи...

Извѣстія изъ несчастной Испаніи получаются самыя сбивчивыя и неточныя. Войска Донъ-Карлоса, по свѣдѣніямъ изъ Мадрида, столько разъ разбитыя и уничтоженныя, держатся, повидимому, крѣпче прежняго. По крайней мѣрѣ, главнокомандующій правительства, генералъ Моріонесъ, (по одному извѣстію) требуетъ, для успѣшнаго дѣйствія противъ карлистовъ, десяти тысячъ человѣкъ подкрѣпленія! На югѣ мятежныя эскадры развѣзжаютъ безнаказанно, выдерживаютъ битвы съ кораблями правительства и, по послѣдней телеграммѣ, картагенскія разбойничьи суда готовятся бомбардировать Валенсію, тоже изъ грабежа, какъ и Аликанте, и тоже подъ пассивнымъ наблюденіемъ эскадръ французской и англійской. Блокаду Картагены съ сухого пути правительство все еще не въ состояніи усилить ни на одного солдата. Блокируютъ все тѣ же 4,000 человѣкъ жалкаго войска, безпрерывно перебѣгающаго къ бунтовщикамъ. Трудно предсказать, чѣмъ это можетъ кончиться. Можетъ-быть, Донъ-Карлосъ тоже питаетъ надежды на воцареніе Генриха V.

Изъ № 43 журн. „Гражданинъ“ 1873 г.

Съ мѣсяць тому назадъ во Франціи, въ Трианонѣ, начался процессъ маршала Базена. Несмотря на „горячее“ время и на близкую возможность огромныхъ политическихъ перемѣнъ и потрясеній въ судьбахъ всей Франціи, процессъ маршала Базена не теряетъ своего интереса во вниманіи французовъ и всей Европы; даже возбуждаетъ все болѣе и болѣе любопытства. На общественной сценѣ, въ яркихъ образахъ, развертывается вновь картина столь недавняго рокового для французовъ прошлаго, — почти фантастическое начало страшной войны, быстрое, неслыханное паденіе династіи, политически первенствовавшей въ Европѣ; затѣмъ всѣ эти неразъяснимыя до сихъ поръ загадки, колебанія людей, разъединеніе, интриги — въ ту минуту, когда Франція звала къ себѣ всѣхъ на помощь. Если французы были въ состояніи теперь, въ такое для нихъ всѣхъ *горячее* время, воспользоваться великимъ историческимъ урокомъ, то, можетъ-быть, усмотрѣли бы его въ этомъ „процессѣ Базена“, столь ярко обнаружившемъ, даже и теперь, въ самомъ началѣ своемъ, ту главную роковую язву, отъ которой изнемогаетъ такъ давно уже Франція...

Маршалъ Базенъ преданъ суду за то, что, затворившись въ первоклассной крѣпости Мець, съ огромной арміей, со всѣмъ надлежащимъ военнымъ багажомъ и имѣя совершенно достаточный провіантъ еще на значительное время, сдать нѣмцамъ всю свою армію, не только не выдержавъ приступа (нѣмцы даже и не осаждали крѣпость, а только облегали ее), какъ предписано военными законами для всѣхъ армій въ свѣтѣ, но, бывъ даже въ слишкомъ благопріятномъ положеніи для отвлеченія и осла-

бленія наступавшихъ на Францію непріятельскихъ силъ. Онъ сдалъ армію съ оружіемъ, съ багажомъ, со знаменами, которыхъ нарочно не истребилъ, безо всякаго сомнѣнія, по требованію нѣмцевъ и, очевидно, имѣвъ съ ними тайные и особые переговоры, до военнаго дѣла не относящіеся. Вотъ сущность обвиненія. На судѣ, конечно, многое разъяснится, по многое, безъ сомнѣнія, такъ и останется тайною, — пока не разъяснить исторія. Окончательно, маршалъ обвиняется въ измѣнѣ — кому? Обратимъ вниманіе на этотъ вопросъ. Онъ любопытенъ въ виду теперешняго состоянія французовъ.

При Наполеонѣ III, въ концѣ его царствованія, маршалъ Базенъ считался однимъ изъ самыхъ способнѣйшихъ генераловъ императорской арміи. Когда, года полтора назадъ, стали ужъ слишкомъ настоятельно говорить и писать о преданіи его суду, одинъ маршалъ изъ сотоварищей его (жалъ, что мы забыли который именно, но чуть ли не самъ „честный солдатъ“), воскликнулъ: „Какъ жалъ! Il était pourtant le moins incapable de nous tous!“ т.-е. „вѣдь все-таки онъ оказался *наименѣе* *неспособнымъ* изъ насъ всѣхъ въ эту войну!“ И вотъ этотъ „наименѣе неспособный“ маршалъ получаетъ командованіе значительнѣйшими частями войскъ, въ эту столь быстро и столь фантастически открывшуюся войну съ пруссаками. Главнокомандующаго тогда не было; самъ императоръ, бывъ военнымъ человѣкомъ и отнюдь не называя себя главнокомандующимъ, распорядился, однакоже, многимъ и, разумѣется, довольно мѣшалъ военнымъ дѣйствіямъ, но не въ этомъ была вся бѣда. Всѣ эти старые генералы, Канроберъ, Ніель, Бурбаки, Фроссаръ, Ладмиро и проч., призванные теперь въ судъ свидѣтелями, отзываются о Базенѣ съ величайшимъ уваженіемъ. Ихъ показанія очень интересуютъ зрителей. Главное, свидѣлствуютъ о необычайной храбрости Базена, напримѣръ, въ сраженіи при Сень-Прива, когда онъ лично, несмотря на свое предводительство сраженіемъ, является въ первыхъ рядахъ между сражающимися, — „хотя онъ и не понялъ значенія этого сраженія“, прибавляютъ иные изъ маршаловъ. Понялъ или не понялъ, но въ этомъ сраженіи дошло до того, что за недостаткомъ патроновъ, солдаты принуждены были изъ своихъ скорострѣльныхъ Шаспо выпускать въ двѣ минуты по одной пулѣ, и цѣлыя, огромныя части войскъ вступили въ сраженіе уже сутки не ѣвши. Но и не

въ этомъ даже заключалась бѣда, хотя, какъ извѣстно, безпорядокъ въ снабженіи тогдашней французской арміи провіантомъ и оружіемъ удивилъ Европу. Мы помнимъ одну телеграмму императора Наполеона императрицѣ Евгеніи въ Парижъ (еще задолго до Седана) съ просьбою заказать сколь возможно скорѣе въ Парижѣ двѣ тысячи чугунныхъ котловъ. По крайней мѣрѣ, въ этой телеграммѣ еще то было утѣшительно, что хоть и не было въ чемъ варить пищу, но, по крайней мѣрѣ, было что варить, иначе не зачѣмъ было бы заказывать по телеграфу котлы. Но вотъ, по показанію маршала Канробера, выходитъ, что солдаты дрались при Сень-Прива цѣлыя сутки не пивши-де ѣвши, не ѣли и на другой день, а, наконецъ, и па третій... Конечно, къ тому времени, можетъ быть, уже пришли котлы изъ Парижа, но... опоздали, какъ опоздало у французовъ все, сплошь, въ этой необыкновенной войнѣ. Опоздалъ во-время отступить къ Парижу, со всѣми оставшимися у него послѣ тяжелыхъ пораженій войсками, и императоръ, что было бы для него если не спасеніемъ, то, по крайней мѣрѣ, лучшимъ выходомъ изъ тогдашней бѣды. Но съ нимъ именно случилось то, о чемъ мы уже упоминали недавно, въ одномъ изъ обзорнѣй нашихъ, говоря о характернѣйшей и роковой чертѣ его царствованія, т. е. что въ видахъ укрѣпленія и укорененія своей династіи во Франціи, онъ принужденъ былъ, во все время своего владычества, предпринимать непрерывно множество дѣяній, клонившихся не только не къ счастью французовъ, но даже къ явному ихъ несчастью. Такимъ образомъ, этотъ могучій властитель въ сущности былъ и продолжалъ быть, даже и на престолѣ, — не французомъ, а лишь человѣкомъ своей партіи, лишь главнымъ ея предводителемъ. Отступление къ Парижу, хотя и съ разбитою, но все еще съ арміею (а эта армія чрезвычайно помогла бы Франціи въ послѣдовавшей борьбѣ), пугало его; онъ боялся недовольства страны, потери обаянія, возстанія, революціи, Парижа, и предпочелъ лучше сдатьъся при Седанѣ безо всякихъ условій, предавъ себя и династію свою великодушію непріятели. Безъ сомнѣнія, не все еще теперь изъ того, что было высказано тогда при свиданіи его съ королемъ прусскимъ, извѣстно исторіи. Всѣ секреты объяснятся, можетъ быть, еще долго спустя; но невозможно не придти къ заключенію, что безусловной сдачей своей, съ арміею, императоръ Наполеонъ III рассчитывалъ

вѣрнѣе удержатъ за собою престоль... А сдавая солдатъ своихъ, онъ, конечно, рассчитывалъ ослабить тѣмъ силы враговъ своихъ—революціонеровъ... О Франціи *человѣкъ партіи* и не подумалъ.

Не подумалъ о ней и маршалъ Базенъ. Затворившись потомъ въ Мецъ, съ весьма значительною арміею, онъ почти игнорировалъ правительство народной обороны, возникшее въ Парижѣ тотчасъ послѣ плѣна императора. Онъ предпочелъ тоже сдаться и тѣмъ лишилъ Францію почти послѣдней ея арміи, которая, даже и заключенная въ Мецъ, могла бы быть чрезвычайно полезна отечеству—хоть тѣмъ, что задерживала передъ собою значительную часть силъ нашествія. Невозможно представить себѣ, чтобъ, сдаваясь такъ унижительно и такъ преждевременно, маршалъ Базенъ не заключилъ тоже какихъ-нибудь секретныхъ условій съ непріателемъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ не взялъ какихъ-нибудь обѣщаній... которыя, разумѣется, не исполнились. Но если бъ даже и не было ихъ вовсе, то все-таки ясно выходитъ, что и маршалъ, подобно императору своему, предпочелъ лучше отдать свою армію пруссакамъ, чѣмъ оставаться ея хранителемъ... въ пользу революціи.

Маршалъ хоть и лжетъ теперь передъ судомъ „отважно“, и видимо намѣренъ лгать еще больше, но отчасти и не скрываетъ тогдашнихъ своихъ впечатлѣній и ощущеній. Онъ прямо говоритъ, что законнаго правительства тогда не было, и что онъ не могъ считать бывший тогда хаосъ въ Парижѣ за серьезное правительство—по крайней мѣрѣ, несомнѣнно таковъ смыслъ его словъ передъ судомъ. Но „если не существовало для васъ правительство, то „la France existait!“ (Франція все-таки существовала еще!)“, воскликнулъ ему на это герцогъ Омальскій, предсѣдатель суда.

И вотъ точка отправления суда. Эти слова герцога произвели въ слушателяхъ и во всей Франціи чрезвычайное впечатлѣніе. Для виновнаго же маршала они высказаны, очевидно, чтобы дать ему ясно понять, что судить его, наконецъ, не партія, не революція, не незаконное какое-нибудь правительство, которое онъ можетъ, если захочетъ, и теперь, пожалуй, не признавать, — а Франція, которую онъ продалъ за „законное правительство“; Отечество, которому онъ измѣнилъ изъ-за интересовъ своей партіи.

Нельзя никакъ оправдывать измѣнника своему отечеству, но—правы ли и тѣ, которые судятъ этого измѣнника?—вотъ на что хотѣли бы мы указать. Не виноваты ли, напротивъ, и судьи въ главной язвѣ, источающей организмъ великой націи, въ бѣдѣ, висящей надъ нею черною тучей? Понимаютъ ли они эту бѣду теперь и способны ли ее понять? И не похожъ ли маршалъ на того древняго очистительнаго козла, на котораго сваливались грѣхи всего народа?

Въ самомъ дѣлѣ, что могъ онъ видѣть тогда изъ Меца? Пусть человекъ партіи уступилъ бы въ немъ гражданину при видѣ бѣдствій отечества и онъ искренно пожелалъ бы служить ему: что могъ разглядѣть онъ въ тогдашнемъ Парижѣ? Правда, восторжествовавшая 4-го сентября революція назвалась даже и не республикою, а „правительствомъ пародной обороны“. Но ставшіе во главѣ его все-таки не могли не вселять въ Базена, боевого генерала, и хоть и человека партіи, но все-таки человека дѣятельнаго и энергическаго—естественнаго къ нимъ отвращенія. Этотъ бездарный маньякъ, генераль Трошю, всѣ эти Гарнье-Пажесы, Жюль-Фавры, хоть и достойные безспорнаго уваженія, какъ честные люди, но дряхлыя, бездарныя муміи, оказавшіеся герои-фразеры каждаго перваго дня каждой парижской революціи и—увы!—все еще не надоѣдающіе парижанамъ,—вотъ кто являлся тогда его соображающему и наблюдающему взгляду изъ Меца. Но—пусть они бездарны! Пусть всякое дѣло, къ которому ни прикасались они, пока имѣли власть, и теперь, и въ 48 году,—сохло и пропадало, но все-таки они—граждане, чистые сердцемъ люди, сыны отечества! Какъ бы не такъ. Это только республиканцы. *La république avant tout, la république avant la France* (сначала республика, а потомъ ужъ отечество)—вотъ ихъ всегдашній девизъ! И потому маршалъ, если бѣ даже и захотѣлъ стать гражданиномъ и отрѣшиться отъ своей партіи, хоть на время, для спасенія отечества,—все-таки долженъ бы былъ применить—не къ спасителямъ отечества, а тоже къ людямъ партіи... Но партію эту онъ ненавидѣлъ и, конечно, не могъ рѣшиться ей помогать! Спустя немного, изъ этой комически-бездарной группы самозванныхъ правителей отдѣлился тогда одинъ человекъ, и на воздушномъ шарѣ перелетѣлъ на другой конецъ Франціи. Онъ своевольно объявилъ себя военнымъ министромъ, и вся нація, жаждав-

шая хоть какого-нибудь правительства, тотчас же объявила его своимъ диктаторомъ. Онъ не сконфузился и не поцеремонился и дѣйствительно сталъ диктаторомъ. Этотъ человѣкъ выказалъ много энергіи, онъ управлялъ Франціею, создавалъ войска, экипировалъ ихъ. Иные теперь обвиняютъ его, между прочимъ, за то, что онъ тратилъ деньги зря и могъ бы за эти деньги въ пять разъ больше поставить и экипировать войска. Гамбетта можетъ смѣло отвѣтить своимъ обвинителямъ, что если бъ они были на его мѣстѣ, то истратили бы, можетъ быть, въ пять разъ больше его и все-таки не выставили бы ни одного солдата. И вотъ этотъ энергическій и умный человѣкъ, дѣйствительно работавшій для Франціи, съ которымъ не стыдно было работать Базену — все-таки провозглашаетъ: *la république avant la France!* Теперь уже онъ не скажетъ того; онъ хитро и терпѣливо ждетъ своей очереди и, когда падо, съ жаромъ поддерживаетъ смѣнившаго его, три года назадъ, великаго гражданина Тьера. Но про себя у него все-таки — *la république avant tout*, и все-таки онъ человѣкъ партіи прежде всего! (Кажется, этимъ-то послѣднимъ качествомъ онъ наиболѣе и дорогъ республиканцамъ).

И такъ, всюду партіи и люди партіи. Правда, во время этого чернаго года французовъ, казалось бы, промелькнуло и нѣсколько утѣшительныхъ явленій. Бретонскіе шуаны, прирожденные легитимисты, съ своими предводителями, явились драться за родину и дрались храбро. Съ изображеніемъ Богородицы на своемъ знамени, они примкнули, *на время*, къ правительству республиканцевъ и „атеистовъ“. Орлеанскіе герцоги тоже дрались съ непріателемъ въ рядахъ повобраннаго французскаго войска. Но за родину ли дрались они? Теперь несомнѣнно оказалось, что нѣтъ. Видя теперешнюю роль ихъ во Франціи, заговоръ ихъ противъ нея въ пользу „законнаго короля“, — позвоительно заключить, что и три года назадъ они встрепенулись, предчувствуя, наконецъ, добрый шансъ и для своей партіи, которая такъ долго дождалась его. И дѣйствительно они не ошиблись въ возможности шанса: они проскочили въ огромномъ числѣ, при первыхъ же выборахъ папуганной Франціи, въ національное собраніе, а теперь составили въ немъ свое олигархическое большинство.

Всюду партіи! Правда, если даже сложить всѣ эти пар-

ти вмѣстѣ, то общая цифра приверженцевъ ихъ (кроме развѣ партіи коммунистовъ — окажется въ весьма маломъ числѣ, сравнительно съ числомъ всѣхъ французовъ. Остальные французы индифферентны. Они точно такъ же, какъ и передъ появленіемъ Гамбетты, въ тогдашній роковой годъ,—жаждутъ диктатора, чтобы онъ захватилъ ихъ въ свою власть и обезпечилъ имъ жизнь и имущество. Для нихъ девизомъ извѣстная ихняя пословица: *Chacun pour soi et Dieu pour tous* (всякій за себя, а Богъ за остальныхъ). Но стало быть и тутъ, по этому девизу, какъ бы всякій человѣкъ принадлежитъ къ собственной своей партіи и—что можетъ значить для такого человѣка слово Отечество?

Вотъ язва Франціи: потеря общей идеи единенія, полное ея отсутствіе! Говорятъ про легитимистовъ, что они стремятся теперь воскресить и укоренить эту идею насильно! Но даже лучшіе изъ нихъ про это не думаютъ, а думаютъ лишь о торжествѣ своей партіи. Самые же горячіе изъ нихъ думаютъ даже и не о легитимизмѣ. Воцареніе графа Шамборскаго для нихъ — лишь будущее торжество папы и католичества („Union“, „Univers“). Это уже партія въ партіи.

Итакъ люди партіи судятъ теперь маршала Базена за то, что онъ остался — приверженцемъ своей партіи! И развѣ не похожъ онъ теперь на того древне-іудейскаго очистительнаго козла, съ которымъ мы сравнивали его?.. Допло до того, что теперь несомнѣнное преступленіе въ измѣнѣ отечеству нельзя судить во Франціи добросовѣстно — за неимѣніемъ судей; ибо всѣ такіе же люди партіи... Осуждая Базена, поймутъ ли это французы?

Обозрѣніе текущихъ событій Европы (весьма, впрочемъ, въ послѣднюю недѣлю, не обильныхъ разнообразіемъ) откладываемъ до слѣдующаго №. Упоминаемъ лишь о кончинѣ саксонскаго короля Іоанна, въ Пильницѣ, послѣ продолжительной болѣзни (удушья) 17-го (29-го) октябля. (Родился въ 1801 г., вступилъ на престолъ въ 1854 г.). Какъ человѣкъ, онъ былъ глубоко уважаемъ своими подданными.

Изъ № 44 журн. „Гражданинъ“ 1873 г.

Монархическій заговоръ большинства національнаго собранія противъ Франціи разрѣшился для нея самымъ худшимъ образомъ. Претендентъ, въ самую послѣднюю минуту, окончательно отвергъ трехцвѣтное знамя. Идея о провозглашеніи его королемъ пала сама собою — разумѣется, только на время. Но заговорщики національнаго собранія тотчасъ же приступили къ новому заговору — продлить свою власть во что бы то ни стало и даже вопреки закону. Если имъ удастся, — а судя по телеграммѣ изъ Версаля отъ 24-го октября (5-го ноября) удастся навѣрно, — то дѣло приметъ самый плачевный исходъ для страны!

Въ прошедшемъ отчетѣ нашемъ (*Гражданинъ* № 42), мы остановились на томъ, что комитетъ Шангарнье, т. е. постоянный комитетъ всѣхъ фракцій правой стороны, испуганный твердостью и стойкостью республиканцевъ и всей лѣвой стороны собранія, плотно сомкнувшейся около Тьера, а главное — повсемѣстными заявленіями изъ всей Франціи о гнѣвѣ и негодованіи страны, возраставшими прогрессивно и дошедшими до нѣкоторыхъ весьма характерныхъ и доселѣ еще неслыханныхъ особенностей (о которыхъ скажемъ ниже) — рѣшился отрядить въ Зальцбургъ, къ претенденту, *послѣднее* посольство, чтобы вырвать, наконецъ, у него согласіе насчетъ извѣстныхъ уже нашимъ читателямъ „уступокъ“. Это посольство доказывало, между прочимъ, несмотря на неоднократныя заявленія монархистовъ о томъ, что все между ними и претендентомъ улажено окончательно, — что въ сущности ничего еще улажено не было, и что эти легкомысленные и торопившіеся безумцы обманывали не только Францію,

но даже одинъ другого и даже, можетъ быть, сами себя. Въ нашемъ прошломъ отчетъ мы кончили извѣстіемъ, что посланные воротились и донесли комитету, что графъ согласенъ на все: и на „драгоцѣнные всѣмъ французамъ принципы 89-го года, и на конституцію, и даже на трехцвѣтное знамя“. Трудно представить, чтобы всѣ эти бойкіе господа обманывали самихъ себя даже и въ эту послѣднюю минуту, но нѣчто подобное должно было непременно случиться. Но вотъ вдругъ быстро заговорили въ Версалѣ и въ Парижѣ, что отчетъ о договорѣ съ претендентомъ былъ переданъ возвратившимся отъ него посланникомъ невѣрно, что графъ Шамборскій ничего не общалъ, ничего не уступилъ. Какъ только стали подыматься такіе слухи,—тотчасъ же встревоженный комитетъ Шангарнье отправилъ къ графу въ Зальцбургъ опять другихъ довѣренныхъ лицъ, съ просьбою подтвердить все то, что прежній посланникъ ихъ Шенелонъ (вмѣстѣ съ тремя другими лицами) передалъ комитету о рѣшеніи его, графа, насчетъ трехцвѣтнаго знамени; но вмѣсто ожидаемаго подтвержденія внезапно появилось въ газетѣ *Union* письмо самого претендента къ Шенелону, въ которомъ онъ уже окончательно отвергнулъ возможность какой бы то ни было изъ тѣхъ „уступокъ“, изъ-за которыхъ до сихъ поръ хлопоталъ и мучилъ всю Францію заговоръ большинства, чтобы сдѣлать хотя сколько-нибудь возможнымъ провозглашеніе графа Шамборскаго королемъ. Комитетъ Шангарнье немедленно опубликовалъ въ свою очередь отчетъ о своемъ засѣданіи, при докладѣ Шенелона о его переговорахъ въ Зальцбургѣ. Вотъ этотъ отчетъ, напечатанный въ протоколѣ. Онъ очень въ своемъ родѣ характеренъ.

Во-первыхъ, выходитъ, что графъ Шамборскій во все время переговоровъ,—и даже еще два года назадъ, когда къ нему ѣздили (массами) члены національнаго собранія еще только, такъ сказать, въ гости—держалъ себя передъ ними нестерпимо свысока. Графъ Парижскій, при зальцбургскомъ свиданіи, говорятъ, не произнесъ (или не посмѣлъ произнести) ни слова о политикѣ, или о какихъ-нибудь условіяхъ. Всѣ же эти разсылные, Шенелоны и К^о, кажется, не смѣли и сѣсть передъ нимъ. Понятно, что графъ свысока молчалъ, если посланники не смѣли даже и заикнуться съ нимъ объ условіяхъ. Не посмѣлъ заикнуться и Шенелонъ, даже и въ этотъ послѣдній разъ, хотя былъ посланъ уже за самымъ послѣднимъ словомъ

и въ самую горячую минуту, отъ которой зависѣла судьба монархіи, самого графа, всей Франціи, и, главное, всего этого яростнаго и жаднаго „большинства“, изывавшаго къ претенденту съ послѣднимъ вопросомъ: быть имъ или не быть? Прежде всего, трепещущій и заискивающій Шенелонъ почтительнѣйше объявилъ графу, который „сдѣлалъ ему честь удостоить его аудіенціей“ — что онъ явился отъ комитета вовсе не для того, чтобы „смыть предлагать графу какія-нибудь условія“, но лишь для того, чтобы, такъ сказать, „почтительнѣйше разъяснить положеніе дѣлъ“ — (буквальныя выраженія отчета). Графъ отвѣчалъ ему на это (конечно, самымъ мягкимъ и пріятнымъ голосомъ), что онъ „никогда не имѣлъ и никогда не будетъ имѣть мелкаго честолюбія — искать власти ради власти; но я почту себя счастливымъ“, прибавилъ онъ, „если мнѣ удастся посвятить Франціи мои силы и жизнь... Я страдалъ вдали отъ нея; ей тоже *жило* не хорошо въ разлукѣ со мною. Мы *необходимы другъ другу*“. Затѣмъ Шенелонъ принялся, такъ сказать, скользя, излагая все то, съ чѣмъ его послали и въ чемъ такъ настоятельно надо было категорически согласиться. По вопросу о конституціи онъ передалъ, что комитетъ желалъ бы основать свое предложеніе собранію о возстановленіи монархіи на принципъ признанія королевской власти наслѣдственной и на хартіи, „не навязанной королю и не дарованной королемъ, но которая должна быть обсуждена совмѣстно съ королемъ и собраніемъ“. (Всего удивительнѣе, что такія основныя формулы и опредѣленія отлагались, какъ оказывается теперь, до такой послѣдней минуты! Неужели въ самомъ дѣлѣ не смѣли заговорить объ этомъ раньше?) Далѣе, проскользнувъ насчетъ такихъ, напримѣръ, вещей, какъ сохраненіе гражданскихъ и религіозныхъ правъ, равенства передъ закономъ, или что законодательная власть будетъ принадлежать совмѣстно королю и собранію, — Шенелонъ тотчасъ же принялся извиняться. „Перечисленіе означенныхъ правъ, заявилъ онъ, обусловлено, конечно, не педовѣріемъ къ нему, графу Шамборскому, а излагается единственно лишь для того, чтобъ устранить недоумѣнія, могущія ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе“. По вопросу о знамени Шенелонъ пустился еще пуще извиняться и извинять комитетъ (Шангарнье) въ томъ, что „обстоятельства принудили комитетъ рѣшиться остановиться на слѣдующей формулѣ: „Трехцвѣтное знамя

сохраняется и можетъ быть измѣнено не иначе, какъ по взаимному соглашенію между королемъ и собраніемъ“. (Замѣтимъ эту формулу: это значитъ, что на завтра же послѣ воцаренія, король съ собраніемъ могутъ уничтожить трехцѣтное знамя, обезпечивъ лишь себѣ — а это такъ легко! — всего только какой-нибудь одинъ голосъ большинства въ собраніи. Про Францію и ея согласіе при этомъ и помину не было). Графъ „дозволилъ (это подлинныя слова отчета) мнѣ объясниться съ почтительною свободою и удостоилъ выслушать съ самымъ благосклоннымъ вниманіемъ“. При этомъ не сказалъ ничего, но „обнаружилъ желаніе сохранить неприкосновенными въ интересахъ страны двѣ силы: ненарушимость своихъ принциповъ и независимость своего характера“. Впрочемъ, чтобъ смягчить, онъ „изволилъ похвалить трехцѣтное знамя“: „Онъ прибавилъ—доносить Шенелонъ—что уважаетъ привязанность арміи къ знамени, обгаренному кровью солдатъ... у него никогда не было намѣренія унижать страну и знамя, подъ которымъ храбро сражались ея воины“. (Еще бы намѣреніе унижать-то!) Затѣмъ графъ, по увѣренію Шенелона, резюмировалъ свое рѣшеніе въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: 1) графъ Шамборскій не требуетъ никакой перемѣны въ знамени *до тѣхъ поръ, пока власть не перейдетъ въ его руки*, и 2) онъ предложитъ собранію самъ рѣшеніе, совмѣстно съ его честию, и которое удовлетворитъ и народъ и собраніе“.

Съ тѣмъ въ сущности и уѣхалъ Шенелонъ. Это-то рѣшеніе о знамени и находилъ комитетъ заговорщиковъ настолько удовлетворительнымъ и могущимъ всѣхъ успокоить, что рѣшился просить, черезъ особую депутацію, графа поскорѣе подтвердить его. Но графъ не подтвердилъ. Послѣдовалъ съ его стороны важнѣйшій документъ во всемъ этомъ дѣлѣ, собственноручное письмо, которымъ онъ все покончилъ. Всего письма не приводимъ, а приводимъ лишь телеграфическое о немъ извѣстіе, вполнѣ, впрочемъ, резюмирующее значеніе письма. Вотъ что пишетъ графъ Шенелону: „Такъ какъ, несмотря на ваши усилія, недоразумѣнія не прекращаются, то и объявляю, что не отрицаюсь ни отъ чего, не уменьшаю нисколько моихъ предшествовавшихъ заявленій. Притязанія, предъявляемые накупунѣ моего воцаренія, дадутъ мнѣ мѣру позднѣйшихъ требованій. Я не могу согласиться начать восстановительное и могучее царствованіе дѣломъ слабо-

сти. Вошло въ обычай сопоставлять твердость Генриха V съ ловкостью Генриха IV, но я желалъ бы знать, кто осмѣлился бы посоветовать ему отказаться отъ знамени Арка и Иври "... „Ослабленный сегодня (пишетъ графъ далѣ), я сдѣлаюсь безсильнымъ завтра. Дѣло идетъ о возсозданіи, на его естественныхъ началахъ, общества глубоко потрясеннаго, объ энергическомъ утверженіи царства законовъ. Необходимо возродить благоденствіе внутри страны, заключить прочные союзы, особенно не опасаться употреблять силу на службу порядка и справедливости". Далѣ замѣчаетъ графъ, что графъ Парижскій не поставлялъ ему никакихъ условій, и что отъ маршала Макъ-Магона (этого Байарда нашего времени, какъ замѣчаетъ графъ), тоже не требовали гарантій при избраніи въ президенты. Франція не можетъ погибнуть (воскликаетъ подъ конецъ графъ), потому что Христосъ любитъ еще своихъ франковъ, и „когда Господь Богъ рѣшился спасти народъ, Онъ блюдетъ за тѣмъ, чтобы скипетръ справедливости былъ данъ въ руки достаточно сильныя, чтобы держать его!“

Мы поирежнему готовы написать, что „однимъ великодушнымъ человекомъ стало на свѣтѣ больше“, какъ и заявили въ одномъ изъ предыдущихъ нашихъ обзорѣній. Отказаться отъ престола, чтобъ не измѣнить своимъ принципамъ—безспорно великодушное дѣло. Но теперь, признаемся, — такъ какъ уже самъ графъ высказался, — мы немного другого мнѣнія. Дѣло въ томъ, что врядъ ли претендентъ въ самомъ дѣлѣ отказывается царствовать? Это письмо, рѣшившее на время его участь, намекаетъ на иные расчеты. Намъ кажется даже, что онъ никогда не былъ столь увѣренъ, что взойдетъ на престолъ, какъ теперь. Въ своей „необходимости для Франціи“ онъ убѣжденъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, и павѣрное заключаетъ, что если и отдалится теперь на минутку его воцареніе, то для него же будетъ выгодноѣ, потому что въ концѣ концовъ безъ него не обойдутся и все-таки примутъ его, по уже не смѣя предлагать ему условія, со всѣми „принципами“. Въ силу партіи своей въ національномъ собраніи онъ продолжаетъ вѣрить слѣпо. Онъ увѣряетъ, что любитъ Францію, но, кажется, мало собственно о ней думаетъ и, очевидно, смѣшиваетъ ее съ своей партіей. Характерно письмо его и въ томъ отношеніи, что онъ изъясняетъ въ немъ, наконецъ, и тѣ средства, которыми, по

воцареніи своемъ, надѣется спасти Францію. Эти средства—строгость, „не бояться употреблять для укорененія спокойствія—силу“. Признаемся, мы такъ и подозрѣвали, что средствъ больше у него нѣтъ никакихъ, когда въ одномъ изъ обзорѣннй нашихъ задавали себѣ вопросы: „Чѣмъ можетъ надѣяться легитимизмъ спасти Францію и какъ именно располагаетъ спасти ее?“ Наконецъ, очень страннымъ показался намъ и самый тонъ письма. Пусть Луи-Вельо, въ газетѣ, влагасть фигтивно въ его уста высокія рѣчи. Но самому графу, уже отъ лица своего и въ такихъ важныхъ документахъ, неприлично бы, кажется, во всеуслышаніе говорить, что „Я страдалъ вдали отъ нея (отъ Франціи), ей тоже *жилоь не хорошо въ разлуку со мною*“, или, что уважаетъ привязанность арміи къ своему знамени, что у него никогда не было намѣренія *унижать* страну и знамя, подъ которымъ храбро сражались ея воины“. Любопытно, какъ представляетъ онъ себѣ, изъ своего Зальцбурга, французовъ, привыкшихъ къ своему равенству, и которые прочтуть теперь и узнають, что сидитъ гдѣ-то человекъ и милостиво дозволяетъ имъ избрать себя во спасителя. Эту дѣтскую увѣренность въ себѣ, эту, такъ-сказать, „слѣпорожденность“ въ пониманіи вещей и явленій—жалко даже тревожить.

И все это хочетъ и претендуетъ спасти Францію!

Паденіе надеждъ „большинства“ собранія послѣ этого письма чуть не произвело распадѣнія партіи. Почти всѣ фракціи правой стороны приняли извѣстіе съ бѣшенствомъ. Но оказалось, что согласіе было быстро возстановлено—и не столько искусствомъ вожаковъ, сколько силою вещей: изо всѣхъ силъ сохранить свою олигархическую власть въ собраніи, „большинству“ собранія показалось выгоднѣе, чѣмъ поссориться. Пока республиканцы, и Тьеръ во главѣ ихъ, торжествовали и предвкушали побѣду,—комитетъ Шангарнье рѣшилъ внести въ собраніе проектъ закона о немедленномъ продленіи власти Макъ-Магона, съ новыми въ пользу его гарантіями, на 10 лѣтъ, а національному собранію не расходиться еще два съ половиною года. При этомъ маршалъ Макъ-Магонъ вполнѣ оправдалъ довѣріе столь вѣрившаго въ него „большинства“. Еще двѣ недѣли тому назадъ онъ заявилъ, что если падетъ большинство собранія, то удалится съ президентства и онъ. Такимъ образомъ, вѣрность и приверженность его большинству доходитъ до апофеоза! Не большинству со-

бранія онъ служить, а только *теперешнему* большинству его. Другими словами, собственно національное собраніе и волю его онъ ни во что не ставитъ, ибо если падетъ теперешнее большинство, то все же воцарится другое большинство, замѣсто теперешняго, изображающее волю собрапія,—по тому большинству уже онъ служить не станетъ. И это въ то время, когда страна (и онъ знаетъ это) нуждается въ немъ, ибо онъ имѣетъ такое вліяніе на войско! Такая рабская приверженность къ своимъ благодѣтелямъ почти трогательна. И вотъ этотъ „честный и храбрый солдатъ“, на котораго надѣялась Франція, оказался всего только человѣкомъ партіи, и не столько человѣкомъ партіи, сколько ея прихвостнемъ. А еще графъ Шамборскій погладилъ его по головкѣ и назвалъ Баярдомъ! Конечно, Ваярдъ, но только съ другой стороны.

Все такъ и случилось, какъ рассчиталъ комитетъ Шангарнье. 5-го ноября (н. ст.) открылись, наконецъ, послѣ длинныхъ вакансій, засѣданія національнаго собранія. Прочитано было посланіе президента республики. Между прочимъ, въ посланіи сказано, что „нынѣшняя исполнительная власть не имѣетъ достаточно живучести и силы. Правительство не достаточно вооружено, чтобы отнять у партій всякую надежду на успѣхъ“. (А само правительство теперь не партія?). Заявляется также объ увлеченіяхъ печати, которыя развращаютъ духъ населенія (это послѣ-то безчисленныхъ и наглѣйшихъ притѣспеній печати?), и доказывается необходимость муниципальной реформы.

Затѣмъ въ національное собраніе внесено было предложеніе генерала Шангарнье о продленіи срока власти маршала Макъ-Магона на десять лѣтъ. Со стороны правительства прочитанъ докладъ въ пользу безотлагательнаго обсужденія этого предложенія. Дюфоръ, не возставая противъ безотлагательности, потребовалъ отсылки предложенія на обсужденіе въ комиссію разсмотрѣнія конституціонныхъ проектовъ. Правительство, съ своей стороны, настаивало на отсылку предложенія Шангарнье въ специальную комиссію. Предложеніе Дюфора, гласитъ телеграмма, отвергнуто большинствомъ 362 голосовъ противъ 348.

Такимъ образомъ, за монархическимъ „большинствомъ“ оказалась побѣда въ 14 голосовъ. Результатъ въ томъ, что Франція на 10 лѣтъ останется въ своемъ неопредѣленномъ положеніи. Ни монархія, ни республика! При измѣненіи муниципальных законовъ, при угнетеніи прессы,

при неограниченномъ насилии олигархическаго большинства собранія, имѣющаго въ виду монархію, — Франціи обезпеченъ и впродъ выборъ въ національное собраніе такихъ же интригановъ и олигархистовъ на 10 лѣтъ. Обезпечены тоже — постоянная война съ республиканцами, происки партій и несомнѣнная революція въ будущемъ. Такой воцарившійся хаосъ, безспорно, хуже воцаренія графа Шамборскаго; ибо графъ Шамборскій непремѣнно и быстро былъ бы изгнанъ, и послѣ него еще могла бы воцариться умѣренная республика, тогда какъ теперь, при неизбѣжной революціи въ будущемъ, врядъ ли уже будетъ возможно торжество умѣренныхъ.

Правда, французы сильно надѣются на послушные штыки преданной Макъ-Магону арміи, стало-быть, и на спокойствіе, защиту отъ коммунистовъ и проч. Въ началѣ нашего отчета мы упомянули о „нѣкоторыхъ весьма характерныхъ и доселѣ еще неслыханныхъ особенностяхъ въ проявленіяхъ недовольства страны“ и обѣщали сказать о нихъ ниже. Укажемъ лишь на одно изъ этихъ явленій. Недѣли двѣ назадъ, нѣкто бригадный генераль Бельмаръ, прислалъ изъ Перигѣ военному министру письмо слѣдующаго содержанія:

„Г. министр, я служу тридцать три года подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ Франціи, и правительству республики послѣ паденія имперіи. Я не буду служить подъ бѣлымъ знаменемъ и не отдамъ моей шпаги въ распоряженіе монархическаго правительства, возстановленнаго помимо народной воли. И такъ, если бы, вопреки ожиданію, нынѣшнее національное собраніе возстановило монархію, я почтительнѣйше прошу васъ, г. министр, уволить меня, послѣ такого голосованія, отъ ввѣренной мнѣ вами должности. Генераль Бельмаръ“.

Генераль Бельмаръ былъ тотчасъ же послѣ этого письма выключенъ изъ службы. Военный министр немедленно потребовалъ отъ начальниковъ дивизій свѣдѣній о настроеніи войскъ въ виду нынѣшнихъ обстоятельствъ, и въ присланныхъ къ нему донесеніяхъ, какъ увѣряютъ газеты, заявлено, что въ арміи господствуетъ сильное нерасположеніе къ реставраціи (т.-е., другими словами, къ національному собранію).

Вотъ явленіе, безспорно, новое. Никогда еще армія французская не „разсуждала“, а только слушалось своего начальства, какъ и слѣдуетъ хорошей арміи, и похвально

дѣлала. Для чего генералу Бельмару понадобилось вдругъ заявить о томъ, что онъ не признаетъ воли національнаго собранія въ случаѣ воцаренія графа Шамборскаго? Дождался бы факта и благородно бы вышелъ въ отставку, не заявляя и не трубя заранѣе. Не значить ли это, что армія захотѣла „смѣть свое сужденіе имѣть“? Генераль Бельмаръ, безспорно, хотѣлъ подать примѣръ. И такъ, пусть французы не очень-то надѣются на штыки маршала Макъ-Магона и на спокойствіе. Если съ одной стороны власть Макъ-Магона, продленная на 10 лѣтъ, будетъ, безспорно, началомъ — уже не цезаризма — а настоящаго военнаго деспотизма (правительства еще неиспытаннаго Франціею въ самомъ чистомъ его состояніи), то письмо Бельмара — не есть ли начало pronunciamiento? Этого недоставало еще несчастной Франціи! Это, однакоже, въ порядкѣ вещей: военный деспотизмъ непременно долженъ вести за собою начало pronunciamiento.

Изъ № 45 журн. „Гражданинъ“ 1873 г.

Въ Германіи почти вся печать, и даже офиціозныя прусскія газеты, съ радостію приняли извѣстіе о паденіи надеждъ французскихъ легитимистовъ на возстановленіе „законной монархіи“. Письмо графа Шамборскаго считается въ Германіи какъ окончательное и уже вѣковѣчное устраненіе всякой дальнѣйшей попытки легитимистовъ. Ближайшимъ образомъ эта радость нѣмецкой прессы мотивируется тѣмъ, что, — какъ мы уже и развивали это раньше, — воцареніе графа Шамборскаго непременно, рано или поздно, повлекло бы за собой и попытку на возстановленіе свѣтскаго владычества папы. И такъ какъ не вступить на эту дорогу не могла бы Франція, вмѣстѣ съ возстановленіемъ монархіи, то въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно столкнулась бы съ Германіей, и, можетъ быть, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, несмотря на страхъ передъ ужаснымъ рискомъ. Если тѣмъ объяснить теперешнее довольство нѣмцевъ, то всего любопытнѣе, что въ Германіи серьезныя органы могли серьезно вѣрить — не только въ мимолетный успѣхъ воцаренія претендента, но и въ прочность этого успѣха на дальнѣйшее время. Нѣмцы немного слишкомъ вѣрятъ въ успѣхъ „крови и желѣза“. Намъ кажется, что въ настоящій кризисъ броженія умовъ и желаній во Франціи — иначе не умѣемъ выразиться — насиліе въ этой странѣ почти невозможно, ибо некому произвести его. То-есть и нашлись бы охотники и, что всего любопытнѣе, можетъ быть нашлось бы тамъ и чрезвычайное большинство, искренно желающее, чтобъ надъ нимъ (и даже поскорѣе) произведено было, въ видахъ окончательнаго утвержденія порядка, насиліе; но въ этой странѣ, чтобы удалось насилію — мало одной силы и даже согла-

сія самихъ насилуемыхъ. Необходимъ авторитетъ насилію, авторитетъ хотя бы и ненавидимый, хотя и не настоящій, но несомнѣнный, признаніе дѣйствительной силы за властью. Графъ Шамборскій такого авторитета не имѣлъ и врядъ ли вѣрятъ въ его силу даже многіе изъ его послѣдователей. А потому,—повторяемъ уже сказанное нами прежде,—онъ былъ бы несомнѣнно и быстро изгнанъ; и такой оборотъ дѣла былъ бы, можетъ быть, полезнѣе для Франціи, чѣмъ теперешнее хаотическое ея состояніе,—полезнѣе хоть тѣмъ однимъ, что одной партіей стало бы меньше и возможно было бы вновь господство партіи умѣренныхъ республиканцевъ.

Нѣкоторые консервативные органы въ Германіи, наблюдая радость своихъ либеральныхъ газетъ о неудачѣ претендента, какъ бы не вѣрятъ въ выставляемые либералами мотивы ея,—то-есть въ боязнь вступленія Франціи на опасный путь ультрамонтанской политики. *Крестовая Газета*, напримѣръ, возвѣстила прямо, что всѣ либералы всего свѣта между собою солидарны; что въ радикализмѣ національности исчезаютъ, а потому и нѣмецкіе радикалы радуются за французскихъ, видя ихъ удачу. Такое строгое и угрюмое обличеніе, можетъ быть, не лишено справедливости. Замѣчаніе о всегдашней духовной солидарности радикаловъ всего міра, и о повсемѣстной силѣ радикализма сглаживать національности — довольно вѣрно. Любопытно, что это замѣчаніе, какъ бы съ укоромъ и опасеніемъ, сдѣлано въ той странѣ, гдѣ, именно въ эту минуту, національныя идеи имѣютъ такой огромный успѣхъ, гдѣ, послѣ недавняго торжества надъ Франціею, чувство національнаго собою довольства дошло чуть не до пошлости, гдѣ даже наука начала отзываться чуть не шовинизмомъ. Неужели правда, что и въ Германіи уже силенъ космополитическій радикализмъ? Что уже и къ ней стучится въ двери французское ученіе — коммунизмъ? Если Россію, чуть не съ самаго пачала столѣтія, принято считать у европейскихъ умниковъ за грозный колоссъ на глиняныхъ ногахъ (тогда какъ, въ сущности, если у насъ что особенно здорово и дѣло, то это именно основаніе, т. е. народъ, на которомъ испоконъ вѣку утверждалась и будетъ утверждаться Россія)—то неужели и къ новому германскому колоссу можно уже примѣнить, хоть отчасти,—такой же отзывъ?

Кстати, въ Пруссіи окончились выборы въ прусскій

сеймъ, засвидѣтельствовавшіе о чрезвычайномъ возбужденіи политическихъ партій въ Германіи. Прусское правительство покровительствуетъ теперь національно-либеральнымъ партіямъ разныхъ оттѣнковъ, оттолкнувъ отъ себя совершенно партіи юнкерскую и католическую. Торжество либераловъ на выборахъ оказалось несомнѣннымъ и прусское правительство, конечно, можетъ разсчитывать въ сеймѣ на большинство. Но любопытенъ фактъ, что такъ-называемая клерикальная партія, или, вѣрнѣе, — всѣ недовольные новыми церковными законами, составили довольно сильный союзъ (въ который вошли, напримѣръ, остатки уже совершенно разбитой старой юнкерской партіи, которую еще такъ недавно, всего нѣсколько лѣтъ тому, правительство такъ поддерживало). И если сосчитать подробно всѣ силы союзниковъ въ новомъ избранномъ ландтагѣ, то клерикальная партія можетъ разсчитывать на весьма даже сильное меньшинство. Можетъ образоваться, такимъ образомъ, сильная оппозиція. Ландтагъ открытъ уже съ 1-го ноября. Въ февралѣ ожидаютъ выборовъ въ германскій рейхстагъ, и клерикалы надѣются на еще болѣе успѣхъ! Правда, въ Пруссіи правительство не привыкло слишкомъ смущаться оппозиціями своихъ ландтаговъ, и въ прѣжнее время, преспокойно выпускало ихъ въ случаѣ нужды, а само дѣлало свое дѣло. Послѣ же послѣднихъ великихъ результатовъ, которыхъ оно достигло, неуклонно дѣлая свое дѣло, обаяніе его только увеличилось. Особенно теперь Пруссія любитъ видѣть силу въ своемъ правительствѣ. По крайней мѣрѣ, большинство высшей интеллигенціи несомнѣнно и во всемъ на его сторонѣ; такъ продолжительно обаяніе побѣды!

Въ прошломъ отчетѣ нашемъ мы говорили, что послѣ паденія во Франціи всѣхъ надеждъ монархической партіи, большинство всѣхъ фракцій правой стороны, ошеломленное сначала извѣстнымъ письмомъ графа Шамборскаго, успѣло, однакоже, вновь крѣпко соединиться и составить новый проектъ о продленіи власти маршала Макъ-Магона на 10 лѣтъ. Этотъ проектъ составленъ былъ чрезвычайно заносчиво и носилъ на себѣ печать всей той легкомысленной и необузданной наглости, съ которою дѣйствовала эта пресловутая „партія борьбы“ съ самой побѣды своей, 24-го мая, до сихъ поръ. Сначала, сейчасъ послѣ письма графа Шамборскаго, на мгновеніе возникла было мысль

провозгласить котораго - нибудь изъ Орлеанскихъ принцевъ „наибѣстникомъ короля“ и передать ему исполнительную власть. Такимъ образомъ, Франція все-таки, хотя и безъ короля, стала бы монархіею. Всего нелѣпѣе въ этомъ характернѣйшемъ проектѣ выставляется взглядъ этихъ потерявшихся, но попрежнему наглыхъ людей на Францію и французовъ; трудно даже и сообразить, какъ можно было, хоть что-нибудь понимая, надѣяться водворить въ странѣ, подобнымъ, ничего не разрѣшающимъ проектомъ—миръ и спокойствіе? Уже одна нелѣпость подобнаго предложенія, въ другое, болѣе здоровое время, должна бы была, кажется, повести за собою полное распаденіе партіи, отвратить отъ нея здравомыслящихъ членовъ собранія, до сихъ поръ за нею слѣдовавшихъ. Но распаденія не произошло, хотя проектъ исчезъ самъ собою, потому что принцы Орлеанскіе, люди разсчетливые, своего согласія на такую нелѣпость не дали. Тогда, бросаясь во всѣ стороны, попробовали было пригласить въ наибѣстники королевства маршала Макъ-Магона, но и маршалъ отклонилъ отъ себя эту честь, выставляя на видъ, что нельзя ему быть наибѣстникомъ королевства, въ которомъ нѣтъ короля. Такимъ образомъ и принуждены были остановиться на мысли о продленіи власти маршала, какъ главы правительства, на 10 лѣтъ, а собранію не расходиться, по крайней мѣрѣ, еще года три. Тутъ честный маршалъ, которому, какъ кажется, съ 24-го мая, власть уже успѣла понравиться, предложилъ условія, хотя и благородныя съ одной стороны, но не отличающіяся особенною дальновидностью съ другой,—такъ какъ въ концѣ концовъ все-таки Францію продолжали принимать за *tabula rasa*. Маршалъ потребовалъ, чтобъ ему дали особыя, опредѣленныя гарантіи на всякій случай, и если бѣ, напримѣръ, и разошлось когда-нибудь, въ десять лѣтъ, настоящее собраніе и настало на его мѣсто другое, а въ томъ обнаружилось бы радикальное большинство, то онъ, глава правительства, чтобъ имѣлъ право тотчасъ же закрыть и распустить собраніе, а самъ продолжалъ владычествовать уже безъ собранія, хотя бы цѣлыхъ 10 лѣтъ, неограниченно президентствуя и неограниченно возстановляя порядокъ. (Слишкомъ ужъ нужно быть военнымъ человекомъ и надѣяться на свои штыки, чтобы выдумать во Франціи такой неслыханный еще кунштюкъ). И однако же проектъ этой, неслыханной еще во Франціи военной

диктатуры былъ принятъ тотчасъ же всей правой стороной и внесенъ президентомъ комитета всѣхъ фракцій правой стороны, престарѣлымъ генераломъ Шангарнье, въ національное собраніе въ первый день его открытія, 5-го ноября (н. с.).

По прочтеніи предложенія потребовали безотлагательнаго его обсужденія. Дюфоръ, членъ лѣваго центра, не возставая противъ безотлагательности, потребовалъ лишь передачи проекта въ существующую комиссію разсмотрѣнія конституціонныхъ проектовъ. Правая сторона настаивала, напротивъ, на отсылкѣ въ новую, специальную комиссію, которую съ этою цѣлью и предлагала избрать. Пошли на голоса и за правой стороной, какъ уже извѣстно, оказалось большинство въ 14 голосовъ.

На этомъ извѣстии мы и закончили въ прошлый разъ наше обзорѣніе. Между тѣмъ, случилась прехарактерная вещь, по которой, уже по одной, можно бы отчасти разгадать характеръ теперешняго положенія дѣлъ въ этомъ потерявшемъ свою почву собраніи. Когда (7-го ноября) собраніе раздѣлилось на отдѣленія, чтобы выбрать членовъ этой отвоєванной большинствомъ специальной комиссіи, для разсмотрѣнія ею проекта Шангарнье—вдругъ, въ числѣ избранныхъ 15 членовъ, оказалось большинство за лѣвой стороной собранія. Ремюза, членъ лѣваго центра, недавно заявившій себя республиканцемъ, избранъ былъ президентомъ комиссіи, въ которую вошелъ, какъ членъ, и Леонъ Се, предводитель лѣваго центра.

Такимъ образомъ, лѣвая сторона, боявшаяся специальной комиссіи и настаивавшая на отсылкѣ предложенія Шангарнье въ общую комиссію разсмотрѣнія конституціонныхъ проектовъ (въ которой, впрочемъ, правая сторона всегда имѣла перевѣсъ)—получила побѣду тамъ, гдѣ не думала; а правая сторона, такъ настаивавшая на специальной комиссіи—ужь, конечно, съ цѣлью наивѣрнѣе обезпечить себѣ успѣхъ—была именно на этомъ пути побита.

Всѣ спрашивали и продолжаютъ до сихъ поръ спрашивать: что можетъ означать этотъ фактъ? Болѣе ничего, по нашему мнѣнію, что національное собраніе именно утратило подъ собою почву, потеряло всякую руководящую нить, и ни одна партія не вѣритъ уже въ свою силу. Съ паденіемъ идеи непосредственнаго провозглашенія законной монархіи, легитимисты, бывшіе вожаки большин-

ства, остались лишь при однихъ желаніяхъ, но, непри-
мѣтно для себя, тотчасъ же потеряли руководящую силу
для рабски слѣдовавшаго до сихъ поръ за нимъ боль-
шинства. Предложеніе Шангарнье хотя и соединило, по-
видимому, вновь большинство, но зато и устранило окон-
чательно прежнюю соединявшую всѣхъ идею. Въ новой
же идеѣ соединенія тотчасъ же обнаружился разладъ.
Крайніе, напимѣръ, роялисты, поддерживая проектъ Шан-
гарнье, объявили вслухъ, что хоть Макъ-Магонъ и отка-
зывается отъ роли королевскаго намѣстника, но тѣмъ не
менѣе все-таки будетъ имъ, такъ что если бъ пришлось
опять провозгласить короля, то президентъ Макъ-Магонъ,
несмотря на свое десятилѣтнее избраніе, тотчасъ же обя-
занъ уступить ему мѣсто. Совсѣмъ уже въ другихъ мы-
сляхъ поддерживалъ проектъ Шангарнье правый центръ,
столь согласный доселѣ съ легитимистами; онъ, напимѣръ,
требуетъ уже теперь, чтобы Макъ-Магонъ провоз-
глашенъ былъ не *главою государства* на 10 лѣтъ, какъ
хотятъ легитимисты, но *президентомъ республики* на 10
лѣтъ, въ виду окончательнаго устраненія неопредѣлен-
наго положенія, и хотя бы съ диктаторской властью, но
все-таки благонадежно ограниченной въ парламентарномъ
смыслѣ.

Такимъ же образомъ, вслѣдъ за двумя крупнѣйшими
фракціями правой стороны, раздѣлились и всѣ остальные
ея фракціи; каждая согласна на продленіе власти мар-
шала, но каждая въ своемъ смыслѣ и уже при своемъ
собственномъ взглядѣ на дѣло. Фракціи затѣмъ разбились
на кружки, на отгѣнки, и, въ концѣ концовъ, произошло
то, что непремѣнно должно было произойти: при наруж-
номъ единеніи смыслъ его оказался утраченнымъ, цѣли
разными и, недавно столь крѣпкая и единодушная партія
большинства, съ утратою послѣдней надежды на графа
Шамборскаго, стала невольно расходиться въ разныя сто-
роны. Естественно, можно ожидать и полнѣйшаго распа-
денія. Такимъ образомъ, и оказалось, что при броженіи
и колебаніи умовъ, многіе принадлежавшіе, напимѣръ,
къ правому центру, могли нарочно даже выбрать въ спе-
ціальную комиссію членовъ лѣваго центра—для вѣрнѣй-
шаго торжества своихъ новыхъ желаній и цѣлей. Несом-
нѣнно произошли и тайныя отпаденія, измѣны.

И такъ, характерная черта собранія въ данную ми-
нуту—полное разъединеніе, ибо и лѣвая сторона, не видя

прежнихъ противниковъ, противъ которыхъ соединилась, несмотря на разномысліе своихъ фракцій, — кажется, тоже начала немного расшатываться. По послѣднимъ извѣстіямъ, Ремюза и Леонъ-Се, члены спеціальной комиссіи, вступаютъ въ переговоры съ Макъ-Магономъ. Безъ сомнѣнія, комиссія кончитъ выборомъ маршала главою государства, хоть не на 10, то на 5 лѣтъ, но уже съ титуломъ „президента республики“, съ провозглашеніемъ республики и съ условіемъ немедленнаго разсмотрѣнія конституціонныхъ законовъ, предложенныхъ еще въ правительствѣ Тьера.

Образуется тоже въ національномъ собраніи сильная партія прямого воззванія къ народу и всенароднаго голосованія республики. Тьеръ, болѣе чѣмъ когда-нибудь увѣренный въ побѣдѣ, говоритъ всѣмъ окружающимъ его: „требуйте распущенія собранія и воззванія къ народу“.

Эта идея о воззваніи къ народу привлекла, между прочимъ, на лѣвую сторону и большинство бонапартистовъ, имѣющихъ до 30 членовъ въ собраніи. Они сначала рѣшили было дѣйствовать такъ: если станутъ легитимисты провозглашать монархію, то вотировать противъ съ республиканцами. Если же республиканцы станутъ провозглашать республику, — то примкнуть опять къ монархистамъ; въ сущности помѣшать и тѣмъ, и другимъ. Но мысль о воззваніи къ народу, которой они первоначальные представители, увлекла ихъ, и, въ большинствѣ своемъ, хотя и очень осторожно, они примыкаютъ къ республиканцамъ.

По послѣднимъ телеграммамъ, Макъ-Магонъ понукаетъ спеціальную комиссію кончить дѣло объ избраніи его скорѣе. Онъ, кажется, готовъ сильно понизить первоначальный тонъ и сбавить требованія. Всего бы лучше было, если бы „честный человѣкъ“ не выказалъ себя, во всей этой жалкой комедіи монархистовъ, не пощадивъ даже своего высокаго сана, такимъ жалкимъ приверженцемъ партіи. Франція взирала бы на него теперь съ бѣльшей надеждой и съ бѣльшимъ уваженіемъ, а въ собраніи, можетъ быть, оказалось бы болѣе единенія вслѣдствіе вѣры въ его честное желаніе быть полезнымъ отечеству. Урокъ „честному человѣку“.

Въ результатъ — возрастающее разъединеніе партій и все болѣе и болѣе нарастающее раздраженіе страны.

Нѣсколько дней тому назадъ телеграфировалось изъ Байоны объ окончательной побѣдѣ Донъ-Карлоса надъ войсками мадридскаго правительства, и о взятіи въ плѣнъ Моріонеса, главнокомандующаго правительства. На-дняхъ же изъ Мадрида телеграфировали, напротивъ, о большой побѣдѣ Моріонеса надъ карлистами. Ни то, ни другое извѣстіе пока еще не подтвердилось съ надлежащею достоверностью.

Пишутъ тоже изъ Мадрида объ ожидаемой съ часу на часъ сдачѣ Картагены. Тогда правительство уничтожило бы главный пунктъ южнаго мятежа. Но и Картагена пока еще не сдалась...

Изъ № 46 журн. „Гражданинъ“ 1873 г.

Открытие австрійскаго рейхсрата произвело чрезвычайно сильное возбужденіе въ Имперіи — не въ пользу правительства. Даже самая обширность программы будущихъ дѣйствій правительства подвергается нападеніямъ: „Задать себѣ разомъ столько задачъ“, говорятъ противники правительства, „значить ни къ одной изъ нихъ не отнестись серьезно“. На первомъ планѣ, въ тронной рѣчи, разумѣется, обѣщаніе стать энергически противъ обрушившагося въ этомъ году на Имперію финансоваго кризиса. Возрожденіе вновь кредита, постановка торговли и народнаго хозяйства на болѣе твердую и безопасную дорогу—вотъ одинъ изъ первыхъ пунктовъ, указанныхъ императоромъ рейхсрату. Затѣмъ слѣдовали указанія на преобразование всей системы налоговъ, на вопросъ о возобновленіи привиллегіи Національнаго Банка; на акціонерную и биржевую реформы; на новые желѣзнодорожные и ремесленные уставы и проч. Затѣмъ провозглашалась необходимость реформъ въ уложеніи о наказаніяхъ, въ судопроизводствѣ, въ пересмотрѣ законовъ гражданскихъ и, сверхъ всего, „установленіе новыхъ отношеній между государствомъ и католическою Церковью“.

Венгерцы, спѣша огородить свои интересы, требуютъ теперь *дуализма* и для устройства финансовъ своего королевства — распавшаго Національнаго Банка на цислейтанскій и венгерскій и проч. Мѣры, внесенныя министромъ финансовъ Депретисомъ, возбудили всеобщее волненіе и уныніе. Курсы на биржѣ понизились. Ожидаютъ грозной оппозиціи; со всѣхъ сторонъ въ журналахъ предають правительство осужденію, впрочемъ, въ весьма разнообразномъ смыслѣ. Нѣмецкія газеты, отвѣчая венгерскимъ,

прямо заявляютъ, что для Австріи будетъ гораздо выгоднѣе скорѣе совершенное выдѣленіе изъ Имперіи венгерскаго королевства и провозглашеніе полной его независимости, чѣмъ распространеніе политическаго дуализма и на финапсовыя дѣла Австро-Венгрии. Съ ожесточеніемъ нападаютъ на тронную рѣчь польскіе журналы, а въ чешскомъ *Pokrok* заявлено прямо, что тронная рѣчь императора къ цислейтанскому рейхсрату „до чешской націи не относится“. Ультрамонтанскіе органы тоже слышали грозу въ словахъ императора объ установленіи „какихъ-то“ новыхъ отношеній государства къ Церкви. Коммунизмъ несетъ съ собою совершенное уничтоженіе религіи, рассуждаютъ австрійскіе ультрамонтаны, но это уничтоженіе лучше, потому что грубѣе, чѣмъ утонченный либерализмъ современныхъ правительствъ, который хочетъ обратить епископовъ и священниковъ въ своихъ чиповниковъ, а вѣру—въ одно изъ средствъ управленій.

Ультрамонтанская партія не дремлетъ тоже и во вновь открывшемся прусскомъ ландтагѣ, какъ и упоминали уже мы въ *Грижданинѣ*, въ прошломъ 45 №, въ нашемъ перечнѣ иностранныхъ событій. Какъ уже замѣчали мы и прежде, политика ультрамонтановъ все болѣе и болѣе вступаетъ на дорогу демократическую. Они уже успѣли, наиримѣръ, внести въ палату два проекта новыхъ законовъ: о введеніи впредь, при выборѣ членовъ парламента, всеобщей подачи голосовъ и объ отмѣнѣ штемпельной пошлины съ газетъ. Съ другой стороны, въ высшей степени характерна и замѣчательна депеша изъ Берлина, отъ 13-го ноября, напечатанная въ газетѣ *Times*: „Императоръ, имѣя въ виду, что нѣсколько сотъ католическихъ общинъ лишены въ настоящее время духовныхъ пастырей (NB — конечно, вслѣдствіе строгихъ мѣръ правительства, преслѣдующаго ультрамонтанскія стремленія нѣмецкаго католичества), изъявилъ, послѣ продолжительнаго колебанія, согласіе на внесеніе проекта закона о введеніи обязательнаго гражданскаго брака и на веденіе метрическихъ книгъ гражданскими властями. Законъ этотъ чрезвычайно важенъ, особенно въ Германіи, гдѣ образованные классы, одинаково независимые, какъ отъ католической, такъ и отъ протестантской церкви, придерживались до сихъ поръ религіозныхъ обрядовъ при совершеніи браковъ, крестинъ и похоронъ главнымъ образомъ

потому, что это предписывалось закономъ. Какъ скоро бракъ сдѣлается чисто-гражданскою формальностью, явится необходимость и въ учрежденіи кладбищъ, открытыхъ для всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій, потому что священники откажутся хоронить лицъ, жившихъ въ брачномъ союзѣ, не освященномъ церковью. Фактически кладбища уже и теперь утрачиваютъ свой исключительный характеръ, такъ какъ, несмотря на протесты священниковъ *), „старокатоликовъ“ **) хоронятъ, при содѣйствіи полиціи, внутри кладбищенской ограды. Новый законъ будетъ имѣть значеніе еще въ томъ отношеніи, что поощритъ заключеніе браковъ между христіанами и евреями, а извѣстно, что послѣдніе составляютъ въ Германіи многочисленный и весьма вліятельный классъ“.

Извѣстіе о подобномъ проектѣ закона, на который далъ свое согласіе благочестивый германскій императоръ, всего болѣе замѣчательно тѣмъ, что рисуетъ передъ нами ту желѣзную непреклонность, съ которою настоящая прусская политика преслѣдуетъ ультрамонтанское движеніе въ Имперіи. Важность новаго проекта закона заявляетъ и о важности тѣхъ опасеній, съ которыми правительство смотритъ на своего врага, и о тѣхъ размѣрахъ, которые придаетъ ему. Но, очищая ниву отъ плевелъ, не вырвать бы и пшеницы. Религіозный индифферентизмъ и безъ того не нуждается въ наше время въ поощреніи. Замѣчательно и то, что религіозный либерализмъ, индифферентизмъ и, наконецъ, атеизмъ, всегда и во всѣ вѣка и времена были болѣзнями сословій высшихъ, аристократическихъ. Ультрамонтаны же, сколько замѣтно, по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ признакамъ, послѣ вѣкового высокомернаго отчужденія своего отъ народа, обращаются теперь, по крайней мѣрѣ, въ Германіи, къ демократической политикѣ. Довольно странная перетасовка ролей, свидѣтельствующая о нѣкоторой тонкости взгляда, со стороны новѣйшихъ римско-католиковъ...

Спеціальная комиссія изъ 15 членовъ, назначенная версальскимъ національнымъ собраніемъ для разсмотрѣнія проекта Шангарнье о продленіи президентской власти

*) Римско-католическихъ.

**) „Старо-католики“ — новая государственно-религіозная секта въ Германіи, сильно протезируемая берлинскимъ правительствомъ и о которой мы уже не разъ говорили съ читателями.

маршала Макъ-Магона, и въ которой, какъ мы уже говорили, столь неожиданно оказалось большинство за республиканцами, кончила свои занятія и внесла свой докладъ въ собраніе ^{4/18} ноября. Докладчикомъ былъ Лабулэ. Трудно представить себѣ болѣе умѣренный, болѣе примирительный и болѣе основательный (имѣя въ виду обстоятельства, въ которыхъ находилась коммиссія) проектъ, которымъ либеральное большинство коммиссіи замѣнило проектъ Шангарнье. „Продленіе на 10 лѣтъ полномочій главы исполнительной власти“, — докладывалъ собранію Лабулэ, — „въ странѣ, гдѣ общественныя власти еще не организованы и предѣлы полномочій ихъ не опредѣлены, — представляется фактомъ безпримѣрнымъ въ исторіи законодательства. Фактъ этотъ вызываетъ многія сомнѣнія, которыя могутъ быть разрѣшены только путемъ гипотезъ, не имѣющихъ подъ собою прочнаго основанія... Меньшинство коммиссіи (NB 7 человекъ монархистовъ), продолжалъ Лабулэ, одушевляемое желаніемъ безотлагательно установить власть, которая стояла бы выше всѣхъ партій, рѣшило, что можно теперь же продлить полномочія главы государства, отложивъ опредѣленіе предѣловъ и организацию этихъ полномочій; большинство же, напротивъ того, не признало возможнымъ безусловно продлить власть, размѣры которой не опредѣлены, въ той увѣренности, что виѣ конституціонныхъ гарантій всякая власть, какова бы ни была умѣренность того, кто облеченъ ею, представляется болѣе или менѣе замаскированной диктатурой. Франція нуждается совсѣмъ не въ такомъ правительствѣ“.

Вотъ вступительныя слова доклада Лабулэ; тѣмъ не менѣе, коммиссія принуждена была принять заключеніе именно въ смыслѣ того правительства, „въ которомъ не нуждается Франція“.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить болѣе безмысленное положеніе, какъ то, въ которомъ находилась эта странная коммиссія. Она должна была утвердить власть почти неограниченную, въ странѣ, которая хоть и называется республикой (на титулъ „президента республики“ согласилась, наконецъ, и правая сторона и меньшинство коммиссіи), но въ то же время совершенно не имѣетъ ни одного органическаго закона, который бы опредѣлялъ эту республику, давалъ ей хоть какую-нибудь форму и, такимъ образомъ, хоть сколько-нибудь опредѣлялъ бы тотъ

смыслъ и то значеніе, тотъ размѣръ и ту силу власти, которыя могло бы имѣть ея правительство. Подтверждается власть президента республики на 10 лѣтъ, тогда какъ нѣтъ еще органическаго закона даже о томъ, что въ этой республикѣ долженъ быть президентъ, мало того— что эта республика есть республика. Насчетъ же вопроса, возникшаго въ комиссіи съ перваго же ея засѣданія: „Имѣеть ли полное право теперешнее національное собраніе назначать президента далѣе срока своихъ полномочій?—комиссія сочла даже излишнимъ и озабочиваться. Несмотря на предыдущіе примѣры и постановленія самаго собранія, разрѣшившаго этотъ вопросъ отрицательно, комиссія нашла себя вынужденною разрѣшить вопросъ, въ этотъ разъ, утвердительно.

„Назначеніе маршала Макъ-Магона президентомъ законно организованной республики“ — заключилъ Лабулэ передъ собраніемъ,— „признано нами единственнымъ средствомъ обезпечить его власть; но возможно ли продлить полномочія президента, не зная какой срокъ положить имъ органическіе законы? Въ этомъ кроется почти непреодолимое затрудненіе и большинство комиссіи глубоко сожалѣеть о томъ, что палата отвергла благоразумное предложеніе касательно одновременнаго обсужденія конституціонныхъ законовъ и вопроса о продленіи полномочій. Если мы не остановились передъ этимъ затрудненіемъ, такъ только потому, что мы поставлены въ положеніе, изъ котораго надо выйти во чтѣ бы ни стало“...

Вотъ въ видахъ-то этихъ особыхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ слѣдовало выйти „во чтѣ бы ни стало“, и представленъ былъ большинствомъ комиссіи, въ видѣ поправки проекта Шавгарнье, слѣдующій законопроектъ.

Статья 1. Полномочія маршала Макъ-Магона, президента республики, ввѣряются ему на пятилѣтній срокъ, считая со дня созванія новой палаты.

Статья 2. Онъ будетъ пользоваться этой властью въ ея настоящихъ условіяхъ до утвержденія конституціонныхъ законовъ.

Статья 3. Постановленіе, заключающееся въ 1-й статьѣ, будетъ внесено въ органическіе законы и получить конституціонный характеръ только послѣ голосованія этихъ законовъ.

Статья 4. Три дня спустя по обнародованіи настоящаго закона, будетъ назначена, по выбору отдѣленій па-

латы, комиссія изъ тридцати членовъ, для разсмотрѣнія конституціонныхъ законовъ, представленныхъ національному собранію 19-го и 20-го мая 1873 года.

Здѣсь важнѣе всѣхъ статьи 3 и 4. Статьею 3 прямо отнимается отъ проекта-закона о полномочіи власти—его органической, конституціонный характеръ *до времени голосования органическихъ законовъ республики*.

Въ статьѣ же 4 большинство комиссіи опредѣляетъ порядокъ выбора тѣхъ 30 членовъ, изъ которыхъ долженъ состоять будущая комиссія, имѣющая быть выбранною собраніемъ для разсмотрѣнія пресловутыхъ (тьеровскихъ) конституціонныхъ законовъ, представленныхъ еще 20-го мая, и которые до сихъ поръ, съ низверженіемъ Тьера, лежали безъ разсмотрѣнія. Комиссія 15-ти предлагаетъ выбрать эту комиссію 30-ти „отдѣленіями собранія“ (надѣясь опять на либеральное большинство), тогда какъ противоположный проектъ (меньшинства комиссіи) предлагаетъ выборы общіе, всѣмъ собраніемъ.

„Нельзя представить себѣ болѣе умѣреннаго по своему характеру предложенія, чѣмъ то, какимъ комиссія пятнадцати замѣнила проектъ Шангарнье“—говоритъ газета *Times*. „Достоинство и власть маршала тщательно ограждены. Самый знаменитый генераль, самый опытный государственный дѣятель, самый уважаемый патриотъ могли бы быть довольны предложеніями либераловъ, и, по нашимъ конституціоннымъ понятіямъ, мы готовы утверждать, что они не могли бы и желать большаго“...

И однако маршалъ Макъ-Магонъ не только пожелалъ большаго, но даже обидѣлся. Тотчасъ же послѣ доклада Лабулэ онъ адресовалъ національному собранію свое посланіе. „Въ ту минуту, когда начинаются пренія о продленіи моихъ полномочій“,—писалъ маршалъ,—„я считаю нужнымъ высказаться о томъ, какого рода условія я считаю при этомъ желательными. Франція, требующая твердости и устойчивости государственной власти, не могла бы удовлетвориться правительствомъ, существованіе котораго въ самомъ началѣ было бы обусловлено оговорками, ставящими въ зависимость отъ принятія или непринятія конституціонныхъ законовъ. При этомъ пришлось бы черезъ нѣсколько дней передѣлать то, что было рѣшено нынче... Я воистинѣ понимаю благонамѣренныя стремленія лицъ (NB т.-е. монархическихъ членовъ комиссіи), предложившихъ продленіе моей власти на 10 лѣтъ, для того,

чтобъ дать болѣе широкій просторъ развитію общественной дѣятельности. Но по зрѣломъ размысленіи, я убѣдился, что семилѣтній срокъ болѣе отвѣчалъ бы размѣру силъ, которыя я могъ бы посвятить служенію моей родины. Власть, которая будетъ мнѣ ввѣрена, я посвящу охранѣ консервативныхъ началъ, ибо я убѣжденъ, что большинство страны одобряетъ эти начала“.

Комиссія пятнадцати взяла это посланіе на разсмотрѣніе, но—не отказалась отъ первоначальнаго своего заключенія и не измѣнила представленнаго ею законопроекта. Затѣмъ, въ почное засѣданіе 8-го (20-го) ноября все произошло какъ по писанному: проектъ большинства комиссіи 15-ти былъ отвергнутъ собраніемъ, принять же на его мѣсто проектъ меньшинства комиссіи, представленный Деперомъ. Министръ, герцогъ Брولي, произнесъ рѣчь, въ которой защищалъ образъ дѣйствія правительства и не соглашался допустить 3-й параграфъ законопроекта большинства комиссіи, такъ какъ имъ выражается недовѣріе къ словамъ маршала Макъ-Магона, заявившаго, что онъ желаетъ установленія конституціонныхъ законовъ. Собраніе, большинствомъ 378-ми голосовъ противъ 310-ти, утвердило проектъ Допера съ установленіемъ власти маршала Макъ-Магона на 7 лѣтъ и съ выборомъ будущей комиссіи тридцати не „отдѣленіями“ собранія, а по спискамъ, въ общемъ собраніи палаты.

Такимъ образомъ, повторяя уже сказанное нами прежде, съ Франціей случилось самое худшее изъ того, чего могла бы она ожидать себѣ при теперешнихъ обстоятельствахъ! Ни монархія, ни республика и самое неопредѣленное положеніе власти! Виденъ, на яркомъ примѣрѣ, весь политическій смыслъ ея правителей: маршалъ отвергаетъ именно то, что могло бы упрочить его власть, придавъ ей органической характеръ, и надѣется на одно лишь диктаторство, т.-е. *произволь своей личной власти*. Изъ-за того, что маршалъ можетъ обидѣться, герцогъ Брولي предпочитаетъ свергнуть Францію правительству, не ограниченному ни однимъ основнымъ государственнымъ закономъ, а въ сущности—безпредѣльной диктатурѣ. Что бы ни совершилъ теперь маршалъ преступнаго, въ своей политической дѣятельности, онъ на все можетъ отвѣтить: „гдѣ тотъ законъ, который могъ бы меня ограничить или что-нибудь мнѣ указать?“ Онъ называется президентомъ республики, а между тѣмъ онъ послушный слуга боль-

шинства, слишком не скрывающего своих ультрамонархических намерений. Онъ требуетъ такой страшной диктатуры, чтобъ „водворить порядокъ и смирить партію“, а между тѣмъ кто болѣе нарушалъ порядокъ, и кто болѣе походить на партію, какъ не то большинство, которому онъ служить? Могутъ ли, наконецъ, успокоиться французы теперь, когда никто не можетъ рѣшить даже такой вопросъ: чья власть теперь выше: собранія или президента? Въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ несогласій, подобный вопросъ могъ бы разрѣшиться теперь лишь насиліемъ. Во всемъ этомъ дѣлѣ, наконецъ, во всей этой интригѣ, явилась какая-то жажда беззаконности; маршалу Макъ-Магону именно скорѣе нравится его диктаторское самовластіе, чѣмъ власть, строго опредѣленная законами. Произойдетъ именно то, противъ чего намеренъ вооружиться маршалъ, т.-е. откроется поле для всевозможныхъ интригъ и положеніе Франціи станетъ невыносимымъ. Во всякомъ случаѣ, наступило начало военнаго деспотизма... И трудно представить себѣ, что можетъ еще ожидать Францію на этомъ новомъ для нея поприщѣ!

Изъ № 51 журн. „Гражданинъ“ 1873 г.

Наконецъ, отъ 12-го (24-го) декабря получено изъ Берлина сколько-нибудь удовлетворительное извѣстiе объ улучшенiи здоровья императора Германскаго. Телеграмма сообщаетъ: „Въ Имперскомъ указателѣ извѣщаютъ, что катарръ императора Вильгельма идетъ нормальнымъ образомъ. Связанное съ катарромъ разстройство организма замѣтно ослабѣваетъ. Сегодня императоръ Вильгельмъ весь день провелъ не въ постели“.

Одна характерная телеграмма изъ Парижа отъ 11-го (23-го) декабря, несмотря на то, что заключаетъ въ себѣ всего только слова одного частнаго и довольно неизвѣстнаго лица, облетѣла однакоже всѣ газеты Европы и замѣчена всѣми. Вотъ эта телеграмма: „Вчера друзьями мира былъ данъ банкетъ въ честь сэра Генри Ричарда, который, объясняя свое предложенiе о международномъ посредничествѣ, сказалъ, между прочимъ, что „ни одна идея не осуществляется безъ покровительства Францiи, влiянiе которой не имѣетъ себѣ равнаго, языкъ и литература которой являются всемирными“..

Въ этихъ словахъ все дѣло въ томъ, что Францiя (несмотря на униженiе свое) все еще первенствующая нацiя, „влiянiе которой не имѣетъ себѣ равнаго“. Слова, жадно подхваченныя и выставленныя въ Парижѣ „униженными“ французами, были тотчасъ же замѣчены торжествующими соперниками въ Германiи, а затѣмъ и всею Европой, и ужь, конечно, многими встрѣчены съ вопросительной складкой въ лицѣ и съ „покиванiемъ головъ“. По-нашему, въ отзывѣ сэра Ричарда, что ни слово, то правда. Мы совершенно раздѣляемъ мнѣнiе одного русскаго профессора (о

которомъ, конечно, французы не знаютъ), провозгласившаго съ университетской кафедры (NB: въ царствованіе покойнаго Государя), что французы суть нація гениальная по преимуществу,—одна изъ тѣхъ націй, которыя, такъ сказать, царятъ надъ человѣчествомъ своимъ вліяніемъ, и что Францію и ея вліяніе въ Европѣ весьма можно сравнить съ Аѳинами древняго міра и съ ихъ вліяніемъ на древнюю цивилизацію. Это сравненіе съ Аѳинами, хотя, можетъ-быть, и не совсѣмъ твердое, очень однакоже привлекательно и очень нравится. Такъ или этакъ, но дѣло въ томъ, что теперь даже въ самомъ Парижѣ такіе отзывы, какъ отзывъ сэра Ричарда, считаются чрезвычайными и любопытными; а давно ли было время, когда подобныя слова остались бы рѣшительно незамѣченными во Франціи, почлись бы данью, необходимою, чѣмъ-то въ родѣ *sine qua non*, о которомъ и упоминать не стоить!

Гениальная нація, наслѣдовавшая древній міръ и 15 вѣковъ стоявшая во главѣ романскихъ племенъ Европы, а въ послѣдніе вѣка имѣвшая неоспоримое первенствующее вліяніе и на всѣ племена Европы, почти тому вѣку назадъ утратила ту живую силу, которая двигала и питала ее столько столѣтій! Эта живая сила заключалась въ преимущественномъ представительствѣ Франціею европейскаго католицизма, почти съ самыхъ первыхъ временъ христіанства на западѣ Европы. [Представительство это можно бы отчасти сравнить съ тѣмъ представительствомъ восточнаго католическаго (православнаго) христіанства, къ которому готовилась (а отчасти ужъ и была представительницею котораго) Россія, вплоть до пришествія императора Петра]. Но въ концѣ XVIII столѣтія совершенно разорвавъ, и сознательно, и *жизненно*, съ изпосившеюся (не по винѣ Франціи) католическою идеей, дававшей ей живую жизнь въ продолженіе столькихъ вѣковъ, Франція, (передовая, по крайней мѣрѣ, интеллигентная), въ восторженномъ изступленіи провозгласила себя на весь міръ обновительницею человѣчества на новыхъ началахъ, главною ихъ носительницею и хранительницею. „Всѣ, всѣ придите ко мнѣ!“ взывала она въ пиоическомъ упоеніи. Эти новыя начала, новыя и самостоятельныя начала человѣческихъ будущихъ обществъ, сами изъ себя исходящія и сами въ себѣ живую силу почерпающія, были уже извѣстныя европейскому человѣчеству начала выработанной имъ цивилизаціи—т.-е. наука, государство и мечта о

справедливости, основанной единственно на законахъ разума. Франція лишь провозгласила самостоятельность этихъ началъ революціонерно, т.-е. полнѣйшую независимость ихъ отъ религіи, а вмѣстѣ съ ней и отъ всякихъ преданій. Это дѣлалось еще въ первый разъ въ жизни чело-вѣчества и въ этомъ состояла сущность французской революціи.

Мы не для того заговорили обо всей этой чрезвычайно важной матеріи, чтобы въ настоящей, весьма бѣглой журнальной статьѣ, имѣющей своимъ предметомъ передачу смысла текущей минуты современной политической жизни Европы,—разсматривать революціонныя начала, сто лѣтъ уже провозглашенныя Франціей во главѣ Европы, и обсуждать ихъ по существу. Мы хотѣли только замѣтить, что никогда еще Франція, взявъ столько на плеча свои, для себя и для чело-вѣчества (хотя и не могла отъ того отказаться, если бѣ и хотѣла), не была такъ придавлена своимъ бременемъ, какъ въ это послѣднее, уже завершающееся столѣтіе своей исторіи. Время это оказалось гениальному народу совершенно не по силамъ, и предводительница чело-вѣчества принуждена была сознаться послѣ послѣднихъ несчастій своихъ, устами лучшихъ своихъ представителей, что начало живой жизни утрачено ею чуть не совсѣмъ, источникъ изсякъ и изсохъ. Въ настоящую минуту гениальный народъ представляетъ собою странное зрѣлище и самъ понимаетъ это. Характеръ его въ томъ, что интеллигентная и владычествующая политически часть этой націи удалилась въ самосохраненіе, сознательно и уныло отреклась чуть не отъ всѣхъ такъ восторженно провозглашенныхъ идей, и безъ вѣры, но со страхомъ за свое бытіе, влекущимъ за собою деспотизмъ и насиліе, слѣдитъ, какъ полицейскій, за остальной частью націи, богатой вѣрою въ обновленіе и воскресеніе свое на новыхъ началахъ будущаго общества и бѣдной, нищей благами жизни, долго терпѣвшей, а потому готовой, какъ голодный пестъ, броситься на счастливыхъ братьевъ своихъ и растерзать ихъ. Разстрѣлявъ Бабефа, перваго чело-вѣка, связавшаго, еще 80 лѣтъ назадъ, пламеннымъ первымъ революціонерамъ, что вся ихъ революціи безъ сущности дѣла, есть не обновленіе общества на новыхъ началахъ, а лишь побѣда одного могучаго класса общества надъ другимъ на основаніи: *otes toi de là que je m'y mette*,—разстрѣлявъ этого перваго досаднаго грубіяна, предводи-

тели республики и революціи стали видѣть мало-по-малу, чѣмъ далѣе тѣмъ яснѣе, что вся жизнь Франціи все болѣе и болѣе обращается въ какой-то ложный миражъ, въ какую-то фантастическую картину и утрачиваетъ всякое значеніе чего-нибудь живого и необходимаго. Всѣ эти періоды—первой имперіи, реставраціи, буржуазнаго царства при Орлеанахъ, второй имперіи и т. д.— все это было какъ бы скорѣе миражъ, чѣмъ дѣйствительность; каждое изъ этихъ явленій совершенно какъ бы могло и не быть, и великая нація въ высшей степени могла бы обойтись безъ его *необходимости*. Ничего существеннаго не дала и не влила вся эта проходящая фантазмагорія въ душу великой націи, постоянно жаждущей живой жизни. Наконецъ, послѣдняя катастрофа страшной войны, тоже столь фантастической и *ненужной*, съ исходомъ которой какъ бы рухнули во Франціи всѣ миражи и открылись всѣ глаза, — эта катастрофа какъ бы сказала каждому французу: „Смотри, какъ ты былъ бѣднень, и слѣпъ, и нищъ, и нагъ, и ничтоженъ въ фантастичномъ и миражномъ существованіи твоёмъ,—и это вотъ уже столѣтіе!“

Переживетъ ли геніальная нація подъ бременемъ, которое взяла на себя вѣкъ назадъ и которое должна же она довести до конца, свой геній или сохранить его? Вотъ вопросъ! Устоитъ ли ея геній въ такихъ истязаніяхъ? Не рухнетъ ли, напротивъ, все, и уже какой-нибудь новой геніальной націи предназначено будетъ Богомъ вести западное человѣчество? Все это вопросы, разумѣется, праздные, съ точки зрѣнія благоразумныхъ и дѣловыхъ людей. Тѣмъ не менѣе много сердець и умовъ стояли и стоятъ надъ этими вопросами во всей Европѣ, давно и непрерывно. Въ этомъ роковомъ вопросѣ о жизни и смерти Франціи, о воскресеніи или угашеніи ея великаго и симпатичнаго человѣчеству генія—можетъ-быть, заключается вопросъ о жизни и смерти всего европейскаго человѣчества, что бы тамъ ни сказали на это недавніе побѣдители Франціи пѣмцы. Можетъ ли быть Европа безъ Франціи? — этотъ вопросъ для многихъ даже и теперь немислимъ, и вовсе не для однихъ только праздныхъ умовъ, недостойныхъ практическаго нашего вѣка. И однако, поставивъ вопросъ и, разумѣется, оставляя его безо всякаго разрѣшенія, скажемъ мимоходомъ, въ качествѣ репортера настоящей минуты, что есть нѣкоторые признаки и явленія, свидѣтельствующіе о томъ, что ге-

ніальная нація хочеть жить изо всѣхъ силъ и что изъ этого можетъ выйти, даже и не въ весьма отдаленномъ будущемъ, очень много хлопотъ Европѣ.

Недѣлю назадъ случилось, въ этомъ смыслѣ, во Франціи весьма эксцентрическое приключеніе, отчасти даже разсмѣшившее кое-кого изъ важныхъ людей въ Европѣ, потому что дѣйствительно приключеніе на капельку и комическое, но отъ котораго навѣрно очень многіе изъ самыхъ солидныхъ умовъ Германіи нахмурили лбы. Теперь во Франціи, въ національномъ собраніи, идетъ пересмотръ и утвержденіе государственнаго бюджета на будущій годъ. Замѣтимъ въ скобкахъ, что, противъ обыкновенія, во французскомъ національномъ собраніи, на этотъ разъ, и правительство, и правая сторона весьма сочувственно отнеслись къ предложенной прибавкѣ къ бюджету министерства народнаго просвѣщенія. Но, по обыкновенію какъ Франціи, такъ и всѣхъ парламентовъ Европы, бюджеты военнаго министерства всегда подвергаются наибольшимъ атакамъ оппозицій. Всегда являются въ палатахъ представители прогресса гуманности и либерализма, которые только и ждутъ появленія военныхъ министровъ, съ ихъ требованіями (правда, всегда неумѣренно-огромными, въ противоположность, напримѣръ, бюджетамъ министерствъ просвѣщенія всѣхъ странъ Европы, всегда до отвращенія крошечными)—чтобы напасть на нихъ, почти лично. Начинаются жестокіе упреки за огромность требованій, за ихъ непроизводительность, непрогрессивность, бесполезность для націи. Сами министры обвиняются чуть ли не въ кровожадности, и такъ какъ всѣ правительства Европы дѣйствительно обременяютъ ежегодно свои государства новыми займами по поводу военныхъ бюджетовъ, то и переживаютъ иногда, во время преній о бюджетѣ, довольно непріятныя и даже трудныя минуты, и такъ почти во всеобщемъ обыкновеніи. И вдругъ во Франціи, на этотъ разъ, и въ первый еще разъ, произошло иѣчто совсѣмъ противоположное.

Едва только военный министръ, генераль Дюбарайль, явился со своимъ бюджетомъ, какъ со всѣхъ концовъ палаты бросились на него съ горькими и яростными нападеніями за скудость и ничтожность его бюджета. Его упрекали за медленность преобразованія арміи, за неполноту кадровъ, за скудость перемѣнъ въ матеріальной части, за то, что онъ такъ мало требуетъ денегъ. Предло-

жено было нѣсколько неумѣренныхъ поправокъ бюджета; упрекали, бранили и стыдили правительство.

И наконецъ, только послѣ долгаго спору, сконфузившійся военный министръ одержалъ верхъ. Смиренно сознаваясь въ скудости настоящаго бюджета, онъ, въ утѣшеніе палаты, провозгласилъ, что зато будущій бюджетъ будетъ безмѣрно великъ. Извѣстіе это произвело примиряющее и сладкое впечатлѣніе. Когда же герцогъ Одифре-Паке прибавилъ къ тому, что для преобразованія одной лишь матеріальной части арміи потребуется, не далѣе какъ въ будущемъ году, до тысячи трехсотъ восьмидесяти милліоновъ франковъ (1.380.000,000 фр.), то заявленіе это произвело, говорятъ, совершенно отрезвляющее дѣйствіе и неумѣренныя поправки были взяты назадъ...

Поправки были взяты назадъ несомнѣнно, но отрезвляющее дѣйствіе наврядъ ли было такъ полно, какъ предполагають. И въ публикѣ, и въ журналистикѣ раздавались странные толки, а нападенія на правительство и на военнаго министра не умолкають и теперь. Выставляютъ на видъ всѣ недостатки теперешней арміи, разоблачаютъ безпощадно. *Vien public*, органъ Тьера (которому кое-что извѣстно ужъ, конечно, не меньше другихъ), объявилъ, что во многихъ отношеніяхъ теперешняя французская армія лишь одна фантазія, что кадры слабы и ничтожны, что въ ротахъ по 30 и по 40 человѣкъ и проч., и проч.

Мы сказали, что геніальная нація хочетъ *жить*, изъ всѣхъ силъ и во что бы то ни стало. Не будетъ разсматривать, тѣ ли это самые новые шаги въ жизни, которые приличны теперь геніальной націи? Хорошо ли это слово: „возмездіе“, которое снова раздалось, по всей Франціи, по поводу этой исторіи съ бюджетомъ? И не миражна ли, не фантастична ли въ высшей степени эта „жизнь возмездія“, на которую такъ единодушно соглашается геніальная нація, заплатившая пять милліардовъ штрафа и, несмотря на то, съ такимъ единодушіемъ готовая на новые милліарды расходовъ, лишь бы отомстить нахальному врагу за свое нравственное и военное униженіе? Не разрѣшая этихъ вопросовъ, не можемъ однакоже не замѣтить, что, стало быть, въ странѣ, разъединенной нравственно, столь давно уже унылой и скептической, гдѣ общее чувство есть лишь самое ограниченное чувство самосохраненія и гдѣ *chacun pour soi* — есть первое правило, что въ странѣ этой на-

шлось же, однако, вдругъ и неожиданно, нѣчто такое, — что могло соединить разомъ самыя разнородныя элементы ея, на что безусловно согласны всѣ ея партіи, всѣ умы, всѣ развитія, всѣ направленія и всѣ ея сословія. Нѣтъ, не такъ скоро изсыкается, знать, въ народахъ родникъ *непосредственной* жизни.

Можетъ быть, это же чувство „возмездія“ и даетъ французамъ силы сносить безъ волненій и нестерпимое теперешнее свое правительство. Однимъ словомъ, можетъ быть, правительству прощается многое, хоть за то только, что оно называется правительствомъ. Еще полтора мѣсяца назадъ, это правительство имѣло хоть какую-нибудь цѣль; оно мечтало возстановить Шамбора. Теперь же оно обратилось въ одно лишь правительство интриги и держится самымъ удивительнымъ образомъ съ своимъ загадочнымъ президентомъ. Но объ интригахъ и о всей злобѣ дня до другого раза.

Но можемъ, однако, пропустить одну изъ послѣднихъ телеграммъ изъ Испаніи, по чрезвычайной ея курьезности.

„*Самъ-Себастьянъ*, 11-го (23-го) декабря. Сюда прибыли 10 пароходовъ, чтобы принять армію генерала Моріонеса, которая окружена карлистами въ числѣ 30.000 человекъ и не можетъ двинуться далѣе, не потерпѣвъ огромныхъ потерь“.

Итакъ, вотъ до чего дошелъ главнокомандующій правительства и столь многократный (по телеграммамъ изъ Мадрида) побѣдитель Донъ-Карлоса!

Съ другой стороны, Картагена, которая еще два мѣсяца назадъ должна была, по телеграммамъ, *завтра* сдать-ся, — держится до сихъ поръ, и такъ же, какъ два мѣсяца назадъ, телеграммами изъ Мадрида, обѣщаются *завтра же* выслать противъ картагенскихъ инсургентовъ подкрѣпленія.

Весьма можетъ быть, что всѣ эти чудеса въ Испаніи и есть нормальное ея состояніе. Неужели же черезъ какое-нибудь столѣтіе, или ближе, такая же судьба ожидаетъ и Францію?

Изъ № 52 журн. „Гражданинъ“ 1873 г.

На сей разъ мы ограничимся лишь сообщеніемъ послѣднихъ, весьма любопытныхъ новостей изъ Испаніи. Въ 51-мъ номерѣ *Гражданина* мы закончили даже обзорѣе сообщеніемъ телеграммъ изъ Испаніи о жалкихъ успѣхахъ генерала Моріонеса противъ арміи Донъ-Карлоса и о ничтожныхъ результатахъ, добытыхъ мадридскимъ правительствомъ у Картагены, противъ южнаго возстанія. Оба эти факта, безъ сомнѣнія, могли свидѣтельствовать о непомѣрной слабости испанскаго правительства Кастелира. Кастелиръ, несмотря на постоянный восторженно-хващливый тонъ всѣхъ его заявленій и сообщеній, ваціи и Европѣ, объ успѣхахъ своихъ, почти во все время своего управленія постоянно выказывалъ, однако, и нѣкоторое какъ бы уныніе. Онъ постоянно заявлялъ о томъ, что надо принять мѣры энергическія, поднять духъ арміи, собрать денегъ, централизовать власть, и даже, на время, сократить нѣкоторыя естественныя вольности каждаго испанца, такъ сказать, смирить бы и обуздать почти всеобщую анархію, хоть на время, для общаго блага. Заявлялось объ этомъ всегда робко и нерѣшительно, какъ бы конфузясь, и окончивалось всегда почти лишь пожеланіями. Предпринять же дѣйствительно что-нибудь рѣшительное, именно для усиленія своей власти и обузданія анархіи, правительство, кажется, ничего не смѣло, и не столько по дѣйствительной невозможности что-нибудь предпринять въ этомъ смыслѣ, сколько по собственнымъ интимнымъ, благородно-либеральнымъ убѣжденіямъ. „Пусть лучше все пропадаетъ и проваливается, но какъ же хотя бы на мигъ посягнуть на естественныя вольности каждаго испанца“. Вотъ мысль, повидимому, крѣпившаяся въ сердцахъ столь

полнаго благихъ начинаній и столь мечтавшаго быть энергическимъ, правительства. Впрочемъ, въ самое послѣднее время, г. Кастеляръ какъ бы началъ дѣйствовать энергичнѣе: сталъ говорить о продленіи своей власти и объ обезпеченіи ея, сталъ мечтать о новыхъ полномочіяхъ. Въ концѣ декабря онъ пробовалъ даже отмѣнить прежнія постановленія насчетъ печати и рѣшился прямо запрещать тѣ изданія и газеты въ Испаніи, которыя ужъ слишкомъ явно будутъ возбуждать къ грабежу и проч. Но вотъ, наконецъ, собрались созванные кортесы, и телеграммы сообщаютъ слѣдующія удивительныя вещи. Кастеляръ, сильнымъ большинствомъ (120 голосовъ), былъ кортесами не одобренъ, вслѣдствіе чего немедленно подалъ въ отставку. Господа кортесы не нашли возможнымъ поддержать требованія и намѣренія Кастеляра и предпочли начать опять все съ начала, — единственный и уже много разъ повторявшійся оборотъ дѣлъ въ этой несчастной странѣ, требующей, напротивъ того, по крайней мѣрѣ, во всей солидной и разсудительной части своего населенія, — постоянства, устойчивости и энергіи отъ своего правительства, чтобъ спасти страну отъ страданій и если не отъ гибели, то, по крайней мѣрѣ, отъ варварства, всегда неминуемаго послѣ столь долголѣтнихъ междоусобій.

Когда г. Кастеляръ подалъ въ отставку, кортесы немедленно предположили приступить къ избранію другого правительства, какъ вдругъ генераль-капитанъ Мадрида — Павія письменно обратился къ г. Сальмерону, президенту кортесовъ, и пригласилъ его *немедленно распустить собраніе кортесовъ*. Сальмеронъ (конечно, съ испугу) сталъ тотчасъ же просить Кастеляра остаться во главѣ правительства. Г. Кастеляръ (столь глубоко оскорбленный кортесами) — отказался. Тогда, слѣдуя странному разсказу телеграммы, генераль Павія нагрязнулъ на избранниковъ народа (по-военному), съ войсками и пушками, осадилъ залу кортесовъ и разогналъ ихъ всѣхъ до одинаго: „вотъ, дескать, во чтѣ мы стали дѣлать народное представительство!“ Затѣмъ телеграмма отъ 23 декабря (4 января) гласитъ, что образовалось новое министерство, подъ предсѣдательствомъ маршала Серрано, изъ гг. Сагасты, Фигуеролы, Цабалы, Эчегаре, Рюица и адмирала Топете.

Чтѣ сдѣлаетъ это новое правительство, если устоитъ, какой характеръ приметъ оно, какъ „начнетъ все сначала“, т. е. все это безконечно-трудное дѣло умиротворенія

и соглашенія страны, погибающей отъ претендентовъ, отъ разбойниковъ, отъ коммунистовъ, отъ безтолковыхъ партій, почти переставшихъ понимать языкъ человѣческой, отъ внутренняго слабосилія, безначалія, и повидимому уже нормально укоренившагося беззаконія — все это вопросъ тугой и на которой рѣшительно не представляется ни уму, ни даже воображенію пикакого разрѣшенія. Въ этой странѣ беззаконіе до того укоренилось, что уже, кажется, принимается за гражданскую свободу, а слѣдовательно за естественное право каждаго испанца, — взгляды, можетъ быть, отчасти раздѣляемый и бывшими правительствами Испаніи, по крайней мѣрѣ, судя по нѣкоторымъ фактамъ послѣдняго года. Никогда еще Испанія не была доведена до такого безначальнаго состоянія. Семилѣтняя революція и междоусобіе ея въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія не могутъ идти въ сравненіе съ настоящимъ порядкомъ вещей, ибо тогда междоусобіе было твердо ограничено лишь двумя только партіями — християносовъ и карлистовъ, и обѣ партіи имѣли одинаково въ себя вѣру и не сомнѣвались, что достиженіе ими своей цѣли умиротворитъ Испанію и осчастливитъ ее надолго. Нынче врядъ ли хоть одна партія, даже самая партія Донъ-Карлоса (несмотря на все политическое легкомысліе, столь свойственное вообще католическому духовенству, представители котораго поддерживаютъ и сопровождаютъ претендента) — врядъ ли хоть одна партія вѣритъ серьезно въ умиротвореніе всей Испаніи даже и при достиженіи цѣлей своихъ. Одна лишь партія коммунистовъ, хотя и весьма недавняя, но крѣпко и успѣшно принявшаяся въ подготовленной почвѣ, ни надъ чѣмъ, кажется, не задумывается и вѣритъ въ возможность всеобщаго грабежа богатыхъ бѣдными, если и не сейчасъ, то весьма не въ отдаленномъ будущемъ. Правда, въ кортесахъ, есть партія чрезвычайно идеальныхъ и утопченныхъ республиканцевъ, *чистыхъ*, безъ примѣси коммунизма, серьезно вѣрующихъ въ республику, и въ то, что однимъ лишь провозглашеніемъ республики должны залѣчиться всѣ раны Испаніи. Къ этой партіи частію принадлежало, во все послѣднее время, и правительство Испаніи, но врядъ ли и эта партія такъ твердо въ себя теперь вѣруетъ. Гдѣ и въ чемъ обрѣтеть несчастная пація вновь потерянное единство и гражданскую связь — вотъ вопросъ, столь обыкновенный, впрочемъ, теперь, при взглядѣ на

судьбу почти всей западной половины государствъ европейскаго материка.

PS. Вотъ только что сообщенная телеграмма отъ 26 декабря (7-го января) изъ Мадрида:

„Министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ къ губернаторамъ провинцій циркуляръ, въ которомъ хвалилъ энергію и безкорыстіе мадридскаго генераль-капитана Павіи. Въ циркулярѣ сказано, что кортесы, осудивъ разсудительный образъ дѣйствій Кастеляра, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали какъ бы постановленіе о раздробленіи страны. Правительство, по словамъ циркуляра, не нарушило законовъ, сдѣлавшись выраженіемъ народной воли, и что оно постарается возстановить порядокъ энергическими средствами“.

Итакъ, новое правительство, повидимому, укрѣпляется.

Оно хвалитъ образъ дѣйствій генераль-капитана и, можетъ быть, имѣетъ въ этомъ резонъ. По всѣмъ свѣдѣніямъ, Мадридъ принялъ новый переворотъ спокойно, а изъ провинцій новое правительство получило уже нѣсколько поздравленій съ успѣхомъ. Кажется, правительство желаетъ принять характеръ временнаго, установившагося единственно лишь для освобожденія территоріи отъ карлистовъ и отъ бунтовщиковъ. Потомъ же испанцамъ снова будутъ возвращены ихъ права и вопросъ о формѣ правленія рѣшится всенароднымъ голосованіемъ.

Причиною низверженія кортесами Кастеляра было, какъ пишутъ, несогласіе его съ Сальмерономъ, президентомъ кортесовъ, требовавшимъ отъ Кастеляра нѣкоторыхъ уступокъ и удаленія нѣкоторыхъ подозрительныхъ лицъ (въ томъ числѣ и генераль-капитана Павіи). Новое правительство и новое министерство все принадлежитъ, говорятъ, къ приверженцамъ претендента донъ-Альфонса и склонно скорѣе къ либеральному монархическому образу правленія, чѣмъ къ республиканскому.

Изъ № 1 журн. „Гражданинъ“ 1874 г.

Истекшій годъ мало что разъяснилъ и разрѣшилъ въ политической жизни Европы; напротивъ, даже оставилъ по себѣ много чрезвычайно важныхъ недоумѣній.

Мы говоримъ о Европѣ. Что до Россіи—истекшій годъ собственно внешне-политической ея жизни ознаменовался для нея нѣсколькими весьма пріятными событіями. Поко-реніе хивинскаго хана еще разъ заставило русскихъ гордиться своею арміею, а въ Европѣ, гдѣ на этотъ разъ сумѣли оцѣнить важность событія, подвигъ русскихъ войскъ возбудилъ даже удивленіе. Фактъ, что Европа удивляется, наконецъ, русскому воину, и составляетъ, по-настоящему, истинную „военную важность“ этого событія, что же касается собственно до нашихъ матеріальныхъ выгодъ отъ занятія Хивы, то онѣ давно уже разъяснены до очевидности, и мы считаемъ лишнимъ перечислять ихъ. По крайней мѣрѣ, русская средне-азиатская политика твердо можетъ теперь надѣяться достигнуть вполне своихъ цѣлей.

Въ настоящую минуту многіе убѣждены, у насъ и въ Европѣ, что даже и Англія стала, наконецъ, смотрѣть на усилія наши въ Азіи съ нѣсколько большею къ намъ довѣрчивостью. Здѣсь опять-таки все дѣло въ будущемъ.

Хотя безо всякаго сомнѣнія наступающій брачный союзъ Его Высочества Принца Альфреда съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княжною Маріею Александровною и не можетъ быть разсматриваемъ единственно съ точки зрѣнія политической; тѣмъ не менѣе, это прекрасное и благословляемое Русскою землею событіе не можетъ не повліять и на укрѣпленіе тѣхъ взаимныхъ симпатій двухъ великихъ націй, тѣхъ новыхъ залоговъ дружелюбнаго взаим-

наго расположенія, изъ которыхъ въ послѣдствіи могли бы произойти даже великіе результаты.

Россія не боится, чтобъ ее все болѣе и болѣе узнавали въ Европѣ; напротивъ, желаетъ того. Правда, Европа до сихъ поръ никогда не вѣрила въ этомъ отношеніи Россіи. Вся политическая жизнь Россіи въ продолженіе всего, можетъ быть, девятнадцатаго столѣтія, въ сущности, была лишь жертвою ея Европѣ чуть не всѣми своими интересами. И что же въ результатѣ? Повѣрила ли хоть разъ Европа политическому безкорыстію Россіи и не заподозрѣвала ли ее, почти всегда, въ самыхъ коварныхъ намѣреніяхъ противъ европейской цивилизаціи? Правда и то, что Россія до того уже бывала иногда безкорыстною, что и равнодушный наблюдатель могъ бы не повѣрить, наконецъ, такой феноменальной ея любви къ Европѣ и поневолѣ могъ заподозрить въ ея политикѣ хитрость, скрытность и ложь; тѣмъ болѣе наблюдатель заинтересованный, у котораго у самого постоянно бывало рыльце въ пушку.

Нѣкоторые обозрѣватели называютъ истекшій годъ— годомъ свиданій европейскихъ государей. Дѣйствительно, свиданій было довольно, и весьма значительныхъ. Важнѣйшими, разумѣется, были свиданія императоровъ Всероссийскаго и Германскаго въ С.-Петербургѣ. Затѣмъ императоровъ Всероссийскаго и Австрійскаго въ Вѣнѣ. Затѣмъ въ Вѣнѣ же императоровъ Германскаго и Австрійскаго. Наслѣдный принцъ Германскій посѣтилъ королей Датскаго и Шведскаго. Король Викторъ-Эммануилъ былъ въ Берлинѣ и даже въ Вѣнѣ, у бывшаго врага своего и соперника, императора Австрійскаго.

Эти свиданія короля Итальянскаго съ двумя могущественнѣйшими изъ властителей Европы произвели въ подданныхъ его, въ Римѣ и во всей Италіи, восторгъ. Да и безъ сомнѣнія, всѣ эти свиданія государей европейскихъ, полныя дружества и высокаго чистосердечія, должны были радовать Европу и ободрить пессимистовъ. Тѣмъ не менѣе, истекшій годъ все-таки оставляетъ по себѣ нѣсколько важныхъ загадокъ, склоняющихъ иные умы, ну, хоть изъ тѣхъ, которымъ есть время задуматься, съ недовѣрчивостью заглянуть въ будущее, конечно, въ будущее Европы. Мы продолжаемъ говорить собственно о Европѣ.

Истекшій годъ, годъ „свиданій европейскихъ монарховъ“, можно бы тоже назвать и годомъ укрѣпленія религіоз-

ныхъ смуть въ Европѣ. Безъ сомнѣнія, странно было бы предсказывать въ нашемъ XIX-мъ и столь просвѣщенномъ вѣкѣ воскресеніе религиозныхъ смуть, а, можетъ быть, и войнъ, приличныхъ лишь варварству среднихъ вѣковъ. Мы не предсказываемъ и даже весьма отъ того далеки; тѣмъ не менѣе, склонны считать весь этотъ „религиозный вопросъ“, столь обозначившійся въ прошломъ году, одною изъ самыхъ важнѣйшихъ загадокъ прошлаго года. Въ продолженіе года, мы въ *Гражданинѣ* намекали на это неоднократно. Дѣло мы разсматривали такъ: папское Non possumus мы считаемъ настолько серьезнымъ, что воплощаемъ въ немъ—жизнь и смерть самой религіи въ Европѣ. О протестантскихъ вѣрахъ мы и упоминать не хотимъ, ибо если бъ кончилось римское католичество—то какимъ образомъ могли бы удержаться вѣры, сущность которыхъ составляетъ протестъ противъ католичества? Ибо если нѣтъ противъ чего протестовать, то зачѣмъ оставаться и протесту? Но римская Церковь, опять-таки, въ томъ видѣ, въ какомъ она состоитъ теперь—существовать не можетъ. Она заявила объ этомъ громко сама, заявивъ тѣмъ самымъ, что царство ея отъ міра сего и что Христосъ ея „безъ царства земного удержаться на свѣтѣ не можетъ“. Идею римскаго свѣтскаго владычества католическая Церковь вознесла выше правды и Бога; съ тою же цѣлью провозгласила и непогрѣшимость вождя своего, и провозгласила именно тогда, когда уже въ Римъ стучалась и входила свѣтская власть: совпаденіе замѣчательное и свидѣтельствующее о „концѣ концовъ“. До самаго паденія Наполеона III Церковь римская могла еще надѣяться на покровительство царей, которыми держалась (и именно Францію) вотъ уже сколько вѣковъ. Чуть только оставила ее Франція—пала и свѣтская власть Церкви. Между тѣмъ Церковь католическая этой власти своей ни за что, никогда и никому не уступить и лучше согласится, чтобъ погнѣбало христіанство совсѣмъ, чѣмъ погнѣбнуть свѣтскому царству Церкви. Мы знаемъ, что многіе изъ мудрыхъ міра сего встрѣтятъ нашу идею съ улыбкою и съ покиваніемъ главы; но мы твердо отстаиваемъ ее, и провозглашаемъ еще разъ, что нѣтъ теперь въ Европѣ вопроса, который бы труднѣе было разрѣшить, какъ вопросъ католическій; и что нѣтъ и не будетъ отнынѣ въ будущемъ Европы такого политическаго и „соціального“ затрудненія, къ которому бы не примазался

и съ которымъ не соединился бы католическій римскій вопросъ. Однимъ словомъ; для Европы нѣтъ ничего труднѣе, какъ разрѣшеніе этого вопроса, въ будущемъ, хотя ^{99/100} европейцевъ въ данную минуту, можетъ быть, и не думаютъ даже о томъ.

Мы сообщали читателямъ нашимъ нѣкоторыя замѣчанія наши, въ продолженіе года, насчетъ того любопытнѣйшаго обстоятельства, что по нѣкоторымъ признакамъ какъ бы оправдывается догадка, что католическая Церковь, для возстановленія правъ своихъ, склонна даже соединиться съ чернымъ народомъ и впредь уже оставить царей (правда, цари сами ее оставили). Не станемъ теперь особенно останавливаться на этой догадкѣ, но повторимъ лишь сказанное прежде, — что однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ политическихъ событій истекшаго года въ Европѣ была переписка папы и германскаго императора. Въ отвѣтъ своемъ папа заявилъ, что онъ отецъ и покровитель, поставленный Самимъ Богомъ, всѣмъ христіанамъ, какого бы толка они ни были, признаютъ или не признаютъ они его главою, были бы лишь крещены.

Когда римское правительство опредѣлило и поднесло папѣ три милліона флоринтовъ годового содержанія, то ужъ, конечно, отчасти вѣрило и надѣялось, что онъ приметъ этотъ, весьма, впрочемъ, пріятный бюджетъ. Если бъ папа принялъ, то тѣмъ самымъ согласился бы на *statu quo* и кончилось бы *римское католичество*, а на мѣсто него началось бы нѣчто совсѣмъ иное и еще неизвѣстное. Но папа не принялъ. Теперь иные надѣются, что приметъ слѣдующій папа. 84-хъ-лѣтній папа Пій IX, хотя и боится ужасно смерти (по слухамъ), знаетъ, однако, что ему скоро умереть, но знаетъ сверхъ того, что и слѣдующій за нимъ папа, кто бы онъ ни былъ, не приметъ тоже никакого бюджета и тоже будетъ отвѣчать всѣмъ и каждому: *pop possimus*, какъ онъ, Пій IX.

Между тѣмъ, хотя императоръ германскій, въ своемъ отвѣтъ на письмо папы, и отвѣчалъ ему строго и свысока, тѣмъ не менѣе, въ Германіи смотрятъ на теперешнее положеніе римской Церкви, повидимому, нѣсколько серьезнѣе, чѣмъ правительство итальянское. Иначе чѣмъ объяснить то странное, казалось бы не въ мѣру усиленное гоненіе римскаго (ультрамонтанскаго) католичества въ Германіи? Seriously можно подумать, что колоссальная новая имперія, у которой столь много другихъ затрудне-

ній и новыхъ вопросовъ, смотритъ на вопросъ католическій, какъ на важнѣйшій изъ всѣхъ. И что же: такъ, кажется, оно и есть въ самомъ дѣлѣ! Странно, конечно, представить, что такое могущественное государство, и во главѣ его такіе могущественные властители и правители, могли бы испугаться какихъ-нибудь „смѣшнѣйшихъ“ ультрамонтанскихъ претензій безсильнаго, жалкаго монаха,— и когда же?—въ вѣкъ девятнадцатый, въ вѣкъ философіи, машинъ и такого просвѣщенія! Къ тому же возбудить среди индифферентизма религіозный фанатизмъ гоненіемъ Церкви было бы грубѣйшею ошибкою, что для такихъ образованныхъ людей, какъ, на примѣръ, графъ Бисмаркъ, не могло бы оставаться и минуты неяснымъ. Кромѣ того, дѣйствуя противъ Церкви, и особенно послѣдними законами о гражданскомъ бракѣ, графъ Бисмаркъ, повидимому, дѣйствуетъ заодно съ ненавистниками Церкви, и не одной католической, а и всякой христіанской Церкви, заодно съ врагами ея, съ атеистами и социалистами. Такимъ образомъ, съ двухъ концовъ возбуждаются два противоположные одинъ другому фанатизма, — фанатизмы вѣры и отрицанія. Ловко ли это для такого колоссальнаго государственнаго человѣка, какъ графъ Бисмаркъ? И не слѣдуетъ ли изъ того опять-таки и во всякомъ случаѣ, что римскій вопросъ сочтенъ такими глубокими государственными людьми за одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ судьбахъ будущей Германской Имперіи? Иначе не жертвовали бы они, для преодоленія его, такими важными интересами.

Разрѣшать такіе важные вопросы, какіе мы теперь поставили, мы, конечно, здѣсь не возьмемъ; но повторимъ лишь догадку, уже проведенную нами въ продолженіе года: Что если графъ Бисмаркъ, или лучше сказать—что если Германія считаетъ будущую, новую и уже окончательную встрѣчу свою съ французами всѣхъ ближе возможною—на точкѣ римскаго вопроса? Сообразимъ лишь то: какъ бы случайно, повидимому, вышла бывшая ужасная франко-прусская война, но теперь, уже по окончаніи ея, ни Германія, ни Франція, не могутъ смотрѣть на происшедшую ужасную встрѣчу свою, какъ на нѣчто случайно-политическое, наполеоновское. Германія, столь много вѣковъ имѣвшая у себя все — богатство, цивилизацію, науку, и не имѣвшая лишь одного, самаго для себя желаннаго—политическаго единства, должна же была окон-

чательно убѣдиться (о чемъ, впрочемъ, знала сотни лѣтъ), что единства политическаго она не могла и не можетъ имѣть, пока во главѣ Европы стоитъ геній Франціи; что второстепенною ролью, какъ какаля-нибудь Италия, она, Германія, не можетъ въ Европѣ удовольствоваться, но что двѣ предводительницы Европы не могли бы совмѣстно существовать. Что тутъ, наконецъ, вопросъ духа, жизни и идеаловъ, что идеалы цивилизацій западно-католической и германской различны въ конецъ и несовмѣстимы. Что франко-прусская война была не что иное, какъ встрѣча двухъ европейскихъ цивилизацій, католической и протестантской, французской и германской цивилизацій, несовмѣстныхъ и противоположныхъ, и уже много вѣковъ приготовлявшихся встрѣтиться. Съ другой стороны, Франція, уже 1,000 лѣтъ представительница западнаго католицизма, не можетъ не понять, даже и теперь, что она останется предводительницею всего европейскаго католичества, даже и при видимомъ теперешнемъ распаденіи его, не иначе какъ если пребудетъ въ самомъ дѣлѣ вѣрна католичеству и идеѣ его.

Мы хотимъ только сказать, что возрожденіе католичества, въ смыслѣ *главной идеи націи*, вовсе, можетъ быть, не такъ невозможно во Франціи, какъ думаютъ многіе. Все, что происходило во Франціи въ продолженіе послѣдняго вѣка, вѣка непрерывнаго колебанія революціоннаго, могло бы отчасти служить подтвержденіемъ такой догадки. Перебирать прошлое не будемъ, но обратимъ вниманіе хотя бы лишь на то, что въ продолженіе всего послѣдняго столѣтія всѣ столь разнообразныя правительства Франціи (короли, республики, Наполеонъ III), всѣ поддерживали напу съ мечомъ въ рукѣ, или готовы были поддерживать, всѣ стояли за Римъ и за свѣтскую власть его. Графъ Бисмаркъ не можетъ не предчувствовать, хотя бы отчасти, что Франція никогда не помирится съ второстепеннымъ мѣстомъ въ Европѣ и съ военною неудачею, и что это для нея своего рода *non possumus*. Почему не предвидѣть ему тоже, что Франція, не разбитая, а раздавленная столь недавно, и могшая вдругъ удивить весь міръ своимъ богатствомъ и (главное) кредитомъ, — что это было для графа Бисмарка такою неожиданностью, — что эта Франція, наконецъ, въ несчастіи своемъ возбуждая къ себѣ столько симпатій въ Европѣ (что слишкомъ очевидно теперь даже и для Германіи, смотрящей на это съ за-

вистью),—почему же не предчувствовать ему, что дѣло съ этой Франціей, стало быть, далеко еще не кончено, что встрѣча еще разъ неминуема, что еще разъ споръ о первенствѣ не можетъ миновать, даже по самому существу вещей, и что споръ этотъ будетъ споромъ на жизнь и смерть. Что дѣло это не только не кончено, а едва лишь начинается. А что, такъ какъ, наконецъ, этотъ споръ будетъ споромъ двухъ, столь различныхъ европейскихъ цивилизацій—споромъ рѣшительнымъ и окончательнымъ,—то почему же не предполагать ему, что и ошибка окончательная произойдетъ именно на главнѣйшихъ точкахъ этихъ столь враждебныхъ цивилизацій,—а именно на католической и, отрицающей ее, протестантской точкѣ?

Не развиваемъ этой столь длинной идеи; для насъ довольно и того, что мы такъ рѣзко ее обозначили. Мы хотѣли только сказать, что, добывая католичество въ самомъ центрѣ его, графъ Бисмаркъ, можетъ быть, продолжаетъ франко-пущую кампанію и—приготавливается къ новой. Ловко ли, нѣтъ ли дѣйствуетъ—это еще вопросъ, но смотреть онъ зорко.

Почти въ этомъ смыслѣ есть одна изъ самыхъ послѣднихъ телеграммъ, до крайности характерная.

Недѣли двѣ назадъ, во Франціи и Германіи придали, повидимому, необыкновенную и несоразмѣрную важность одному довольно мелкому событію. Два французскихъ епископа, Нимскій и Анжерскій, заявили публично своимъ прихожанамъ, что ихъ церковь въ Германіи страдаетъ, преслѣдуема и проч., и проч. Ну, чтѣ бы, кажется, важнаго въ томъ, что два какіе-то попа провозгласили у себя въ приходѣ? Между тѣмъ вдругъ пронесся слухъ по всей Франціи и Германіи, что графъ Арнимъ, посланникъ Германіи, протестовалъ и настойчиво жаловался французскому правительству. Поднялись толки въ журналахъ (и претревозные) о томъ: правда это или нѣтъ? Если правда, то чтѣ отвѣчало правительство? Съ достоинствомъ или безъ достоинства? Правда ли, что былъ въ этомъ смыслѣ внушительный циркуляръ французскаго правительства французскому духовенству?

(NB. Замѣтимъ въ скобкахъ, что французское духовенство, столь враждебное догмату непогрѣшимости, до собора и на самомъ соборѣ, вдругъ, по провозглашеніи догмата, и по немедленномъ затѣмъ паденіи папской власти, обратилось все почти, въ огромномъ большинствѣ своихъ

предстоятелей, въ самыхъ фанатическихъ, можно сказать, приверженцевъ новаго догмата, между всѣмъ католичествомъ всей Европы. Фактъ чрезвычайно знаменательный для оцѣнки силы католической идеи во Франціи, — и теперь, и въ будущемъ).

Наконецъ, оказалось, что запросъ былъ, что правительство отвѣчало и объяснялось уклончиво, выставляя на видъ графу Арниму, что оно не имѣетъ такого вліянія на своихъ епископовъ, какъ это у нихъ въ Германіи; но циркуляръ епископамъ все-таки общало, и что циркуляръ дѣйствительно состоялся, — правда, слишкомъ мягкій, чтобъ успокоить графа Бисмарка, но все же довольно постыдный для французскаго правительства. Но, что всего важнѣе, тотъ фактъ, что Германія придала такому мелкому дѣлу такіе политическіе размѣры, и явилась съ требованіями, почти забывъ о томъ, что уже вывела свои войска изъ Франціи и что все же говорить слѣдуетъ теперь инымъ языкомъ, — этотъ фактъ, кажется, нисколько не удивилъ французское правительство, и даже самихъ французовъ.

Мало того — возбужденіе продолжается, и хотя уже прошло много времени, но вотъ, однако, сегодняшняя телеграмма изъ Берлина, которую и выписываемъ:

„Берлинъ. 3 (15) января. Въ *Сверго-Германской Всеобщей Газетѣ* напечатана сегодня статья объ отношеніяхъ Германіи къ Франціи, при чемъ объявляется, что поводы къ разногласіямъ подаются исключительно Франціей, но они не касаются германскихъ политическихъ интересовъ. Видъ на миръ, по словамъ названной газеты, зависятъ отъ того, какое положеніе приметъ французское правительство относительно ультрамонтановъ. Надежды на миръ утратятся, если французская политика представитъ себя въ распоряженіе свѣтскихъ притязаній папства“.

Такія слова, какъ „виды на миръ“ и „надежды на миръ утратятся“, по меньшей мѣрѣ удивительны; сомнѣнія тоже нѣтъ, что имѣютъ характеръ офиціозный (если не офиціальныи). Трудно утверждать послѣ этого, что Германія не предугадываетъ, что встрѣча ея съ Франціей произойдетъ на католической почвѣ.

Въ будущій годъ переходитъ и еще загадка, болѣе чѣмъ когда-нибудь загадочная. Это теперешнее французское правительство. Возможности нѣтъ представить себѣ, чтобы

не было въ будущемъ году еще разъ переворота во Франціи. Все раздробилось на партіи и прежнее большинство, низвергнувшее Тьера, давно уже лишилось прежняго своего характера. О послѣднихъ событіяхъ во Франціи, довольно, впрочемъ, неважныхъ, хотя и характерныхъ, поговоримъ въ слѣдующемъ обзорѣни.

Послѣднія телеграммы возвѣщаютъ, наконецъ, о сдачѣ Картагены. Подробности еще мало извѣстны. Всего же любопытнѣе, что генераль Коптрерасъ (главный начальникъ возставшихъ мерзавцевъ, грабившій соедініе испанскіе города, угрожавшій жителямъ взорвать городъ, въ случаѣ ихъ малодушія, и серьезно объявившій пѣмецкому консулу, что Кантоя Мурція долженъ будетъ объявить войну Германской имперіи), затѣмъ Гальвесь (объявлявшій, что все имущество картагенцевъ принадлежитъ имъ, шефамъ возстанія) и, наконецъ, всѣ члены Картагенской юнты и множество остальныхъ бунтовщиковъ, въ числѣ 2,500 человекъ въ рѣшительную минуту захватили броненосный корабль „Нуманцію“ и бѣжали въ Оранъ (на африканскомъ берегу), гдѣ и сдались французамъ. Все это навѣрно у нихъ было предвидѣно и условлено давно уже прежде. Такимъ образомъ, послѣ шестимѣсячнаго разврата и разбоя, имъ стоило только, съ награбленною добычею, убѣжать, чуть не съ почетомъ пройдя мимо пяти военныхъ кораблей. Разумѣется, они обратятся теперь въ наипочтеннѣйшихъ политическихъ эмигрантовъ, а при первомъ удобномъ случаѣ явятся тотчасъ же въ Испанію—опять разбойничать

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Двѣ замѣтки редактора *).

I.

Мы съ величайшимъ удовольствіемъ помѣщаемъ въ *Гражданинъ* это письмо слушательницы московскихъ курсовъ. Не будемъ очень противорѣчить нѣкоторымъ особымъ убѣжденіямъ автора, напримѣръ, о „здоровомъ воздухѣ“ Москвы. Самъ же авторъ свидѣтельствуетъ, что въ Москвѣ нельзя безъ сплетней, — а ужъ это одно не совсемъ здоровая черта московскаго воздуха. Мы всегда готовы согласиться, что Москва лучше чѣмъ Петербургъ, но что она хороша абсолютно — это уже совсемъ другой вопросъ.

Во всякомъ случаѣ, благодаримъ прежде всего за нѣкоторое сочувствіе, выказанное многоуважаемой корреспонденткой нашему изданію. Несмотря, однако, на сочувствіе, цѣль ея письма — опровергнуть на фактъ наше заявленіе въ 22 № *Гражданина* о „неудачныхъ“ доселѣ опытахъ допущенія у насъ женщинъ къ университетскому и медицинскому образованію *in corpore*. Авторъ является теперь съ частнымъ случаемъ основанія высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ и, выражая прекрасныя и благородныя чувства, радуется успѣшному началу дѣла. Мы, пожалуй, пойдемъ еще далѣе въ вѣрѣ: мы вѣримъ и убѣждены заранѣе, что большинство московскихъ слушательницъ доведутъ свои занятія до конца съ полнымъ успѣхомъ. Свидѣтельствуемъ громко, что никто болѣе изъ насъ не увѣренъ въ чистотѣ чувствъ и въ искренности жажды образованія нашихъ стремящихся къ образованію женъ.

*) № 27 „Гражданина“ 1873 г.

щинъ. Мы только думаемъ, что эта искренность и чистота добраго намѣренія могутъ быть, и весьма часто, дурно направлены, подпасть влiянiю иной предвзятой мысли, имѣющей мало общаго съ настоящимъ просвѣщенiемъ. Если въ Москвѣ случилось не то, если отъ слушательницъ до профессоровъ,— всѣ служили единственно однѣмъ только цѣлямъ просвѣщенiя, то мы первые этому радуемся и привѣтствуемъ прекрасное событiе. Увѣряемъ васъ, г. авторъ письма, что радуемся еще больше другихъ, ибо случилось только то, чего мы сами желали, что призывали, о чемъ сами заявили.

Припомнимъ же, чего мы пожелали и о чемъ заявили въ 22 № *Гражданина*:

„1) Строгая учебная дисциплина можетъ быть введена и имѣть цѣлью требовать отъ женщинъ непремѣнно ученiя, безо всякихъ послабленiй въ ихъ пользу, и немедленно исключать тѣхъ изъ нихъ, которыя не учатся или учатся дурно“.

„2) Малѣйшее нарушенiе правилъ нравственности должно повлечь за собою немедленное исключенiе женщины изъ числа учащихся“.

„3) Ежегодные экзамены должны быть безусловно строги“.

И вотъ за такiя желанiя или подобныя имъ, насъ обыкновенно объявляютъ въ печати и обществѣ—ретроградями. По крайней мѣрѣ, теперь, послѣ вашего заявленiя о московскихъ курсахъ, мы уже не одни будемъ ретроградями; а, во-первыхъ, вмѣстѣ съ профессорами московскихъ женскихъ курсовъ, исполнившими свое дѣло точь-въ-точь какъ мы того пожелали; во-вторыхъ, вмѣстѣ съ слушательницами, приходившими единственно для своего образованiя и ни для чего болѣе, и, наконецъ, съ вами самими, радующейся въ своемъ письмѣ и на профессоровъ, и на слушательницъ.

Правда, мы еще написали въ статьѣ 22 № *Гражданина*, что у насъ: „нравственная фальшь поражаетъ всякаго, кто имѣетъ случай ближе присматриваться къ миру женщинъ, выдѣляющихся изъ общей массы, для полученiя высшаго образованiя“, и что „женщины эти получаютъ какую-то увѣренность въ томъ, что, обучаясь высшему курсу наукъ или медицинѣ, онѣ въ то же время и по тому самому являются дѣятельницами въ разрѣшенiи какаго-то современнаго женскаго вопроса“.

Ну, вотъ въ томъ-то и вся *бѣда*, что мы это написали. Къ этому и придрались; да какъ было не придраться: сущность дѣла пока еще такова, что ее можно понять какъ угодно, придраться къ чему угодно и выставить въ свѣтъ какомъ угодно. Произнесено самое неопредѣленное и спорное современное слово, „женскій вопросъ“, и какъ же было не выйти путаницѣ?

Объ этой *бѣдѣ* мы не будемъ теперь говорить; заявимъ лишь одно нашей корреспонденткѣ: Вы именно хотѣли доказать вашимъ письмомъ, что на московскихъ женскихъ курсахъ такихъ слушательницъ не было, что ни одна изъ нихъ не задавалась задачей „явиться дѣятельницею въ разрѣшеніи какого-то современнаго женскаго вопроса“, а всѣ *просто учились*; что, стало-быть, могутъ быть слушательницы и безъ „фальши“ и что, наконецъ, можетъ-быть, и очень большое число русскихъ слушательницъ окажутся „безъ фальши“ и что мы, стало-быть, преувеличили.

Если мы преувеличили — мы, опять-таки, первые тому обрадуемся. Въ томъ, что у насъ явятся слушательницы безо всякой „фальши“ въ самомъ ближайшемъ будущемъ — мы и сами увѣрены; но что доселѣ было довольно фальши — можете ли вы отрицать? Если мы про это сказали открыто, не прикрашивая дѣла, то сказали именно потому, что отъ всей души желаемъ нашимъ женщинамъ настоящаго, а не фальшиваго образованія. Чтò же касается до мечты „явиться дѣятельницею въ разрѣшеніи какого-то женскаго вопроса“, то мы на это замѣтимъ вотъ что: явиться слушательницею высшихъ курсовъ съ мыслью и надеждой образовать себя, приобрѣсть тѣмъ высшія духовныя силы, приобрѣсть средства, быть черезъ образованіе болѣе обезпеченною и вооруженною въ несчастныхъ случаяхъ жизни; кромѣ того, вознестись до благороднаго понятія, что всеобщее образованіе женщины внесетъ новую, великую интеллигентную и нравственную силу въ судьбы общества и человѣчества, — эта мысль, заявляемъ мы, эта надежда — не только возвышенна, прекрасна и желательна въ душѣ каждой слушательницы будущихъ высшихъ курсовъ въ Россіи, но именно есть начало единственнаго и настоящаго разрѣшенія „женскаго вопроса“ и у насъ, и въ Европѣ, и вездѣ, начало настоящей правильной постановки его! Въ этомъ смыслѣ пусть всякая слушательница мечтаетъ о будущей своей дѣятельности въ разрѣ-

шеніи женскаго вопроса, сядя на студентскую скамейку. Но увѣрены ли вы, спрашиваемъ опять, что всѣ слушательницы женскихъ курсовъ сядятъ теперь, хоть бы даже и у васъ въ Москвѣ, на студентскую скамью съ яснымъ сознаніемъ того, чего хотятъ, и не путаются въ пусто-порожныхъ теоріяхъ? И вотъ, единственно потому мы и желали, въ трехъ нами выписанныхъ изъ нашей статьи пунктахъ, чтобъ женщины являлись прежде всего учиться и чтобы требовать отъ нихъ непременно ученія, самымъ строжайшимъ образомъ. Въ этомъ случаѣ мы много надѣемся на науку. Настоящая, строгая наука изгонитъ всякую фальшь, всякую постороннюю и ложную идею, за-сѣвшую въ иную еще непривыкшую къ идеямъ женскую голову и навѣянную какимъ-нибудь постороннимъ, обыкновенно мужскимъ вліяніемъ! Чего же мы хотимъ, стало-быть, какъ не женской самостоятельности, самостоятельности ума и сердца женщины, прежде всего? Противники мы женскаго образованія, какъ насъ окричали, да или нѣтъ?

Вы говорите въ одномъ мѣстѣ вашего письма, что мы рѣшились высказать свою мысль „не боясь потерять популярность“. Увы, мы въ высшей степени сознаемъ, что ее потеряли! Мы дорожимъ лишь тѣмъ, что пользуемся нѣкоторой симпатіей нѣсколькихъ толковыхъ людей, которые, въ наше время всеобщаго лакейства мысли, рѣшились смѣть

Свое сужденіе имѣть.

А надежды наши лишь въ томъ, что кругъ этихъ людей несомнѣнно и замѣтно увеличивается. Еще разъ васъ благодаримъ за письмо и просимъ и на будущее время извѣстій о судьбѣ московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Мы слишкомъ неравнодушны къ ихъ успѣхамъ.

II.

Кстати теперь, ровно полугодіе нашему изданію за нынѣшній годъ. Можно бы, воспользовавшись случаемъ, кое-что сказать о нашей дѣятельности и о нашихъ редакторскихъ усиліяхъ; пометчать и пооткровенничать, спросить вслухъ: что мы сдѣлали и чего не сдѣлали, что высказали и чего не могли высказать? и проч., и проч. — какъ всегда дѣлаютъ, когда пишутъ объявленія объ изданіи журнала на будущій годъ. Но мы все это отложимъ и отвѣтимъ только на нѣсколько разъ предлагавшійся

намъ со стороны вопросъ: почему мы такъ мало или совсѣмъ даже не отвѣчаемъ на критики, нападенія и ругательства, которыя сыплются на насъ непрерывно; которыя особенно сыпались въ началѣ года и павѣрно будутъ сыпаться въ концѣ его, передъ началомъ подписки на будущій годъ? Теперь дошло до того, что мы стали выручкой для всѣхъ фельетонистовъ: не объ чемъ писать — „а ну, есть *Гражданинъ*, обругать его; къ тому же либеральная тема!“ — и ругаетъ.

Почему же не отвѣчаемъ? Во-первыхъ и главное: не отвѣчать же всякому шуту?

О, безъ сомнѣнія, есть и не шуты: есть люди умные, а иногда и остроумные, есть и литературно-образованные, что такъ рѣдко теперь и что цѣнишь. Но инымъ изъ нихъ совершенно нельзя отвѣчать, хотя бы иногда и хотѣлось, — нельзя, потому что въ концѣ концовъ не знаешь, чего сами они хотятъ. Не понимаешь, изъ-за чего они такъ кривятъ душой, такъ сами себѣ противорѣчатъ, какая ихъ цѣль, что они преслѣдуютъ, гдѣ ихъ преданія, въ чемъ ихъ будущее? Пишутъ они весело, а иногда дѣйствительно дѣльно, и вотъ, на той же страницѣ, онъ же самъ вдругъ и опровергаетъ себя, и опровергаетъ съ знаніемъ дѣла, зная, что самъ противорѣчитъ себѣ. Для чего это? Какія тутъ цѣли? Неужели все это изъ одного литературнаго искусства? Въ концѣ концовъ и не знаешь, на что отвѣчать, и — зачѣмъ отвѣчать.

Такіе есть; я собственно про летучую литературу нашу говорю. Но есть и не изъ летучихъ; есть, напротивъ, очень искренніе. Въ этомъ случаѣ я не могу забыть г. Н. М. изъ *Отчественныхъ Записокъ* и о „долгахъ“ моихъ ему. Я не имѣю чести знать его лично и ровно ничего не имѣлъ удовольствія слышать о немъ какъ о частномъ человѣкѣ. Но я всею душою убѣжденъ, что это одинъ изъ самыхъ искреннихъ публицистовъ, какіе только могутъ быть въ Петербургѣ. Не мое совсѣмъ дѣло, но я никакъ не понимаю вражды къ нему почтеннаго г. З изъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, столь упорной и безостановочной. Много разъ и искренно сожалѣлъ о семъ обстоятельстве. Увѣренъ, что оба эти дѣятеля могли бы совершенно сойтись, если бы не такъ враждовали другъ съ другомъ. Но не мое дѣло. Г. Н. М. въ первый разъ поразилъ мое вниманіе своимъ отзывомъ о моихъ отзывахъ о Бѣлипскомъ, о социализмѣ и атеизмѣ, а потомъ о моемъ романѣ

„Бѣсы“. Отвѣчать ему по поводу моего романа я немного упустилъ время, хотя и хотѣлъ было; но о социализмѣ непременно отвѣчу. И вообще о социализмѣ буду писать, во второе полугодіе моего редакторства. Главное, никакъ не могу понять, что хотѣлъ мнѣ сказать г. Н. М., увѣряя меня, что социализмъ въ Россіи былъ бы непременно консервативенъ? Не думалъ ли онъ меня этимъ какъ-нибудь утѣшить, предположивъ, что я консерваторъ во что бы то ни стало. Смѣю увѣрить, г. Н. М., что „ликъ міра сего“ мнѣ самому даже очень не нравится. Но писать и доказывать, что социализмъ не атеистиченъ, что социализмъ вовсе не формула атеизма, а атеизмъ вовсе не главная, не основная сущность его, — это чрезвычайно поразило меня въ писателѣ, который, повидимому, такъ много занимается этими темами. Пишу теперь обо всемъ этомъ къ слову, именно, чтобы показать на примѣрѣ, какъ трудно теперь у насъ въ литературѣ разсуждать или спорить съ кѣмъ-нибудь и о чемъ-нибудь, даже съ непритворяющимися и простодушнѣйшими людьми. (NB. Простодушіе вовсе не исключаетъ ни ума, ни таланта). Объ г-нѣ же Н. М. я именно вспомнилъ потому, что все хочу ему отвѣтить, но никакъ не удается.

Но зато есть такіе, которымъ отвѣчать уже никакъ невозможно. Я не за брань ихъ сержусь—а ужъ какъ они ругались! Но иная брань приноситъ только честь и ничего дурного. Я сержусь... впрочемъ, нѣтъ, не сержусь; и сердиться на нихъ нельзя. Это дѣлая толпа пишущей братіи, когда-то, отъ предковъ наслѣдовавшая нѣсколько либеральныхъ мыслей, но въ совершенной ихъ наготѣ и наивности, безо всякаго ихъ развитія и толку. Что у Бѣлинскаго и Добролюбова предлагалось все же съ нѣкоторою послѣдовательностью, то утратило у нихъ всѣ концы и начала. Я увѣренъ, что явись теперь опять Бѣлинскій, и если ему не скажутъ, указывая перстомъ, что вотъ это самъ Бѣлинскій, то они тотчасъ же бросятся ругать его. Впрочемъ, если и укажутъ, то развѣ только подождутъ немного, а черезъ мѣсяць какой-нибудь всѣ вдругъ бросятся и начнутъ ругать. Толку никакого. Первая ихъ забота, разумеется, чтобы было либерально. Но какъ написать либерально?—онъ уже и не знаетъ, забылъ, потому что никогда не имѣлъ ни одной своей мысли и совершенно не знаетъ, что въ сущности должно оказываться либеральнымъ. Большая часть изъ нихъ пишутъ наудачу,

на всякій случай. Дѣвочка воткнула булавку въ голову другого ребенка, и вотъ они находятъ, что это хорошо, потому что либерально: она протестовала противъ деспотизма. Съ фактами участвовавшихъ самоубійствъ или ужаснаго теперешняго пьянства они рѣшительно не знаютъ, чтò дѣлать. Написать о нихъ съ отвращеніемъ и ужасомъ онъ не смѣетъ рискнуть; „а ну, какъ выйдетъ не либерально“, и вотъ онъ передаетъ на всякій случай зубоскала. Для этого выработался у нихъ отвратительнѣйшій и глупѣйшій тонъ. Взяли Хиву, и онъ тотчасъ же теряется; онъ не знаетъ, либерально это или нѣтъ? Хвалить—пожалуй, выйдетъ не либерально. Восторгаться—непремѣнно не либерально! Хулить? Пожалуй, тоже не либерально: Вамбери похвалилъ. И вотъ онъ мечется туда и сюда: „Я радуюсь... а, впрочемъ, пожалуй, не радуюсь; впрочемъ, пожалуй, отчего же не радоваться, а, впрочемъ, пожалуй, и нечему радоваться“ и т. д., и т. д. три столба. Позубоскалить на всякій случай все-таки какъ будто либеральнѣе.

Всего забавнѣе, что у нихъ, въ подобныхъ затруднительныхъ случаяхъ, проглядываетъ уловка показать, что онъ что-то знаетъ: „Вотъ только бы дали намъ написать, дали бъ высказать; эва, что бы мы тогда насказали! А теперь вотъ поневолѣ зубоскалимъ! Но зато сколько мы знаемъ!.. И-и-и, сказать нельзя, сколько знаемъ!“

Неужели же отвѣчать такимъ, пускаться съ ними въ полемику? Только развороти муравейникъ—бѣда! Впрочемъ, имъ видимо пріятно бы было связаться, я замѣчала это по многимъ признакамъ. И ужъ какъ задирали! Они объявили меня „сыскно-полицейскимъ писателемъ“, въ другой разъ объявили крѣпостникомъ, вздыхающимъ по „крѣпостному состоянію“. Ну, чтò же я сталъ бы имъ отвѣчать?

Вотъ очень недавній анекдотъ, довольно характерно рисующій эту среду.

Недавно въ нашей газетѣ передавалась всѣмъ теперь извѣстная исторія монаха отца Нила и упоминалось о нѣкоторыхъ секретныхъ похожденияхъ его.

При этомъ мы заявили, что у насъ есть особенный типъ такихъ барынь, которыя хотъ и очень богомольны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и склонны къ нѣкоторымъ уже непозволительнымъ снисхожденіямъ къ служителямъ Церкви. Приведемъ, впрочемъ, наши слова; тутъ дѣло именно въ

томъ, какъ онъ ихъ понялъ: ...„вѣрнѣе сказать, пламень
набожности принимаетъ въ высшей степени неестествен-
ную потребность, такъ сказать, уластить, заласкать, за-
любить, лично и даже по-земному, самаго уважаемаго и
чтимаго ими служителя Божія. Вы замѣтили, что въ ка-
толицизмѣ эти случаи повторяются чаще, чѣмъ у насъ, у
насъ же совсѣмъ даже рѣдки... Вначалѣ, напримѣръ,
изъ самой горячей набожности посылають служителямъ
Божіимъ конфеты, сласти, не разсуждая, что какъ ни
невинны эти послылки, все же онѣ дьявольскій соблазнъ;
и затѣмъ постепенно расширяють идею о конфетахъ до
предѣловъ совсѣмъ nepозволительныхъ. Всего любопыт-
нѣе, повторяемъ это, что вся эта неестественность ро-
ждается почти изъ похвального чувства, и до того обманыва-
етъ природу, что въ моменты сильнѣйшаго грѣхопаденія
уживается съ молитвами, молебнами, постами и пр. При-
бавимъ, что народу такіа утонченности совсѣмъ незна-
комы, онѣ только у барынь, да еще у рѣдкихъ. Если же
и происходятъ у монастырскихъ грѣхи съ женщинами
изъ народа, то уже совсѣмъ какъ грѣхи—вполнѣ откro-
венно и безо всякаго ложнаго отбѣнка святости“.

Типъ отвратительный, но весьма любопытный и сто-
ящій вниманія, какъ болѣзненный паростъ нашей цивили-
заціи. Вѣрно обрисованный художникомъ, напримѣръ, въ
романѣ, онъ далъ бы художнику славу. И что же? Фелье-
тонистъ не понялъ ни типа, ни проиіи нашего изложенія.
Онъ вообразилъ, что мы *хвалимъ* этихъ барынь! Ну, и
тотчасъ же разругалъ: либеральная тема!

— Увѣряю васъ, сказалъ мнѣ одинъ мой знакомый,
которому я съ удивленіемъ сообщилъ листокъ,—увѣряю
васъ, что онъ совершенно такъ понялъ, какъ написалъ,
безо всякаго коварства. Напротивъ, это естественное, такъ
сказать, фельетонное оупѣніе чувствъ, мыслей и всякаго
соображенія,—десятилѣтнее оупѣніе отъ десятилѣтняго
либерализма съ чужого голоса и несвойственнаго его го-
ловѣ. Тутъ окончательная утрата пониманія всего, что
внѣ ихъ пріемовъ, привычекъ и ихняго казеннаго и вы-
мученнаго фельетоннаго слога... утрата почти языка чело-
вѣческаго...

Вѣрю. Такъ что даже простительно. Ну, такъ какъ же
этацимъ отвѣчать?

Маленькія картинки *).

(въ дорогѣ).

Я разумѣю дорогу паровую, чугулку и пароходы. Про дороги прежнія, про дороги „конемъ“—какъ выразился недавно одинъ мужичокъ, мы, жители столицъ, стали совсѣмъ забывать. А, должно быть, и на нихъ теперь можно встрѣтить много новаго противъ прежнихъ порядковъ. Я, по крайней мѣрѣ, слышалъ много любопытнаго отъ рассказчиковъ, и такъ какъ повсемѣстнымъ, будто бы, разбойникамъ я все-таки не вѣрю вполне, то и собираюсь чуть не каждое лѣто проѣхать куда-нибудь поглубже, по прежнимъ дорогамъ, для собственнаго назиданія и поученія. А пока милости просимъ на чугулку.

Ну, вотъ мы входимъ въ вагонъ. Русскіе люди классовъ интеллигентныхъ, являясь въ публику и сбиваясь въ массу, всегда становятся любопытны для поучающагося наблюдателя; но въ дорогѣ особенно. У насъ въ вагонахъ заговариваютъ другъ съ другомъ туго; особенно характерны въ этомъ отношеніи самыя первыя мгновенія пути. Всѣ какъ бы настроены другъ противъ друга, всѣмъ какъ бы не по себѣ, оглядываются съ самымъ недовѣрчивымъ любопытствомъ, смѣшаннымъ непременно съ враждебностью, стараюсь въ то же время сдѣлать видъ, что не только не замѣчаютъ одинъ другого, но и не хотятъ замѣчать.

Въ интеллигентныхъ отдѣленіяхъ поѣзда первыя мгновенія размѣщеній и дорожныхъ ознакомленій, для очень многихъ—суть рѣшительно мгновенія страданія, невозможнаго нигдѣ, напримѣръ, за границей, именно потому, что тамъ всякій знаетъ и тотчасъ же вездѣ самъ нахо-

*) Напечатано въ сборникѣ „Складчина“, изданномъ въ 1874 г.

дить свое мѣсто. У насъ же, безъ кондуктора и вообще безъ руководителя, трудно обойтись и найти себѣ свое мѣсто сразу, даже гдѣ бы то ни было, не только въ вагонахъ, а даже и въ вагонахъ съ билетомъ въ рукахъ. Я не про одни споры изъ-за мѣсть говорю. Случится спросить о чемъ-нибудь самомъ необходимомъ незнакомаго сосѣда, около котораго сѣли—и вопросъ задается въ самомъ трусливо-успокаивающемъ тонѣ, точно вы рискнули на чрезвычайную опасность. Спрашиваемый, разумѣется, тотчасъ же испугается и посмотритъ съ необыкновенной нервной тревогой; и хотя и отвѣтитъ вдвое торопливѣе и услащеннѣе вопрошающаго, тѣмъ не менѣе оба они, несмотря на взаимную услащенность, довольно долго еще продолжаютъ чувствовать нѣкоторое преоригинальное огасеніе: „а не вышло бы какъ-нибудь драки!“ Предположеніе это хоть и не всегда сбывается, но въ первое мгновеніе, когда гдѣ бы то ни было собираются въ незнакомую толпу образованные русскіе люди, — это предположеніе хоть на мигъ, хоть въ видѣ безсознательнаго лишь ощущенія, а, право, должно проноситься по всѣмъ этимъ собравшимся вмѣстѣ образованнымъ русскимъ сердцамъ.

— И это вовсе не потому, яростно замѣтилъ мнѣ на это замѣчаніе одинъ пессимистъ изъ „болѣющихъ сердцемъ“,—это вовсе не потому, что они взаимно не довѣряютъ европеизму своего развитія, а непременно и потому еще, что у насъ почти всякій согласенъ въ глубинахъ европейской души своей, что его, пожалуй, и стоить побить... Нѣтъ, о нѣтъ, безконечно совралъ! съ крикомъ поправилъ себя тотчасъ же мой пессимистъ, — никогда нашъ европеецъ не сознается, что его стоить побить!.. Нѣтъ, это слишкомъ много чести ему приписать! Сознание, хотя бы лишь самое отдаленное, что тебя стоить высѣчь,—есть уже начало добродѣтели, а гдѣ у насъ добродѣтель? Лганье передъ самимъ собой у насъ еще глубже укоренено, чѣмъ передъ другими. У насъ всякій можетъ почувствовать, что его стоить высѣчь, но никогда не сознается, даже и себѣ самому, что его и впрямь надо бы хорошенько вспороть.

Привожу это мнѣніе пессимиста въ видѣ оригинальности, отчасти лишь любопытной; самъ же я не во всемъ съ нимъ согласенъ и наклоненъ къ мнѣнію гораздо болѣе примирительному.

Второй періодъ собравнагося въ дорогу русскаго образованнаго общества, т. е. періодъ завязывающихся разговоровъ, наступаетъ всегда почти очень скоро послѣ перваго, т. е. періода трусливыхъ высматриваній и подергиваній. Не умѣютъ заговорить лишь вначалѣ, а потомъ расходятся такъ, что иной разъ и не удержишь. Чтò дѣлать: крайности—наша черта. Виновата къ тому же и наша бездарность; кто чтò ни говори, а у насъ ужасно мало талантовъ, въ какомъ бы то ни было родѣ; напротивъ, ужасно много того, что называется „золотою серединою“. Золотая середина—это нѣчто трусливое, безличное, а въ то же время чванное и даже задорное. Боятся заговорить, чтобы какъ-нибудь себя не скомпрометировать, дичатся и совѣстятся: умные потому, что считаютъ всякій самостоятельный шагъ какъ бы ниже ума своего, а глупые изъ гордости. Но такъ какъ русскій человѣкъ, по природѣ своей, въ то же время и самый общительный и стадный человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ, то и выходитъ, что въ эту первую четверть часа всѣ до того, наконецъ, изстрадаются, что, наконецъ, сами себѣ станутъ въ тягость и примутъ съ радостью когда кто-нибудь первый рѣшится разбить стекло и завязать хоть что-нибудь въ родѣ общаго разговора. На желѣзныхъ дорогахъ это разбитіе стекла происходитъ иногда довольно забавнымъ образомъ, но всегда почти нѣсколько иначе, чѣмъ на пароходахъ (причину объясню ниже). Иногда, падъ всеобщей „срединой“ и бездарностью, вдругъ и совсѣмъ неожиданно, возникаетъ гениальный талантъ и увлекаетъ примѣромъ своимъ сразу всѣхъ до единаго. Вдругъ объявляется такой господинъ, который, среди всеобщаго напряженнаго молчанія и конвульсивныхъ потугъ, громко и безъ всякаго приглашенія, безъ всякаго даже повода, мало того—безъ малѣйшаго даже присюсюкиванья, столь необходимаго по нашимъ понятіямъ каждому джентльмену, когда онъ вдругъ очутится среди незнакомаго общества; безъ малѣйшей этой подленькой скандировки въ выговорѣ самыхъ обыкновенныхъ словъ, столь укоренившейся въ нѣкоторыхъ нашихъ джентльменахъ тотчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ, въ видѣ какъ бы обиды по этому поводу; напротивъ, съ видомъ самаго прежняго, стариннаго джентльмена, начинаетъ рассказывать, всѣмъ вообще и никому въ особенности—ни болѣе, ни менѣе, какъ свою собственную автобіографію, разумѣется, къ со-

вершешпому и недовѣрчивому изумленію слушателей. Всѣ сначала даже теряются и вопросительно переглядываются другъ съ другомъ; ободряются лишь мыслию, что „вѣдь во всякомъ случаѣ это не они говорятъ, а онъ“. Такой рассказъ, съ самыми интимными, а иногда даже и чудесными подробностями, можетъ продолжаться полчаса, часъ, сколько угодно.

Мало-по-малу всѣ начинаютъ ощущать на себѣ магическое вліяніе таланта, — ощущаютъ именно тѣмъ, что вовсе не находятъ себя обиженными, несмотря даже на все желаніе того. Всѣхъ, главное, поражаетъ то, что онъ никому не льститъ; ни въ чемъ ни у кого не заискиваетъ, въ слушатель рѣшительно не нуждается, подобно тому, какъ нуждается въ немъ какой-нибудь обыкновенный, бездарный болтувъ; говоритъ же единственно потому, что не можетъ таить въ себѣ своего сокровища. „Хотите слушайте, хотите нѣтъ, мнѣ вѣдь все равно; я вѣдь только чтобъ васъ осчастливить“, — вотъ что, кажется, могъ бы онъ сказать; между тѣмъ и этого даже не говорить, потому что всѣ чувствуютъ себя совершенно свободными, тогда какъ въ самомъ началѣ (ну, нельзя же безъ этого), когда онъ только что началъ такъ неожиданно говорить, разумѣется, каждый почувствовалъ себя въ первая мгновенія, какъ бы лично обиженнымъ. Мало-по-малу ободряются до того, что начинаютъ останавливать, спрашивать, входить въ подробности, ну, разумѣется, со всѣми возможными предосторожностями. Джемтльмень, съ необычайнымъ вниманіемъ, хотя и безо всякой услащенности, тотчасъ же васъ выслушиваетъ и тотчасъ же вамъ отвѣчаетъ, — поправляетъ васъ, если вы ошибаетесь, и немедленно соглашается съ вами, если вы хоть чуть-чуть выходите правы. Но поправляя ли, соглашаясь ли, онъ рѣшительно доставляетъ вамъ несомнѣнное удовольствіе; вы это чувствуете всѣмъ существомъ вашимъ, каждую минуту, и рѣшительно не понимаете, какъ это онъ умѣетъ хорошо такъ дѣлать. Вы, напримѣръ, ему только что возразили; и хоть онъ, не далѣе какъ за минуту, говорилъ совершенно противоположное, но теперь выходитъ, что и онъ говорилъ именно то же самое, что вы только что изволили найти нужнымъ ему замѣтить, и совершенно съ вами согласенъ, такъ что и вы польщены, и онъ сохранилъ свою полную независимость. Польщены же вы бываете иногда до того, послѣ иного удачнаго вашего

возраженія, да еще при всѣхъ, что начинаете оглядываться на публику съ видомъ настоящаго именинника, несмотря даже на весь вашъ умъ, но таково ужъ обаяніе таланта. О, онъ все видѣлъ, все знаетъ, вездѣ былъ, вездѣ ходилъ, вездѣ сидѣлъ и только что вчера всѣ съ нимъ простились. Онъ, еще тридцать лѣтъ назадъ, приходилъ къ извѣстному министру, въ прошлое царствованіе, а потомъ къ генераль-губернатору Б—ву, жаловаться на его родственника, вотъ что отличился недавно своими мемуарами, и Б—въ тотчасъ же посадилъ его съ собой курить сигары. Такихъ сигаръ онъ потомъ никогда не куривалъ. Конечно, ему лѣтъ пятьдесятъ на видъ, такъ что онъ можетъ помнить и Б—ва; но вчера еще онъ провожалъ извѣстнаго жида Ф., только что бѣжавшаго за границу, и тотъ, въ послѣднюю минуту разлуки, открылъ ему всѣ свои послѣднія тайны, такъ что только онъ одинъ во всей Россіи и знаетъ теперь всю подноготную всей этой исторіи. Пока дѣло шло о Б—вѣ всѣ еще были спокойны, тѣмъ болѣе, что и рассказъ-то вышелъ изъ-за сигаръ; но при имени Ф. самые даже солиднѣйшіе изъ слушателей принимаютъ особенно заинтересованный видъ; даже наклоняются нѣсколько къ рассказчику и слушаютъ съ алчностью, и при этомъ безъ малѣйшей даже зависти въ томъ, что рассказчикъ въ дружбѣ съ такимъ высшимъ жидомъ, а они нѣтъ. Шаръ „Жюль-Фавръ“ — одно надуванье и чепремѣнно лопнетъ; въ франко-прусскую войну металь совсѣмъ другой, а этотъ новый. Тутъ un mot de Jules-Favre, о князѣ Бисмаркѣ, прошлаго года ему на ухо и подъ секретомъ въ Парижѣ — впрочемъ, хотите вѣрьте, хотите нѣтъ; даже видно, что рассказчикъ особенно не настаиваетъ, но про проектъ новыхъ акцизныхъ законовъ онъ знаетъ все, что третьяго-дня говорилось въ Государственномъ Совѣтѣ; даже лучше знаетъ, чѣмъ знаютъ въ самомъ Государственномъ Совѣтѣ. Остроумнѣйшій анекдотъ, какъ сострилъ при томъ *** о кабацкихъ. Всѣ улыбаются и заинтересованы очень, потому что ужасно похоже на правду. Инженерный полковникъ сообщаетъ сосѣду вполголоса, что онъ давеча почти то же самое слышалъ и что чуть ли это не правда; кредитъ рассказчика мгновенно вырастаетъ. Съ Г—вымъ онъ ѣздилъ въ вагонахъ тысячу разъ, ты-ся-чу разъ, и тутъ вовсе не то; тутъ анекдотъ, котораго никто не знаетъ и Незнакомцу ровно ничего не будетъ, потому, что замѣшано извѣстное

лицо, и лицо хочеть непременно всему положить предѣль. Лицо простило и сказало, что не будетъ вмѣшиваться, но лишь до известной черты, а такъ какъ оба перешли черту, то лицо, конечно, вмѣшается. Онъ самъ тутъ былъ и все это видѣлъ; самъ въ станціонную книгу записывалъ въ качествѣ свидѣтеля. Примирять, разумѣется. Зато про охотничьихъ собакъ, и про известныхъ собакъ, нашъ джентльменъ говоритъ такъ, какъ будто въ собакахъ-то и состояла главная задача всей его жизни. Разумѣется, подъ конецъ ясно для всѣхъ, какъ дважды два, что онъ никогда не ѣздилъ съ Г—вымъ; ровню ничего не записывалъ въ книгѣ, съ Б—вымъ не курилъ, собакъ не имѣлъ, очень далека отъ Государственнаго Совѣта; тѣмъ не менѣе всякому, даже специалисту, понятно, что онъ все это знаетъ и даже довольно прилично знаетъ, такъ что очень и очень можно, не компрометируя себя, слушать. Но не въ извѣстіяхъ дѣло, а въ удовольствіи слушать ихъ. Замѣтенъ, впрочемъ, и пробѣлъ у всезнайки: мало и даже почти совсѣмъ не говоритъ о школьномъ вопросѣ, объ университетахъ, о классицизмѣ и реализмѣ и даже объ литературѣ — точно эти темы совсѣмъ даже и не подозрѣваются имъ. Спрашиваешь себя, кто бы это могъ быть, и рѣшительно не находишь отвѣта. Знаешь только, что талаптъ, по специальности его угадать не можешь. Предчувствуешь, однако, что это типъ, и, какъ и всякій рѣзко очерченный типъ непременно имѣетъ свою специальность, и если ее не угадываешь, то именно потому, что не знаешь типа и его до сихъ поръ не встрѣчалъ. Особенно сбиваетъ съ толку наружность: одѣтъ широко, и портной у него былъ очевидно хорошій; если лѣтомъ, то непременно по-лѣтнему, въ каламангѣ, въ гетрахъ и въ лѣтней шляпѣ, но... все это на немъ нѣсколько какъ бы ветхо, такъ что если и былъ хорошій портной, то только *былъ*, а теперь уже можетъ и нѣтъ. Высокъ, худощавъ, очень даже; держитъ себя какъ-то не по лѣтамъ прямо; смотритъ прямо передъ собой; видъ смѣлый и съ неотразимымъ достоинствомъ; ни малѣйшаго нахальства; напротивъ, благоволеніе во всемъ, но безъ сахару. Небольшая съ просѣдью борода клиномъ, не то чтобъ совсѣмъ наполеоновская, но зато самаго дворянскаго обрѣза. Вообще манеры безукоризненны, а къ манерамъ у насъ очень надки. Очень мало курить, даже можетъ и совсѣмъ нѣтъ. Поклажи никакой, — маленькій

тощій сачекъ, въ родѣ ридикульчика, несомнѣнно заграничной когда-то выдѣлки, теперь же непозволительно истершійся, вотъ и все. Кончается тѣмъ, что такой джептльмень вдругъ и совсѣмъ неожиданно исчезаетъ, и даже непременно на какой-нибудь самой незначительной станціи, на какомъ-нибудь самомъ неважномъ поворотѣ куда-нибудь, куда никто и не ѣздитъ. По уходѣ его кто-нибудь изъ наиболѣе слушавшихъ и поддакивавшихъ вслухъ рѣшаетъ, что „все врало“. Разумѣется, тутъ всегда окажутся двое такихъ, что всему повѣрили, и заспорить; въ противоположность имъ непременно окажутся двое такихъ, которые еще съ самаго начала были обижены и если молчали и не возражали „вралю“, то единственно отъ негодованія. Теперь они съ жаромъ протестуютъ. Публика смѣется. Кто-нибудь, доселѣ очень скромно и солидно молчавшій, съ видимымъ знаньемъ дѣла заявляетъ предположеніе, что это „особый, стародворянскій типъ благороднаго приживальщика высшей руки, самъ помѣщикъ, но только маленький, благородный лѣнтяй съ чрева матери, дѣйствительно съ хорошими знакомствами и всю жизнь витающій около высшихъ людей,—типъ чрезвычайно полезный въ общежитіи, особенно въ деревенской глуши, куда зачастую заглядываетъ, и куда особенно любить ѣздить гостить“. Съ неожиданнымъ мнѣніемъ всѣ какъ-то вдругъ соглашаются, споры прекращаются; но стекло разбито и разговоры завязаны. Даже и безъ разговоровъ всякій чувствуетъ себя какъ дома и всѣмъ, вдругъ, стало совершенно свободно. А между тѣмъ все благодаря таланту.

Впрочемъ, если только не брать въ расчетъ, такъ называемыхъ, случайныхъ скандаловъ и иныхъ неминуемыхъ неожиданностей, довольно иногда неприятныхъ и, къ несчастью, все-таки слишкомъ частыхъ, то по дорогамъ нашимъ, въ результатѣ, все-таки можно проѣхать. Разумѣется, съ предосторожностями.

Я уже написалъ однажды и напечаталъ, что задача проѣхать приятно и весело по желѣзной нашей дорогѣ заключается, главное, „въ умѣннн давать врать другимъ и какъ можно болѣе этому вранью вѣрить; тогда и вамъ дадутъ тоже съ эффектомъ прилгнуть, если и сами вы соблазнитесь; стало быть, взаимная выгода“. Здѣсь же подтверждаю, что и доселѣ придерживаюсь того же мнѣнія, и что высказано было оно мною нисколько не въ юмористи-

ческомъ, а, напротивъ, въ самомъ положительномъ смыслѣ. Что же собственно до вранья и, особенно, желѣзно-дорожнаго, то я уже заявилъ тогда же, что почти и не считаю его порокомъ, а, напротивъ, естественнымъ отправленіемъ нашего національнаго добродушія. Злыхъ лгуновъ у насъ почти нѣтъ, а, напротивъ, почти всѣ русскіе лгуны—люди добрые. Не говорю, впрочемъ, что хорошіе.

Тѣмъ не менѣе поражаетъ иногда, даже и въ дорогахъ, даже и въ вагонахъ, нѣкоторая вновь зародившаяся жажда разговоровъ серьезныхъ, жажда учителей на всевозможныя соціальныя и общественныя темы. И являются учителя. Объ нихъ я тоже писалъ, но то особенно поражаетъ, что изъ желающихъ учиться и научиться всего болѣе женщинъ, дѣвицъ и дамъ, и совершенно не стриженныхъ, смѣю васъ въ томъ увѣрить. Скажите, гдѣ встрѣтите вы теперь дѣвицу или даму безъ книжки, въ дорогѣ или даже на улицѣ? Можетъ быть, я преувеличилъ, но все-таки очень много пошли съ книжками, и не то, чтобъ съ романами, а все съ похвальными книжками, съ педагогическими, или съ естественно-научными; даже читаютъ Тацита въ переводѣ. Однимъ словомъ, жажды и ревности очень много, самой благородной и свѣтлой, но... но все это еще какъ-то пойдетъ. Ничего нѣтъ легче, какъ, напримѣръ, увѣрить такую ученицу почти въ чемъ вамъ угодно, особенно если кто складно умѣетъ поговорить. Женщина глубоко-религіозная вдругъ, въ вашихъ глазахъ, соглашается съ выводами почти атеистическими и съ рекомендуемымъ примѣненіемъ ихъ. А ужъ насчетъ педагоги, напримѣръ, такъ чего-чего имъ не внушаютъ и чему-чему онѣ не способны увѣрять! Содроганіе пройдетъ иногда при мысли, что она, пріѣхавъ домой, тотчасъ и начнетъ примѣнять на дѣтяхъ и на супругѣ то, чему ее научили. Ободряешься лишь догадкой, что, можетъ быть, она вовсе и не поняла учителя, или поняла совершенно противоположно, и что дома спасетъ ее инстинктъ матери и супруги и здравый смыслъ, столь сильный въ русской женщинѣ, даже съ изначала русскихъ вѣковъ. Но смыслъ смысломъ, а все-таки пожелать надо и научнаго образованія, только твердаго и пастоящаго, а не то, что изъ всякихъ книжекъ, да по вагонамъ. Тутъ самые похвальные шаги могутъ обратиться въ плачевные.

Хорошо на нашихъ дорогахъ и то, что, — опять-таки если не считать разныхъ „случаевъ“, — можно проѣхать

почти что *incognito* все время пути, молча и не съ кѣмъ даже не заговаривая, если ужъ очень говорить не желаешь. Теперь только развѣ одни священники прямо начинаютъ съ разпросовъ: „кто вы, куда ѣдете, по какимъ дѣламъ и чего ожидаете?“ Но, впрочемъ, и этотъ благодушный типъ, кажется, переводится. Напротивъ, даже и въ этомъ родѣ бывають, съ недавняго времени, пренеожиданныя встрѣчи, такъ что глазамъ не вѣришь.

На пароходахъ, какъ я сказалъ уже, разговоры завязываются нѣсколько иначе, чѣмъ въ вагонахъ. Причины естественныя, и во-первыхъ уже то, что публика *избраннѣе*. Я, конечно, говорю лишь про пароходную публику перваго класса, про публику *на кормѣ*. Про публику *носую*, т.-е., втораго разряда, и говорить не стоитъ; да и не публика она, а просто пассажиры. Тамъ мелкотравчатые, тамъ узлы съ поклажей, давка и тѣснота, тамъ вдовы и сироты, тамъ матери кормятъ грудью дѣтей, тамъ общипанные старички, получающіе пенсію, тамъ переѣзжающіе священники, цѣлыя артели рабочихъ, мужики съ своими бабами и краяхами хлѣба въ мѣшкахъ, пароходная прислуга, кухня. Кормовая публика, вездѣ и всегда, совершенно игнорируетъ носовую и не имѣетъ объ ней никакого понятія. Можетъ быть, покажется страннымъ мнѣніе, что пароходная „первоклассная“ публика всегда *избраннѣе*, чѣмъ даже соотвѣтственнаго разряда въ вагонахъ. Въ сущности, конечно, это неправда, да и вся эта публика чуть лишь пріѣдетъ домой и сойдетъ съ парохода, немедленно, въ нѣдрахъ семействъ своихъ, понижаетъ свой тонъ даже до самаго натуральнаго; но пока мѣстъ семейство это на пароходѣ, оно поневолѣ подымаетъ свой тонъ до нестерпимо великосвѣтскаго, единственно, чтобъ казаться не хуже другихъ. Вся причина въ томъ, что больше пространства гдѣ помѣститься, и больше досугу, чтобъ поковеркаться, чѣмъ на желѣзной дорогѣ, то-есть, какъ я сказалъ уже—причина естественная. Тутъ не такъ сбиты вмѣстѣ, публика не рискуетъ образовать изъ себя *кучу*, не такъ быстро летятъ, не такъ подчинены необходимости, звонку, минутѣ, заснувшимъ или расплакавшимся дѣтямъ; тутъ вы не принуждены обнаруживать иные ваши инстинкты, въ такомъ натуральномъ и утормоленномъ видѣ; напротивъ, тутъ все похоже на строгую гостиную; входя на палубу, вы какъ-будто зва-

ный и входите въ гости. Между тѣмъ, вы все-таки связаны пятью-шестью часами совмѣтнаго пути, пожалуй, цѣлымъ днемъ пути, и непремѣнно знаете, что надо доѣхать вмѣстѣ и почти познакомиться. Дамы почти всегда лучше одѣты, чѣмъ бываетъ это въ вагонахъ, дѣти ваши въ самыхъ очаровательныхъ лѣтнихъ костюмахъ, если только вы хоть сколько-нибудь себя уважаете. Разумѣется, и тутъ иногда встрѣчаются дамы съ узлами и отцы семействъ, совсѣмъ, какъ настоящіе отцы у себя дома, иные даже съ дѣтьми на рукахъ и съ надѣтыми орденами на всякій случай; но это лишь низкій типъ „взаправду путешествующихъ“, принимающихъ дѣло плебейски серьезно. Въ нихъ нѣтъ высшей идеи, а одно только уторможенное чувство самосохраненія. Настоящая публика немедленно игнорируетъ этихъ жалкихъ людей, хотя бы они сидѣли подлѣ, да и сами они тотчасъ же начинаютъ понимать свое мѣсто, и хоть крѣпко займутъ оплаченные свои мѣста, но передъ общимъ тономъ совершенно и покорно стушевывается.

Однимъ словомъ, пространство и время измѣняютъ условія радикально. Тутъ даже и самый „талантъ“ не могъ бы начать съ своей автобіографіи, а долженъ бы былъ поискать другого пути. Можетъ, даже и совсѣмъ бы не имѣлъ успѣха. Тутъ разговоръ почти не можетъ завязаться изъ одной только дорожной необходимости. Главное, тонъ разговоръ долженъ быть совершенно другой, „салонный“, а въ этомъ вся сущность. Само собою, если пассажиры незнакомы другъ съ другомъ предварительно, то стекло еще труднѣе разбивается, чѣмъ въ вагонѣ. Общій разговоръ на пароходѣ чрезвычайная рѣдкость. Собственные же страданія отъ собственного лганья и кривляній, особенно въ первыя мгновенія пути, даже значительнѣе чѣмъ въ вагонѣ. Если вы хоть чуть-чуть внимательный наблюдатель, то, навѣрно, будете поражены, какъ можно налгать въ какую-нибудь четверть часа, сколько нагутъ всѣ эти пышныя дамы и столь уважающіе себя ихъ супруги. Конечно, все это встрѣчается всего чаще, и въ самомъ чистомъ видѣ, въ поѣздахъ, такъ сказать, увеселительныхъ, каникулярныхъ, въ поѣздахъ отъ двухъ до шести часовъ всего пути. Лгутъ же всѣмъ: манерами, красивыми позами; каждый какъ-будто каждое мгновеніе заглядываетъ на себя въ зеркало. Пискливой скандировки фразъ, самой неестественной и противной, самаго невоз-

можного произношеніи словъ, съ какимъ никто бы не рѣшился произносить ихъ, если бы только чуть-чуть уважалъ себя,—кажется, еще больше, чѣмъ бываетъ въ вагонахъ. Отцы и матери семействъ (т.-е. пока не завязалось еще никакого общаго разговора на палубѣ) стараются говорить между собою неестественно громко, изъ всѣхъ силъ желая показать, что совѣмъ какъ у себя дома, но тотчасъ же и постыдно не выдерживаютъ характера: заговариваютъ между собою о совершенныхъ пустякахъ, ужасно не идущихъ къ дѣлу, къ мѣсту и къ положенію, а иногда мужъ обращается къ женѣ, какъ незнакомый кавалеръ къ незнакомой ему дамѣ, гдѣ-нибудь въ гостяхъ. Вдругъ, быстро и безъ причины обрываютъ уже завязанный разговоръ, да и вообще говорятъ болѣе отрывками; нервно и безпокойно оглядываются на сосѣдей, слѣдятъ за взаимными отвѣтами съ недовѣрчивостью и даже съ испугомъ, а иной разъ даже и совѣмъ краспѣютъ одинъ за другого. Если же случится имъ (т.-е. заставить необходимость) заговорить другъ съ другомъ о чемъ-нибудь прямо идущемъ къ дѣлу и къ положенію, и объ чемъ всякому мужу съ женой можетъ случиться пужда переговорить въ началѣ дороги,—объ чемъ-нибудь хозяйственномъ, наприкладъ, или семейномъ, о дѣтихъ, о томъ, что у Мишеньки кашель, а здѣсь свѣжо, или у Сонички слишкомъ поднимаются юбочки,—то конфузятся и быстро начинаютъ шептаться, чтобъ по возможности никто ихъ не слышалъ, хотя въ томъ, что они говорятъ, ровно ничего нѣтъ неприличнаго или предосудительнаго, а напротивъ—все достойно самаго полнаго уваженія, тѣмъ болѣе, что всѣ эти дѣти и хлопоты не у нихъ однихъ, а точно также есть и у всякаго, даже на этомъ самомъ пароходѣ. Но именно эта-то самая простѣйшая идея ни за что и не приходитъ имъ въ голову и даже имѣть ее кажется имъ ниже ихъ достоинства. Напротивъ, каждая семейная группа болѣе склонна, хотя и съ завистью, принять чуть не всякую другую семейную группу на этой палубѣ за нѣчто, во-первыхъ, хоть градусомъ высшее себя, во-вторыхъ, за нѣчто изъ какого-то особаго міра, въ родѣ какъ изъ балета, но ужъ ни подъ какимъ видомъ за людей тоже могущихъ имѣть, подобно имъ—хозяйство, дѣтей, нянекъ, пустой кошелекъ, долгъ въ лавочкѣ и пр. Такая мысль была бы даже слишкомъ для нихъ оскорбительною; безотрадною даже; разрушала бы, такъ сказать, идеалы.

На парходахъ, къ числу первыхъ начинающихъ вслухъ заговаривать можно причислить, почти прежде всѣхъ, гувернантокъ,—разумѣется, разговоры съ дѣтми и на французскомъ языкѣ. Гувернантки въ обществѣ средней руки большею частію всегда одного пошиба, т.-е. всѣ молоденькія, всѣ недавно изъ учебнаго заведенія, всѣ не совсемъ хороши собою, но и никогда не бываютъ вполне дурны; всѣ въ темныхъ платьицахъ, всѣ съ тянутыми тальями, всѣ стараются выказать кожку, всѣ съ гордою скромностью, но и съ самымъ непринужденнымъ видомъ, свидѣтельствующимъ о высокой певинности, всѣ до фанатизма преданы своимъ обязанностямъ, у каждой непременно съ собою англійская или французская книжка благовосчитаннаго содержанія, чаще всего какое-нибудь путешествіе. Вотъ она беретъ на руки двухъ-лѣтнюю дѣвочку, а сама, не спуская глазъ, строго, но съ любовью, зоветъ заигравшуюся шестилѣтнюю сестру ребенка (въ соломенной шляпѣ съ незабудками, въ бѣломъ коротенькомъ съ кружевцами платьицѣ и въ очаровательныхъ дѣтскихъ ботиночкахъ) своимъ гувернантски-французскимъ языкомъ: *Wega, venez-ici*, — непременно классическое *venez-ici*, и непременно съ сильнѣйшимъ удареніемъ на соединительномъ звукѣ *zi*. Мать семейства, полная и необычайно высшаго общества женщина (мужъ ея тутъ же—европейскаго, хотя и помѣщичьяго вида господинъ, росту не малаго, болѣе плотенъ чѣмъ худощавъ, съ легкою просѣдью, съ бѣлокурою бородой, хоть и длинною, но несомнѣнно парижской модели, въ бѣлой пуховой шляпѣ, одѣтъ по-лѣтнему, чина сомнительнаго)—мать семейства немедленно замѣчаетъ, что гувернантка, взявъ на руки двухлѣтнюю Нину, беретъ на себя лишній трудъ, не выговоренный въ условіи, и чтобъ напомнить той, что она вовсе не такъ-то это цѣпитъ, необычайно ласковымъ голосомъ, исключаяющимъ однако малѣйшую мечту въ подчипенной дѣвицѣ о правѣ на дальнѣйшую фамиллярность, замѣчаетъ, что ей съ Ниной должно быть „тя-же-ло“ и что надо кликнуть няньку, при чемъ безпокойно и повелительно осматривается вокругъ, чтобы отыскать улизнувшую няньку. Европейскій супругъ ея дѣлаетъ даже недоконченное движеніе въ томъ же смыслѣ, будто желая бѣжать отыскивать няньку, но одумывается и остается, и видимо доволенъ, что все-таки одумался и не побѣжалъ за нянькой. Онъ, кажется, немножко на послыткахъ

у своей высшей дамы-супруги, и въ то же время принимаетъ это къ сердцу. Губернантка сиѣвшить успокоить насчетъ себя высшую даму, увѣряя велухъ и нараспѣвъ, что она „такъ любить Ницу“ (страстный поцѣлуй Ницѣ). Тутъ опять легкій окрикъ по-французски на Вѣру, съ тѣмъ же *zici*, но любовь такъ и сверкаетъ изъ глазъ этой преданной дѣвицы даже и къ виноватой Вѣрѣ. Вѣра, наконецъ, подбѣгаетъ, подирыгивая, и фальшиво ластится (шести-семи-лѣтній ребенокъ, еще въ чинѣ ангела, и тотъ уже жжетъ и коверкается!). Мамзель немедленно начинаетъ на ней опрaвлять, безъ всякой, впрочемъ, необходимости, колеретку; затѣмъ и звала ее...

Пароходу этому всего шесть часовъ пути и поѣздка почти что увеселительная. Повторяю опять: безъ сомнѣнiя, два-три дня пути, гдѣ-нибудь по Волгѣ, или изъ Кронштадта въ Остенде, взяли бы свое: необходимость разогнала бы гостиную, балетъ полинялъ бы и растрепался и стыдливо припрятанные инстинкты выскочили бы наружу въ самомъ открытомъ видѣ, даже радуясь своему праву выскочить. Но три дня и шесть часовъ—разница, и на нашемъ пароходѣ все осталось въ самомъ „чистомъ видѣ“, съ начала и до конца. Вотъ мы понеслись, въ прелестный июньскiй день, въ десятомъ часу утра, по тихому и широкому озеру. Носовая часть парохода клонится отъ „пассажировъ“, по тамъ это лишь всякая всячина, о которой мы ровно ничего знать не хотимъ; у насъ же, какъ я сказалъ, свой салонъ. Есть, впрочемъ, и у насъ изъ такихъ, что вездѣ собой задаютъ задачу, такъ что, по правдѣ, и не знаешь, что съ ними дѣлать, на-примѣръ, нѣмецъ-докторъ съ семействомъ, состоящимъ изъ его муттеръ и изъ трехъ германо-косоротыхъ дѣвицъ, на которыхъ трудно чтобъ кто-нибудь изъ русскихъ жениховъ могъ польститься. Для всѣхъ этихъ лицъ нашъ законъ не написанъ. Старикъ-докторъ совершенно въ своей тарелкѣ; онъ уже надѣлъ свою дорожную клеенчатую нѣмецкую фуражку, весьма глупой формы, и сдѣлать это парочно для независимости, то-есть, по крайней мѣрѣ, это намъ такъ кажется. Но замѣнь этого недоумѣнiя есть одна прехорошенькая дамочка и инженеръ-полковникъ, есть старушка-мать съ тремя нѣсколько перерзѣлыми, но весьма шиковатыми дочками, средне-высокаго петербургскаго генеральскаго круга, дѣвицами, должно быть, за-

дорными и уже выдавшими виды. Есть два хлыща, одинъ художникъ, есть юнкеръ и есть кавалерійскій офицеръ изъ одного извѣстнаго гвардейскаго кавалерійскаго полка; но онъ держитъ себя въ какомъ-то надменномъ уединеніи и молчитъ свысока, конечно, считая себя не въ своемъ обществѣ, и это всеѣмъ у насъ, очевидно, правится. Но всеѣхъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе и занимаетъ собою мѣста очутившееся вмѣстѣ съ нами *начальство*. Это, впрочемъ, весьма добродушнаго вида превосходительство, въ фуражкѣ и въ полужформѣ. Все сейчасъ же узнаютъ, что это самый старшій чиновникъ и такъ сказать „хозяйнъ губерніи“; утверждаютъ даже, что онъ теперь ѣдетъ что-то „обозрѣвать“. Вѣроятнѣе, что онъ провожаетъ свою супругу и семейство недалеко, на лѣтнюю ихъ резиденцію. Супруга его замѣчательно красивая дама, лѣтъ тридцати шести или семи, изъ знатной фамиліи С—хъ (о чемъ отмѣнно хорошо знаютъ на пароходѣ), ѣдетъ со всеѣми четырьмя дѣтьми (все дѣвочки, старшей лѣтъ десять), съ гувернанткой-швейцаркой, и, къ негодованію нѣкоторыхъ нашихъ дамъ, держитъ себя слишкомъ помѣщански, хотя и нестерпимо „подымаетъ носъ“. Одѣта побудничному, „и это теперь у нихъ въ модѣ, у ма-те-рей семействъ, — протянула вполголоса одна изъ генеральскихъ дочекъ, съ завистью осматривая изящный фасонъ слишкомъ скромнаго платья супруги хозяина губерніи. Обращаетъ тоже отмѣнное и даже нѣсколько вышее на себя вниманіе одинъ высокій, худощавый, съ сильною просѣдью джентльменъ, лѣтъ уже примѣрно пятидесяти шести или семи, и независимо усѣвшійся почти на самомъ пароходѣ на пароходномъ складномъ стульчикѣ, рѣзительно спиною къ публикѣ, и черезъ бортъ лѣнливо и безпредметно смотрящій на воду. Всеѣмъ извѣстно, что это *такой-то* камергеръ и щеголь въ прошлое царствованіе, и хоть не Богъ знаетъ какого значенія теперь, но зато самаго высшаго круга, баринъ, прожившій много въ своей жизни денегъ и что-то очень долго скитавшійся въ послѣднее время за границей. Онъ одѣтъ даже нѣсколько и небрежно и вида самаго партикулярнаго, но осанка самаго безукоризненнаго русскаго милорда и даже почти безъ примѣси французскаго парикмахера, что уже одно составляетъ совершенную рѣдкость въ настоящемъ русскомъ англичанинѣ. У него на пароходѣ два лакея, а съ нимъ собака, сеттеръ удивительной красоты. Она ходитъ

по нашей налюбѣ и, желая познакомиться, тычетъ носъ между колѣнками сидящей публики, видимо наблюдая очередь. И хоть это скучно, но никто этимъ не обижается, а нѣкоторые изъ насъ даже пробуютъ и погладить собаку, но непремѣнно съ видомъ знатоковъ, совершенно умѣющихъ оцѣнить достоинство дорогого пса, и у которыхъ завтра же можетъ быть у каждаго точно такой же сеттеръ. Но сеттеръ ласки принимаетъ равнодушно, какъ настоящій аристократъ, и у колѣнъ остается не подолгу, и хоть и машетъ чуть-чуть хвостомъ, но лишь изъ свѣтской вѣжливости, лѣниво и равнодушно. У милорда, очевидно, знакомыхъ здѣсь нѣтъ, но по обрюзглому и разваренному виду его совершенно ясно, что ему ничего и не надо, и не изъ принципа какого-нибудь, а просто потому, что не надо. Къ административному значенію „хозяина области“ онъ, на складномъ своемъ стульчикѣ, въ высшей степени равнодушенъ и равнодушіе это тоже въ высшей степени безпринципное. Но уже видно, что разговоръ между ними несомнѣнно готовъ завязаться. Администраторъ похаживаетъ около складного стульчика и изъ всѣхъ силъ желаетъ заговорить. Онъ хоть и жепать на урожденной С—й, но самъ со свойственнымъ ему прямодушіемъ, кажется, признаетъ себя на довольно крупную степень пониже милорда,—разумѣется, безо всякой потери достоинства: вотъ эту-то послѣднюю задачу и предстоитъ теперь разрѣшить ему. Тутъ вертится одинъ господинъ „со второй ступеньки“ и, по его старанію, хозяинъ и милордъ какъ-то усѣли уже случайно и безъ предварительнаго ознакомленія, переброситься двумя словами. Поводомъ послужило извѣстіе, сообщенное господиномъ „со второй ступеньки“ объ одномъ сосѣднемъ губернаторѣ, тоже извѣстномъ аристократѣ и который, за границей, спѣша на воды къ своему семейству, какъ-то вдругъ сломалъ себѣ въ вагонѣ ногу. Нашъ генералъ пораженъ ужасно, и ему очень хотѣлось бы узнать подробности. Милордъ знаетъ подробности и довольно обязательно уже промямлилъ сквозь вставные свои зубы двѣ-три пары словъ, впрочемъ, не глядя на генерала и даже неизвѣстно кому говоря, — ему или вѣстовщику „со второй ступеньки“. Генералъ съ искреннимъ нетерпѣніемъ стоитъ надъ стуломъ, заложивъ за спину руки, и ждетъ. Но милордъ рѣшительно неблагонадеженъ, и, пожалуй, вдругъ замолчитъ и забудетъ о чемъ говорилъ.

По крайней мѣрѣ, у него видъ такой. Животрепещущій господинъ „со второй ступеньки“ такъ и дрожитъ надъ нимъ, желая не дать ему замолчать. Онъ поставилъ себѣ священнѣйшимъ долгомъ свести обоихъ высшихъ джентльменовъ и познакомить ихъ между собою.

Замѣчательно, что такихъ господъ „со второй ступеньки“ всегда довольно въ дорогѣ, особенно около „старшихъ“ лицъ, и уже по тому одному, что въ дорогѣ ихъ некуда отогнать. Но ихъ не отгоняютъ, потому что они довольно полезны, разумѣется, если сами находятся въ извѣстныхъ благоприятныхъ и подходящихъ условіяхъ. У нашего, на-примѣръ, даже орденкоъ на шеѣ и самъ онъ хоть и въ гражданской, но въ форменной какой-то одеждѣ и фуражка у него съ какимъ-то форменнымъ околышемъ — стало-быть, въ нѣкоторомъ отношеніи приличенъ. Такой господинъ такъ и начинаетъ съ того, передъ старшимъ лицомъ, что всѣмъ своимъ существомъ выражаетъ собою, безъ словъ, одной фигурой, въ видѣ предупрежденія: „Вѣдь я со второй ступеньки; на равную погу не бюу ни за что и на первую ступеньку къ вамъ не покунусь. Обидѣтся на меня вы никакъ не можете, ваше превосходительство; а развлечъ васъ я могу даже со счастьемъ себѣ-съ, такъ что вы всегда можете отвѣтить миѣ сверху внизъ на вторую ступеньку, а я свое мѣсто даже до гроба моего всегда знаю-съ“. Безъ сомнѣнія, ясно, что эти господа бьются изъ выгоды, но „чистый типъ“ подобныхъ господъ дѣйствуетъ даже и безъ расчета на выгоду, а изъ нѣкотораго чиновничьяго вдохновенія; вотъ въ такомъ-то случаѣ онъ и полезень, тутъ-то онъ и искренно весель, тутъ-то онъ и простодушенъ до того, что въ немъ даже исчезаетъ лакей; а выгода его все-таки приходитъ сама собою, какъ фактъ и необходимое слѣдствіе.

Къ начинающемуся разговору „двухъ высшихъ лицъ“ всѣ на палубѣ становятся вдругъ чрезвычайно внимательны; не то чтобъ они желали тоже примкнуть; это было бы даже слишкомъ, а хоть поглядѣть и послушать. Иные уже бродятъ около, но болѣе всѣхъ страдаетъ европейскій мужъ „высшей дамы“. Онъ чувствуетъ, что могъ бы не только подойти, но даже и въ разговоръ ввязаться, и что даже имѣетъ на то нѣкоторое свое право: генералы генералами, а Европа Европой, какъ вѣдь тамъ хотите.

И совсѣмъ, совсѣмъ бы онъ не хуже другихъ могъ поговорить о губернаторѣ, сломавшемъ за границу ногу! Онъ даже думаетъ, съ этою цѣлью, поласкать сеттера и съ этого какъ-нибудь и начать, но гордо отдергиваетъ уже протянувшуюся руку: и даже вдругъ ощущаетъ непреодолимое побужденіе задать сеттеру ногою пинка. Мало-помалу онъ принимаетъ какъ бы уединенный и обиженный видъ, на минутку отходитъ и начинаетъ всматриваться въ блестящую даль озера. Супруга его, онъ видитъ это, смотритъ на него съ самой ехидной ироніей. Этому онъ не выдерживаетъ и возвращается опять къ „разговору“, ходитъ и бродитъ около разговора, какъ душа въ чистилищѣ. И если безгрѣшная душа эта способна хоть что-нибудь ненавидѣть, то ненавидитъ она въ эту минуту господина со „второй ступеньки“, ненавидитъ изо всѣхъ силъ, и не будь только этого господина со второй ступеньки, ничего бы можетъ и не было изъ того, что далѣе произошло!

— Теле-гра-фи-ровалъ сюда, скандируетъ сухопарый милордъ, слѣдя за сеттеромъ и едва отвѣчая генералу,— и я въ первую минуту, во-об-ра-зите себѣ, по-те-ря-лся...

— Вѣроятно вамъ родственникъ? желалъ бы освѣдниться генераль, но сдерживаетъ себя и ждетъ.

— И представьте, семейство въ Карлсбадѣ, а онъ теле-гра-фи-ро-валъ, опять безсвязно шамкаетъ милордъ, наладивъ одно: „телеграфировалъ“.

Его превосходительство продолжаетъ ждать, хотя въ лицѣ его изображается сильнѣйшее нетерпѣніе. Но милордъ вдругъ умолкаетъ совершенно и рѣшительно забываетъ о разговорѣ.

— Вѣдь у него, кажется... главное его имѣнье... въ Тверской губерніи? рѣшается, наконецъ, самъ спросить генераль, съ пѣкоторымъ стыдомъ неувѣренности.

— Оба, оба су-хо-щавые, и Яковъ и А-ри-стархъ... Оба брата. Братъ теперь въ Бес-са-ра-бін. Яковъ ногу сломалъ, а Аристархъ въ Бес-са-ра-бін.

Генераль вздергиваетъ голову и находится въ чрезвычайномъ недоумѣніи.

— Су-хо-ща-вые, а имѣнье женино, отъ Га-ру-ни-ныхъ. Она у-ро-ж-денная Га-ру-ни-на.

— А! радуется генераль.

Онъ видимо доволенъ тѣмъ, что „она Гарунина“. Онъ теперь понимаетъ.

— Добрѣйшій, кажется, человекъ, съ жаромъ воскли-

цаеть онъ.—Я его зналъ... то-есть я именно думалъ здѣсь познакомиться... благороднѣйшій человѣкъ!

— Добрѣйшій человѣкъ, ваше превосходительство, добрѣйшій! И знаете, именно, какъ вы изволили сейчасъ опредѣлить: „добрѣйшій-съ!“ горячо ввязывается развязный человѣкъ со второй ступеньки и неподдѣльный восторгъ сіяетъ въ глазахъ его.

Онъ осанисто озирается на пассажировъ, и чувствуетъ себя нравственно выше всѣхъ насъ остальныхъ на палубѣ.

Этого уже совершенно не выдерживаетъ европейскій господинъ, скитающійся „около разговора“. Увы, тутъ даже цѣлый фатумъ!

Въ томъ, главное, фатумъ, что супруга его, „высшая дама“, когда-то еще въ дѣвицахъ была чуть не подругой супруги „хозяина губерніи“, урожденной С—й, и тогда еще тоже дѣвицы. „Высшая дама“—тоже чья-то „урожденная“ и тоже причисляетъ себя къ существамъ нѣсколько высшаго тина, чѣмъ супругъ ея. Вступая давеча на пароходъ, она отлично знала, что хозяйка губерніи тоже поѣдетъ на пароходѣ и рассчитывала съ ней „встрѣтиться“. Но увы, онѣ не „встрѣтились“ и даже съ перваго шагу, съ перваго взгляда обозначилось съ необычайною ясностью, что и не могутъ встрѣтиться! „И все это изъ-за несноснаго этого человѣка!“

А „несносный этотъ человѣкъ“ съ своей стороны слишкомъ хорошо знаетъ безсловныя мысли своей супруги и слишкомъ приучился ихъ узнавать въ семилѣтіе своего супружества. А между тѣмъ онъ „въ Аркадіи рожденъ“. У него здѣсь, въ этой же губерніи, въ старину было восемьсотъ даже душъ! На выкупныя они и проѣздили всѣ эти семь лѣтъ за границей и даже на дубовую рошу (триста десятинь-съ!), проданную еще три года назадъ. И вотъ они теперь возвратились въ отечество, даже четыре уже мѣсяца какъ въ отечествѣ, и ѣдутъ теперь въ развалины своего помѣстья, сами не зная зачѣмъ. Главное, высшая дама, кажется, и знать не хочетъ, что уже нѣтъ болѣе ни выкупныхъ, ни дубовой роши. Но всего болѣе она раздражена тѣмъ, что вотъ уже они четыре мѣсяца какъ воротились, а ей все ни съ кѣмъ не удастся „встрѣтиться“. Случай съ генеральшей не первый: „И все изъ-за него, изъ-за этого ничтожнаго человѣчишка!“

Что въ томъ, что у него европейская борода, зато

ни значенія, ни чинишка, ни свизей! Онъ ничего не сумѣлъ самъ выдумать, даже жениться самъ не сумѣлъ. И какъ могла я за него выйти. Я бородой прельстилась! Пусть онъ тамъ говорить, что бесѣдовалъ съ Миллемъ и способствовалъ низверженію Тьера; вѣдь за это ему здѣсь ничего не дадутъ; да къ тому же и вретъ; если бъ Тьера низвергаль, я бы видѣла...”

Счастливымъ мужъ великолѣпно, отлично знаетъ, что таковы именпо мысли о немъ его „высшей дамы“, и именно въ эту минуту. Она не высказала ему желанія „встрѣтиться“ съ хозяйкой губерніи, но онъ знаетъ, что если не устроить ей этой встрѣчи, то это причтется ему уже на всю жизнь. Къ тому же, онъ самъ непремѣнно хочетъ, чтобы она первая созналась, что онъ не только съ Миллемъ, но даже и съ отечественными генералами можетъ поговорить, что онъ тоже птица, и не простая какая-нибудь, а настоящая птица каганъ. Увы, вотъ это-то добровольное признаніе супругою его совершенствъ и составляло, въ сущности, главнѣйшую задачу всей его столь манкированной жизни, и даже всю цѣль ея, съ самыхъ первыхъ часовъ супружества! Какъ это такъ устроилось—слишкомъ долго передавать, но это было такъ, и тутъ было все и ничего болѣе. И вотъ онъ вдругъ, нервно, потерянно, шагаетъ впередъ и становится прямо противъ милорда.

— Я... генераль... я тоже былъ въ Карлсбадѣ,--лепечетъ онъ съ дубу генералу, и представьте, генераль, тамъ при мнѣ тоже былъ случай съ ногой... Это вы про Аристарха Яковлевича изволили говорить? ужасно быстро повергывается онъ вдругъ къ милорду, не выдержавъ генерала.

Генераль вздергиваетъ голову и съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотритъ на подбѣжавшаго господина, который говоритъ, а самъ весь трясется. Но милордъ не вскинулъ даже головы, а между тѣмъ, о, ужасъ, протягиваетъ руку и европейскій господинъ ясно чувствуетъ, что милордъ, упираясь рукой съ боку въ его ноги, съ силою отстраняетъ его съ мѣста. Онъ вздрагиваетъ, смотритъ внизъ и вдругъ замѣчаетъ причину: забѣжавъ и легкомысленно помѣстившись между скамейкой и стульчикомъ милорда, онъ и не замѣтилъ, какъ задѣлъ лежавшую на скамейкѣ трость его, которая уже скользитъ и готова упасть со скамейки. Онъ быстро отскакиваетъ, трость падаетъ и милордъ съ ворчаніемъ нагибается поднять ее. Въ то же самое мгновеніе раздается ужасный визгъ: это сеттеръ, ко-

тому отскочившій на два шага господинъ отдалъ лапу. Сеттеръ визжитъ нестерпимо, нелѣпно; милордъ всѣмъ корпусомъ поворачивается на стульчикѣ и яростно скандируетъ господицу:

— Я васъ по-кор-нѣйше прошу оставить въ по-коѣ мою со-ба-ку.

— Это не я... Это она сама... бормочетъ собесѣдникъ Милля, желая провалиться сквозь палубу.

— Вы не повѣрите, вы не повѣрите, сколько я должна была выстрадать изъ-за этого без-дар-паго человѣка! слышится ему сзади яростный полушопотъ его супруги на ухо гувернанткѣ,—и даже не слышится, а только всѣмъ существомъ предчувствуется, а супруга, можетъ быть, и не шептала ничего гувернанткѣ...

Но вѣдь ужъ все равно! Онъ не только рѣшается провалиться сквозь палубу, но даже готовъ ступешаваться куда-нибудь на носъ, спрятаться у колеса. Такъ, кажется, и дѣлаетъ. По крайней мѣрѣ, въ остальную часть пути его что-то не видно у насъ на палубѣ.

Все кончается у насъ тѣмъ, что администраторъ не выдерживаетъ и, познакомивъ милорда съ своей супругой, самъ отправляется въ каюту, гдѣ, стараньями капитана, уже изготовленъ карточный столъ. Всѣ знаютъ маленькую слабость администратора. Господинъ со второй ступеньки все уже устроилъ и добылъ позволительныхъ по обстоятельствамъ партнеровъ: приглашены — одинъ чиновникъ, состоящій при постройкѣ ближайшей желѣзной дороги, съ какимъ-то неестественной величины жалованьемъ и уже нѣсколько знакомый его превосходительству, и инженеръ-полковникъ, хотя и не знакомый, но согласившійся составить партію. Этотъ держитъ себя угрюмо и туповато (отъ напыла собственнаго достоинства), но разыгрываетъ партію хорошо. Желѣзно-дорожный чиновникъ нѣсколько тривиаленъ, но умѣетъ сдерживаться; господинъ же со второй ступеньки, сѣвшій за четвертаго, ведетъ себя совершенно такъ, какъ ему надо вести себя. Генераль испытываетъ большое удовольствіе.

А милордъ между тѣмъ знакомится съ генеральшей... О томъ, что она урожденная С—я, онъ совсѣмъ позабылъ и не догадывался. Теперь онъ вдругъ припомнилъ ее еще шестнадцатилѣтней дѣвочкой. Генеральша обращается съ нимъ нѣсколько свысока и какъ будто не-

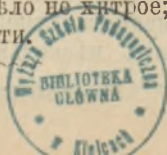
брежно, но это все только видъ. Она вяжетъ какое-то вязанье и едва глядитъ на него; но милордъ становится чѣмъ дальше, тѣмъ милѣе; онъ одушевляется, правда, шамкаетъ, брызгается, но такъ отлично рассказываетъ (разумѣется, по-французски), припоминаетъ такіе прелестные анекдоты, такія дѣйствительно-остроумныя вещи... А сколько онъ знаетъ сплетенъ! Генеральша улыбается все чаще и чаще. Обаяніе прелестной женщины дѣйствуетъ на милорда до странности, оно все ближе и ближе подвигаетъ къ ней свой стульчикъ, онъ, наконецъ, совсѣмъ какъ-то раскисаетъ и какъ-то странно хихикаетъ... Этого уже окончательно не можетъ вынести несчастная „вышшая дама“. Съ ней дѣлается тикъ (tic douleurеux), она переходитъ въ дамскую каюту, въ особое отдѣленіе, вмѣстѣ съ гувернанткой и съ Ниной. Начинаются укусы примочки, раздаются стоны. Гувернантка чувствуетъ, что „утро потеряно“ и рѣшительно дуется. Она не хочетъ заговаривать, усадила Вѣру, а сама смотритъ въ книжку, которую, впрочемъ, не читаетъ.

— Это съ ней, однакоже, въ первый разъ во всѣ три мѣсяца,—мѣряетъ ее глазами страдающая дама.—Она бы должна говорить, должна! Меня развлекать должна, мени сожалѣть; она гувернантка, она должна юлить, раскидаться, это все, все черезъ этого человѣчишку! — и она съ ненавистью продолжаетъ коситься на дѣвицу. Заговорить же съ ней сама не хочетъ изъ гордости. Дѣвица между тѣмъ мечтаетъ про только-что покинутый Петербургъ, про бакенбарды двоюроднаго брата, про офицера, его пріятеля, про двухъ студентовъ. Мечтаетъ объ одной компаниі, гдѣ такъ много собирается студентовъ и студентовокъ, и куда ее уже приглашали.

„А чортъ бы дралъ! рѣшаетъ она окончательно: пробуду у этихъ эзоповъ еще мѣсяць, и если все такъ же будетъ скучно, удеру въ Петербургъ. А жрать будетъ нечего, пойду въ акушерки. Наплевать!“

Пароходъ, наконецъ, подходитъ къ пристани и всѣ бросаются къ выходу, какъ изъ снѣртаго темничнаго воздуха. Какой жаркій день, какое ясное, прекрасное небо! Но мы на небо не смотримъ, некогда. Мы сѣдшимъ, сѣдшимъ; небо не уйдетъ.

Небо дѣло домашнее, небо дѣло не хитрое; а вотъ жизнь прожить,—такъ не поле перейти.

ОГЛАВЛЕНІЕ
девятаго тома.

	стр.
КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.	
Рядъ статей о Русской Литературѣ.	
I. Введеніе	5
II. Г.—бовъ и вопросъ объ искусствѣ	44
III. Книжность и грамотность. (Статья первая)	88
IV. Книжность и грамотность. (Статья вторая)	108
V. Последнія литературныя явленія. Газета „День“	152
„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“ за 1873 годъ.	
I. Вступленіе	165
II. Старше люди	170
III. Среда	176
IV. Нѣчто личное	190
V. Власть	201
VI. Бобокъ	214
VII. Смятенный видъ	233
VIII. Подписьма „одного лица“	242
IX. По поводу выставки	253
X. Ряженный	266
XI. Мечты и грѣзы	283
XII. По поводу новой драмы	291
XIII. Маленькія картинки	303
XIV. Учителю	314
XV. Нѣчто о враньѣ	320
XVI. Одна изъ современныхъ фальшей	331

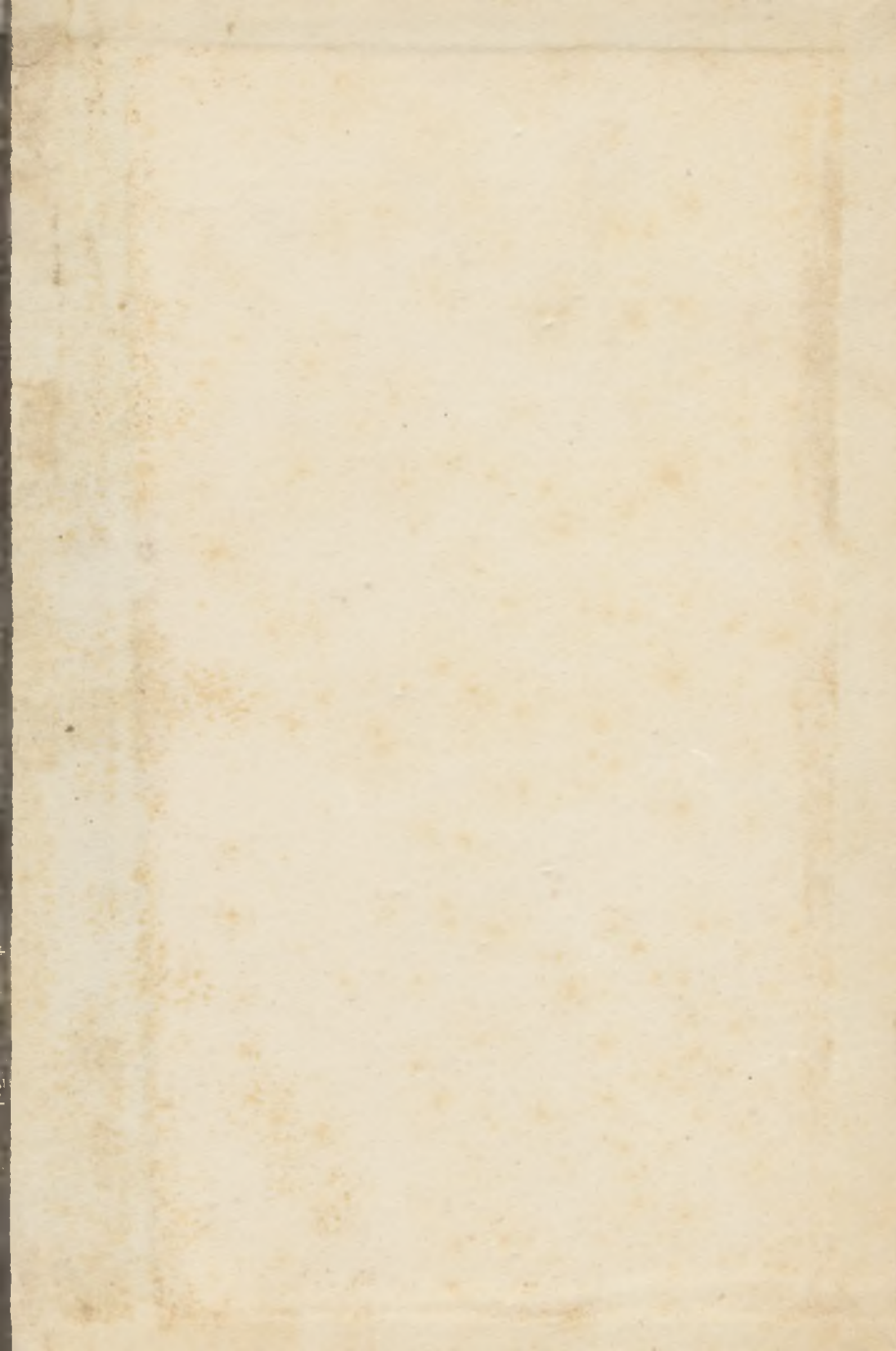
ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Иностранныя событія за 1873—74 гг.

Изъ № 38-го журнала „Гражданинъ“ 1873 г.	345
„ № 39 „ „ „	356
„ № 40 „ „ „	361
„ № 41 „ „ „	368
„ № 42 „ „ „	383
„ № 43 „ „ „	392
„ № 44 „ „ „	399
„ № 45 „ „ „	408
„ № 46 „ „ „	416
„ № 51 „ „ „	424
„ № 52 „ „ „	431
Изъ № 1 журн. „Гражданинъ“ 1874 г.	435

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Двѣ замѣтки редактора (изъ журнала „Гражданинъ“ 1873 г.).	444
Маленькія картинки. Въ дорогѣ. (Изъ Сборника „Складчина“, издавнаго въ 1874 г.).	452

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

162069

Biblioteka WSP Kielce

0126780